

Царствованіе Императора Николая II

С. С. Ольденбургъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Переломные годы 1904—1907.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Значеніе русско-японской. войны. — Подготовка и силы сторонъ. — Отклики на войну: патріотическія манифестаціи. — Отношеніе другихъ державъ. — Назначеніе Куропаткина. — Морскія операціи подъ Портъ-Артуромъ; адм. Макаровъ. — Англо-французское соглашеніе 30.III (12.IV) 1904 г. —

Бой на Ялу. — Циньчжоу и начало осады Портъ-Артура. — Ген. Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ; Вафангоу. — Убійство Бобрикова и Плеве. — Морской бой 28 іюля. — Рожденіе Наслѣдника. — Ляоянъ. — Весна" кн. Святополкъ-Мирскаго. — Бои на Шахэ. — Ростъ пораженчества.

Выходъ 2-й эскадры и инцидентъ на Доггербанкѣ. — Проектъ русско-германо-французскаго соглашенія. — „Земскій съѣздъ" 6—9 ноября 1904 г. — Манифестъ 12 декабря. — Сдача Портъ-Артура — Приказъ по арміи и флоту на 1 января 1905 г.

Съ тѣхъ дней, когда Петръ Великій прорубалъ „окно въ Европу", ни одна война не была въ такой мѣрѣ борьбой за будущее Россіи, какъ русско-японская война. Рѣшался вопросъ о выходѣ къ незамерзающимъ морямъ, о русскомъ преобладаніи въ огромной части свѣта, о почти незаселенныхъ земельныхъ просторахъ Манчжуріи.

Иначе, какъ поставивъ крестъ надъ всѣмъ своимъ будущимъ въ Азіи, Россія отъ этой борьбы уклониться не могла. О „двухъ несогласимыхъ судьбахъ" говоритъ американскій лѣтописецъ русско-японской войны, С. Тайлеръ: „Россія, — пишетъ онъ, — должна была

прочно утвердиться на Печилійскомъ заливѣ и найти свой естественный выходъ въ его свободныхъ гаваняхъ, **иначе всѣ труды и жертвы долгихъ лѣтъ оказались бы безплодными и великая сибирская имперія осталась бы только гигантскимъ тупикомъ".**

„Только неразумное резонерство — писалъ Д. И. Менделѣевъ — спрашивало: къ чему эта дорога? А всѣ вдумчивые люди видѣли въ ней великое и чисто русское дѣло... путь къ океану — Тихому и Великому, къ равновѣсію центробѣжной нашей силы съ центростремительной, къ будущей исторіи, которая неизбѣжно станетъ совершаться на берегахъ и водахъ Великаго океана".

Государь въ полной мѣрѣ сознавалъ все историческое значеніе „большой азіатской программы". Онъ вѣрилъ въ русское будущее въ Азіи и послѣдовательно, упорно прокладывалъ пути, „прорубалъ окно на океанъ" для Россійской Имперіи. Преодолѣвая сопротивленіе и въ своемъ ближайшемъ окруженіи, и въ сложной международной обстановкѣ, Императоръ Николай II на рубежѣ XX-го вѣка былъ главнымъ носителемъ идеи имперскаго величія Россіи.

Государь не любилъ войну; Онъ даже готовъ былъ отказаться отъ многаго, если бы этой цѣной дѣйствительно удалось достигнуть „мира во всемъ мірѣ". Но Онъ также зналъ, что политика капитуляцій и „свертыванія" далеко не всегда предотвращаетъ войну.

Съ давнихъ поръ — еще съ 1895 г., если не раньше — Государь предвидѣлъ возможность столкновенія съ Японіей за преобладаніе на Д. Востокѣ. Онъ готовился къ этой борьбѣ, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи. И сдѣлано было не мало: соглашеніемъ съ Австріей и возстановленіемъ „добрососѣдскихъ" отношеній съ Германіей, Россія себѣ обезпечивала тылъ. Постройка Сибирской дороги и усиленіе флота давали ей матеріальную возможность борьбы.

Но если основныя вѣхи русской политики были поставлены правильно, то практическое исполненіе оставалось весьма несовершеннымъ. Въ частности, для укрѣпленія русскихъ позицій на Д. Востокѣ было сдѣлано недостаточно. Постройка Портъ-Артурской крѣпости подвигалась крайне медленно, средства на нее отпускались скудно, въ то самое время, какъ на оборудованіе огромнаго порта въ Дальнемъ на томъ же Ляодунскомъ полуостровѣ истрачено было до 20 милліоновъ. Въ этомъ едва ли была чья либо сознательная злая воля — тутъ сказывалась характерная черта С. Ю. Витте: на то, что было въ его непосредственномъ вѣдѣніи, всегда находились средства изъ бюджетныхъ „остатковъ", тогда какъ требованія другихъ вѣдомствъ,

въ томъ числѣ военнаго, подвергались строгой предварительной урѣзкѣ.

Но и военное министерство, въ лицѣ ген. А. Н. Куропаткина, не проявляло подлиннаго живого интереса къ дальневосточнымъ начинаніямъ. Военный министръ еще въ 1903 г. упорно доказывалъ невозможность отправки значительныхъ подкрѣпленій на Д. Востокъ, утверждая, что это слишкомъ ослабило бы Россію на западной границѣ. Съ этимъ сопротивленіемъ „вѣдомствъ", никогда, разумѣется, не принимавшимъ форму прямого неповиновенія, а только всевозможныхъ оттяжекъ и отговорокъ, Государю было нелегко бороться. Все значеніе столь нелюбимыхъ министрами, и столь вообще непопулярныхъ „квантунцевъ", какъ ихъ называли — А. М. Безобразова, адм. Абаза, отчасти и намѣстника Е. С. Алексѣева — въ томъ и было, что они должны были сообщать Государю обо всемъ, что недодѣлано; они являлись какъ бы „Государевымъ окомъ", наблюдавшимъ за исполненіемъ Его велѣній; — „орудіемъ, которымъ Государь кололъ насъ", „горчичникомъ", не дававшимъ министрамъ уснуть, какъ выразился Куропаткинъ въ своемъ дневникѣ. Но, конечно, творили „большую политику" не эти люди: основныя вѣхи были поставлены Государемъ, и уже давно.

За весь 1903-й годъ, когда военные агенты на Д. Востокѣ сообщали въ одинъ голосъ объ энергичныхъ приготовленіяхъ Японіи, русскія силы въ Пріамурьи и въ Портъ-Артурѣ были увеличены на какихъ-нибудь 20.000 человѣкъ, хотя, напр., статсъ-секретарь Безобразовъ настаивалъ на сосредоточеніи въ Южной Манчжуріи арміи хотя бы въ 50.000 человѣкъ. Военный министръ всячески отъ этого уклонялся. „Я не переставалъ въ теченіе двухъ лѣтъ ему говорить (писалъ Государь въ апрѣлѣ 1904 г. императору Вильгельму), что надо укрѣпить позиции на Дальнемъ Востокѣ. Онъ упорно противился моимъ совѣтамъ до осени, а тогда уже было поздно усиливать составъ войскъ".

Если въ высшихъ правительственныхъ кругахъ относились холодно къ дальневосточнымъ начинаніямъ, то въ обществѣ преобладало равнодушное, а то и прямо отрицательное отношеніе къ нимъ.

Японія, въ то же время, готовилась къ этой борьбѣ съ отчаянной энергіей. Престижъ неодолимой силы европейскихъ державъ стоялъ въ то время очень высоко. Японія быстро усваивала европейскую технику и многія внѣшнія формы; старалась заручиться поддержкой среди „бѣлыхъ", приноравливаясь умѣло къ ихъ понятіямъ.

Идея войны съ Россіей возникла въ японской народной психологіи

задолго до 1904 г. Такъ извѣстный англо-японскій писатель Лафкадіо Хирнъ, описывая возвращеніе японскихъ войскъ послѣ войны съ Китаемъ (въ 1895 г.) отмѣчаетъ, какъ нѣчто обычное, естественное, слова стараго японца о мертвыхъ, которые вернутся: „Изъ Китая и изъ Кореи они придутъ, и тѣ, кто покоятся въ морскихъ глубинахъ... Они услышатъ зовъ и въ тотъ день, **когда воинства Сына Неба двинутся противъ Россіи**"... Японскій народъ сжился съ этой мыслью.

Съ 1895 по 1903 г., японская армія мирнаго времени была увеличена въ два съ половиной раза *); число орудій — болѣе чѣмъ утроилось; были кромѣ того подготовлены кадры, давшіе возможность выставить армію гораздо болѣе многочисленную, чѣмъ расчитывали военные агенты всѣхъ странъ. На эти сооруженія были истрачены поступленія по китайской контрибуціи за войну 1894—95 г.г., а отчасти за боксерское возстаніе, причемъ, по ироніи судьбы, Россія въ свое время была **поручительницей** за исправную уплату Китаемъ своего военнаго долга!

Еще значительнѣе было увеличеніе флота. Онъ былъ прямо созданъ наново, преимущественно на англійскихъ верфяхъ; вмѣсто флота, который былъ количественно слабѣе китайскаго, или хотя бы голландскаго, возникла боевая сила великодержавнаго масштаба.

Всѣ эти усилія дѣлались въ виду серьезной борьбы наступательнаго характера, борьбы за первенство на Д. Востокѣ, и Японія выбрала для начала войны наиболѣе удобный для нея моментъ. Было бы лицемѣріемъ укорять ее за то, что она преслѣдовала съ желѣзной послѣдовательностью свои цѣли; но въ то же время слѣдуетъ признать, что въ конфликтѣ 1904 г. она и по существу, и по формѣ была нападающей стороной. Россія могла бы избѣжать борьбы только путемъ капитуляціи, путемъ самоустраненія съ Д. Востока. Никакія частичныя уступки —а ихъ было сдѣлано много, и въ ихъ числѣ была задержка отправки подкрѣпленій въ Манчжурію — не могли не только предотвратить, но и отсрочить войну.

Русско-японская война была — послѣ перерыва въ нѣсколько десятковъ лѣтъ — первой **большой** войной, съ примѣненіемъ современнаго оружія — дальнобойной артиллеріи, броненосцевъ, миннаго флота. Но тогда еще не было ни аэроплановъ, ни дирижаблей; а безпроволочный телеграфъ и подводныя лодки еще только-только начинали примѣняться, и почти не играли роли въ этой борьбѣ.

Хотя русская армія мирнаго времени и насчитывала около мил-

*) Съ 64.000 до 150.500.

ліона бойцовъ, въ январѣ 1904 г. вооруженныя силы Россіи на всемъ Дальнемъ Востокѣ не достигали ста тысячъ человѣкъ. Изъ нихъ около 20.000 составляли гарнизонъ Портъ-Артура; до 50.000 было сосредоточено въ Уссурійскомъ краѣ, менѣе двадцати тысячъ стояло гарнизонами по Манчжуріи. Сообщеніе съ Россіей поддерживалось одноколейной Сибирской дорогой, только что достроенной и пропускавшей всего четыре пары поѣздовъ въ день. Кругобайкальская дорога еще заканчивалась; а мѣстное населеніе русскаго Д. Востока, откуда могли въ первую очередь прибыть призванные подъ знамена запасные, не достигало и милліона. Японія въ моментъ мобилизаціи могла выставить, по расчетамъ военныхъ агентовъ, армію въ 375.000 человѣкъ (потомъ оказалось, что мобилизовано было свыше 500.000). И она обладала достаточнымъ транспортнымъ флотомъ, чтобы одновременно перевозить двѣ дивизіи со всѣмъ необходимымъ оборудованіемъ. А отъ японскихъ портовъ до Кореи было меньше сутокъ пути.

Но самая возможность японскихъ операцій на материкѣ всецѣло зависила отъ того, за кѣмъ останется господство на морѣ. Русскій флотъ на Д. Востокѣ представлялъ собою значительную силу: семь эскадренныхъ броненосцевъ, четыре бронированныхъ крейсера, семь легкихъ крейсеровъ (въ томъ числѣ быстрѣйшій въ мірѣ крейсеръ „Новикъ", съ 25—26 узловымъ ходомъ), 25 миноносцевъ новѣйшаго образца и немалое количество канонерокъ, посыльныхъ судовъ и болѣе старыхъ „номерныхъ" миноносцевъ. Русское морское вѣдомство даже считало, что преобладаніе Россіи на морѣ уже обезпечено. Это, однако, было „предвосхищеніемъ . Дѣйствительно, къ началу или серединѣ 1905 г., когда были бы готовы суда, строившіяся въ Балтійскомъ морѣ, русскій флотъ достигъ бы внушительной по тому времени силы **пятнадцати** эскадренныхъ броненосцевъ *). Но въ моментъ начала войны, Японія имѣла и въ отношеніи флота замѣтное численное преобладаніе: шесть эскадренныхъ броненосцевъ, шесть бронированныхъ крейсеровъ, къ которымъ присоединились въ первый же мѣсяцъ еще два, — тѣ самые „Ниссинъ" и „Кассуга", которые миновали Сингапуръ въ моментъ разрыва дипломатическихъ сношеній. Въ отношеніи легкихъ крейсеровъ, миноносцевъ, вспомогательныхъ судовъ преобладаніе Японіи было еще замѣтнѣе.

Японія также имѣла огромное преимущество въ обиліи морскихъ базъ. У Россіи ихъ было всего двѣ. Русскій флотъ стоялъ почти весь

*) Семь броненосцевъ портъ-артурской эскадры, семь изъ Второй эскадры и „Слава", не говоря о болѣе старыхъ судахъ вродѣ „Николая I" или „Александра II".

въ Портъ-Артурѣ. Эта гавань, со внутреннимъ рейдомъ, защищеннымъ со всѣхъ сторонъ высокими холмами, въ свое время была идеальнымъ убѣжищемъ для флотовъ; но при размѣрахъ современныхъ судовъ она уже становилась недостаточно просторной и глубокой; а главнымъ ея недостаткомъ былъ узкій входъ на внутренній рейдъ; суда могли выходить изъ него только по одиночкѣ. Дальній, съ его великолѣпной бухтой, былъ совершенно не укрѣпленъ. Другая база — Владивостокъ — была нѣсколько мѣсяцевъ въ году закрыта льдами. Четыре крейсера — въ томъ числѣ три бронированныхъ — тѣмъ неменѣе находились во Владивостокѣ; а легкій крейсеръ „Варягъ" стоялъ въ корейскомъ портѣ Чемульпо, въ распоряженіи русскаго посланника въ Кореѣ.

Портъ-Артурская эскадра производила частыя ученія и стояла подъ парами на внѣшнемъ рейдѣ. Когда послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній, Намѣстнику на Д. Востокѣ была дана инструкція: лучше, если военныя дѣйствія начнутъ японцы; ихъ высадкѣ въ Кореѣ — кромѣ сѣверо-западнаго побережья — поэтому не слѣдуетъ препятствовать; и только если они зайдутъ сѣвернѣе 36-й параллели, — надо остановить ихъ флотъ. Русская власть видимо еще сохраняла нѣкоторую надежду на то, что японцы не рѣшатся напасть первыми; она также полагала, что Японія не отступитъ отъ стараго международнаго обычая — торжественнаго объявленія войны, забывая, что и войну съ Китаемъ въ 1894 г. Японія начала внезапнымъ нападеніемъ.

Когда японскіе миноносцы атаковали въ ночь на 27 января стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура русскую эскадру, они застали ее врасплохъ, и первыя же мины сильно повредили лучшіе броненосцы „Цесаревичъ" и „Ретвизанъ", а также крейсеръ „Палладу". Но русскіе моряки, быстро овладѣли положеніемъ, тутъ же начали давать отпоръ; японскіе миноносцы были отогнаны; поврежденныя суда направились на внутренній рейдъ; паники въ городѣ удалось избѣжать. И когда на слѣдующее утро 27 января подъ Портъ-Артуромъ появилась японская эскадра, русскій флотъ вышелъ ей навстрѣчу и, поддержанный береговыми батареями, быстро заставилъ ее удалиться.

Извѣстіе о началѣ войны поразило, всколыхнуло Россію. Почти никто ее не ждалъ; огромное большинство русскихъ людей имѣли самое смутное представленіе о Манчжуріи. Но всюду почувствовали: на Россію напали. Въ первый періодъ войны это настроеніе преобладало: на Россію напали и надо дать отпоръ врагу.

Въ Петербургѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ, возникли сами

собой, давно невиданныя уличныя патріотическія манифестаціи. Ихъ необычной чертой было то, что въ нихъ участвовала и учащаяся молодежь. Въ университетѣ состоялась сходка, завершившаяся шествіемъ къ Зимнему Дворцу съ пѣніемъ „Боже Царя храни". Тѣ, кто не сочувствовалъ, — а ихъ было немало — въ этотъ день примолкли, стушевались. Только Высшіе Женскіе курсы выдѣлились на общемъ фонѣ; курсистки на бурной сходкѣ заявили чуть ни единогласно протестъ противъ молебна о дарованіи побѣды, который хотѣлъ отслужить въ зданіи курсовъ совѣтъ профессоровъ; повидимому въ связи съ этимъ возникъ — не подтвержденный и не опровергнутый — слухъ о привѣтственной телеграммѣ, посланной курсистками микадо. Въ Баку армянскими революціонерами была брошена бомба въ армянское духовенство, служившее молебенъ о побѣдѣ; было два убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

Оппозиціонные круги, въ началѣ января 1904 г. устроившіе въ Петербургѣ первый нелегальный съѣздъ Союза Освобожденія и выбравшіе тайный руководящій комитетъ, оказались застигнутыми врасплохъ этими настроеніями. Земскія и дворянскія собранія, городскія думы принимали вѣрноподданническіе адреса. Земскіе конституціоналисты, собравшіеся 23 февраля на совѣщаніе въ Москвѣ, приняли рѣшеніе: въ виду войны, всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ на первые мѣсяцы; это рѣшеніе мотивировалось патріотическимъ подъемомъ въ странѣ, вызванномъ войной.

„Вѣстникъ Европы" писалъ: „Война, вызвавшая подъемъ духа во всѣхъ слояхъ русскаго народа, раскрывшая всю глубину ихъ преданности государственному благу, должна — мы этому глубоко вѣримъ — разсѣять множество предубѣжденій, мѣшавшихъ широкому размаху творческой мысли. Общество, добровольно раздѣляющее правительственную заботу, будетъ признано созрѣвшимъ и умственно и нравственно. Съ такой надеждой легче переносить потери и жертвы, неразрывно связанныя съ войной". „Русское Богатство", не высказывая своего мнѣнія, иронически назвало эти слова „любопытной тирадой": „конечно, съ надеждой жить легче... но самый фактъ войны, — замѣчалъ соціалистическій органъ — еще не даетъ никакихъ гарантій"...

Въ сложномъ положеніи оказалось „Освобожденіе", связанное и съ земцами, и съ болѣе лѣвыми кругами. „Кричите: да здравствуетъ армія, да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ свобода!" писалъ П. Б. Струве въ „письмѣ къ студентамъ"; но ему на страницахъ того

Портъ-Артуръ.

Городъ Дальній

Патріотическая манифестація студентовъ въ С Петербургѣ.

Патріотическая манифестація въ Одессѣ.

же журнала отвѣчали: „Не будемъ мѣшать нашихъ криковъ съ ихъ криками... Останемся во всякомъ случаѣ самими собой, и къ крику „да здравствуетъ Россія" не забудемъ **всякій разъ** прибавлять „свободная". А такъ какъ это слишкомъ длинно для уличнаго крика, лучше всего эти три слова замѣнить испытанными двумя — долой самодержавіе"...

Въ литературныхъ кругахъ — по признанію З. Н. Гиппіусъ — „война произвела мало впечатлѣнія... чему помогала, вѣроятно, и ея далекость. Къ тому же никакихъ внутреннихъ перемѣнъ отъ нея не ждали — развѣ только торжества и укрѣпленія самодержавія, потому что въ первое время держалась общая увѣренность, что японцевъ мы побѣдимъ". Только Брюсовъ отозвался сильными стихами „Къ Тихому океану".

Настроеніе массъ отчасти проявилось въ усиленномъ спросѣ на лубочныя военныя картинки, на портреты героевъ войны. Революціонеры-террористы, скрывавшіеся подъ видомъ странствующихъ торговцевъ, вынуждены были сами торговать этими картинками. „Гонятъ народъ какъ на бойню и никакого протеста", — со злобнымъ раздраженіемъ говорилъ террористъ Каляевъ своему товарищу Сазонову. „Всѣхъ обуялъ патріотизмъ... Повальная эпидемія глупости... На героевъ зѣваютъ, разинувши ротъ"...

Министру внутреннихъ дѣлъ Плеве по поводу начала войны приписываются слова о томъ, что „маленькая побѣдоносная война" была бы только полезна... Такое сужденіе было обоснованнымъ: война **короткая** и **побѣдоносная,** конечно, могла оздоровить внутреннюю атмосферу 1904 года (нѣтъ, конечно, основаній выводить изъ этихъ словъ Плеве, что война, начатая **Японіей** въ наиболѣе подходящій для **нея** моментъ, была въ какой либо мѣрѣ вызвана русскимъ министромъ **внутреннихъ** дѣлъ!).

Но война **не могла** быть „короткой и побѣдоносной". Она начиналась при неблагопріятныхъ для Россіи условіяхъ; только время и упорныя усилія могли ихъ исправить. А первый порывъ — желаніе дать отпоръ врагу, — при полномъ непониманіи значенія войны не только въ массахъ, но и въ образованныхъ слояхъ — скоро сталъ замѣняться совершенно иными настроеніями.

За границей къ войнѣ отнеслись очень разно. Англія и Америка опредѣленно стали на сторону Японіи. „Борьба Японіи за свободу" — такъ называлась еженедѣльная иллюстрированная лѣтопись войны, начавшая выходить въ Лондонѣ. Президентъ Рузвельтъ „на всякій случай" даже предупредилъ Германію и Францію, что, буде онѣ попы-

таются выступить противъ Японіи, онъ „немедленно станетъ на ея сторону и пойдетъ такъ далеко, какъ это потребуется". Тонъ американской печати, особенно еврейской, былъ настолько враждебенъ Россіи, что Меньшиковъ въ „Новомъ Времени" воскликнулъ: „Вся нынѣшняя война есть чуть не прямое содѣйствіе еврейской агитаціи въ тѣхъ странахъ, гдѣ печать и биржа въ рукахъ евреевъ... Нѣтъ сомнѣнія, что безъ обезпеченія Америки и Англіи, Японія не сунулась бы съ нами въ войну". Это было, во всякомъ случаѣ, значительнымъ преувеличеніемъ одного изъ факторовъ сложнаго международнаго положенія.

Франція безъ сомнѣнія была очень недовольна этой войной; Россія ее интересовала прежде всего, какъ союзница противъ Германіи. И хотя французская печать, кромѣ крайней лѣвой, выдерживала корректный союзническій тонъ, правительство Комба-Делькассэ повело въ спѣшномъ порядкѣ переговоры о соглашеніи съ Англіей. Въ Германіи — лѣвыя газеты были противъ Россіи, правыя — въ большинствѣ за нее. Существенное значеніе въ этотъ моментъ имѣло личное отношеніе германскаго императора къ возникшему конфликту: „Tua res agitur! Русскіе защищаютъ интересы и преобладаніе бѣлой расы противъ возрастающаго засилія желтой. Поэтому наши симпатіи должны быть на сторонѣ Россіи" — помѣтилъ Вильгельмъ II на секретномъ докладѣ германскаго посланника въ Японіи, графа Арко.

Китай поспѣшилъ объявить нейтралитетъ: этимъ онъ надѣялся обезпечить себя отъ репрессалій побѣдившей стороны.

Для борьбы съ великой державой — каковой оказалась Японія — нужны были величайшія усилія. Между тѣмъ, ее предположено было вести какъ „колоніальную войну". „Мы, начиная войну съ Японіей — (пишетъ Куропаткинъ въ своихъ „Итогахъ войны") — признавали необходимымъ сохранить въ готовности на случай европейской войны свои главныя силы и потому для отправленія на Д. Востокъ была предназначена лишь небольшая часть силъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи. Войска Варшавскаго военнаго округа, наиболѣе многочисленныя, не выдѣлили ни одного корпуса на Д. Востокъ". Отношенія съ Австріей и Германіей не давали въ то время основаній опасаться нападенія съ ихъ стороны. Но повидимому принятое рѣшеніе объяснялось франко-русскимъ союзомъ, не позволившимъ Россіи заключить съ Германіей конвенцію о нейтралитетѣ: Россія, по договору 1892 г., была обязана выставить отъ 700.000 до 800.000 человѣкъ въ случаѣ германскаго нападенія на Францію, — а таковое не считалось исключеннымъ.

Главнокомандующимъ манчжурской арміей въ самомъ началѣ войны, 7 февраля, былъ назначенъ военный министръ А. Н. Куропаткинъ. Его назначеніе соотвѣтствовало настроенію общества: Куропаткина помнили, какъ начальника штаба у Скобелева. Человѣкъ осторожный и не слишкомъ рѣшительный, новый главнокомандующій менѣе подходилъ на первыя роли („Куропаткина назначили — хорошо, а гдѣ же Скобелевъ?" выразился о немъ ген. М. И. Драгомировъ). Расчитавъ потребное количество войскъ и провозоспособность дороги, учитывая неизбѣжность огромнаго перевѣса японцевъ за весь первый періодъ войны, Куропаткинъ внутренне склонялся къ „тактикѣ 12-го года", къ постепенному отступленію вглубь Манчжуріи, до Харбина, если не дальше. „Прошу быть только терпѣливыми", — говорилъ онъ депутаціи петербургской городской думы 27 февраля, — „и спокойно, съ полнымъ сознаніемъ мощи Россіи, ожидать дальнѣйшихъ событій. Первые наши шаги связаны съ передвиженіемъ войскъ черезъ громадныя пространства... Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе, господа!".

Но въ то же время А. Н. Куропаткинъ не имѣлъ ни должной „крѣпости нервовъ", ни достаточно широкихъ полномочій для того, чтобы послѣдовательно сыграть роль „Барклая де Толли". Свою внутреннюю тягу къ отступленію ему даже приходилось скрывать. Уже на слѣдующій день послѣ словъ о „терпѣніи", при проводахъ на вокзалѣ, главнокомандующій обѣщалъ „въ скоромъ времени обрадовать добрыми вѣстями Царя и матушку Русь".

Командованіе флотомъ было возложено на адмирала С. О. Макарова, одного изъ лучшихъ русскихъ моряковъ, пользовавшагося огромной популярностью во флотѣ. Адм. Макаровъ тотчасъ же выѣхалъ на Д. Востокъ, и 24 февраля уже былъ въ Портъ-Артурѣ.

Общее руководство военными дѣйствіями оставалось за Намѣстникомъ Д. Востока, адм. Е. С. Алексѣевымъ. Въ случаѣ разногласій между высшими инстанціями, рѣшающій арбитражъ принадлежалъ Государю. Въ отношеніи флота двоевластіе почти не проявилось; но между Куропаткинымъ и Алексѣевымъ не замедлило возникнуть разногласіе, т. к. Намѣстникъ стоялъ за иной, болѣе активный, болѣе рискованный образъ дѣйствій, нежели командующій арміей.

За первые два съ половиной мѣсяца войны операціи сосредоточивались почти исключительно вокругъ Портъ-Артура. Японскіе суда, правда, показались 22 февраля передъ Владивостокомъ; въ свою очередь русская крейсерская эскадра изъ этого порта совершила набѣгъ на сѣверное побережье Японіи. У береговъ Кореи японская эскадра

атаковала 27 января крейсеръ „Варягъ" и канонерку „Кореецъ", еще не знавшіе о началѣ войны, но мужественно принявшіе неравный бой, въ которомъ они нашли гибель. Послѣ этого японцы начали высаживать войска въ западной Кореѣ; они захватили власть въ Сеулѣ, посадивъ подъ стражу корейскаго императора. Русскіе передовые отряды, проникшіе для развѣдки въ сѣверную часть Кореи, медленно отходили по мѣрѣ усиленія противника. Но центромъ борьбы оставался Портъ-Артуръ.

Въ первые дни послѣ начала войны тамъ царила подавленность. На собственныхъ минахъ взорвались небольшой крейсеръ „Бояринъ" и минный транспортъ „Енисей". Поврежденныя ночной атакой суда были введены въ портъ, но починка ихъ требовала много времени. 12 февраля японцы предприняли первую попытку использовать слабую сторону портъ-артурской гавани — заградить выходъ изъ внутренняго рейда, затопивъ въ немъ „брандеры".

Съ пріѣздомъ адм. С. О. Макарова духъ во флотѣ поднялся. Новый командующій флотомъ поднялъ флагъ на быстроходномъ крейсерѣ „Аскольдъ", постоянно выходилъ въ море, вступалъ въ перестрѣлку съ японскимъ флотомъ, когда тотъ показывался передъ Портъ-Артуромъ, и даже предпринялъ „вылазку" въ поискахъ ближней базы вражеской эскадры. С. О. Макаровъ былъ высокаго мнѣнія о качествѣ русскаго флота, и не давалъ себя парализовать неблагопріятнымъ численнымъ соотношеніемъ (хотя въ то время русскій флотъ насчитывалъ всего шесть боеспособныхъ бронированныхъ судовъ, а японскій — четырнадцать); онъ не боялся идти на рискъ, учитывая, что японцы едва ли отважатся на рѣшительный бой, такъ какъ имъ больше неоткуда ждать подкрѣпленій, а въ Балтійскомъ морѣ уже готовилась новая русская эскадра, численно равная первой.

Но 31 марта адм. С. О. Макаровъ погибъ вмѣстѣ съ броненосцемъ „Петропавловскъ", затонувшимъ въ какихъ-нибудь двѣ минуты отъ взрыва мины. Гибель С. О. Макарова была роковымъ ударомъ для русскаго флота. Она произвела во всей странѣ угнетающее впечатлѣніе. „Тяжелое и невѣроятно грустное извѣстіе... Цѣлый день не могъ опомниться отъ этого ужаснаго несчастья. Во всемъ да будетъ воля Божія, но о милости Господней къ намъ грѣшнымъ мы должны просить"... написалъ въ этотъ день Государь, обычно не выражавшій чувствъ въ своей повседневной записи.

Такъ какъ отъ мины въ этотъ день пострадалъ еще одинъ броненосецъ („Побѣда"), русская эскадра фактически сошла со сцены на цѣлыхъ два мѣсяца. Преемникомъ адм. Макарова былъ назначенъ адмиралъ Скрыдловъ; но ему такъ и не удалось достигнуть эскадры.

Только владивостокскій крейсерскій отрядъ сохранялъ свободу дѣйствій, и въ теченіе перваго полугодія войны нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе, то спускаясь къ югу до Корейскаго пролива, то проникая въ Тихій океанъ и крейсируя у береговъ Японіи. Ему удалось потопить нѣсколько японскихъ транспортовъ съ войсками, а также съ тяжелыми орудіями, предназначенными для осады Портъ-Артура (это на два-три мѣсяца задержало обстрѣлъ крѣпости). Но, конечно, три бронированныхъ крейсера *) не могли вступить въ открытую борьбу со всѣмъ японскимъ флотомъ.

30 марта (12 апрѣля), за день до катастрофы съ „Петропавловскемъ", подписано было англо-французское соглашеніе, установившее „сердечное согласіе" между этими странами на основѣ отказа Франціи отъ притязаній на Египетъ, въ обмѣнъ за признаніе ея правъ на (въ ту пору еще независимое) Марокко. Значеніе этого соглашенія было огромно. Это оно положило начало „Антантѣ". Сближеніе Франціи, союзницы Россіи, съ Англіей, союзницей Японіи, вызвало извѣстное недоумѣніе. Но формальнаго противорѣчія съ союзными договорами не было, — соглашеніе касалось, какъ будто, только конкретныхъ вопросовъ. Французская печать утверждала, что Россія только отъ этого выиграетъ — явится возможность оказывать на Англію „умѣряющее вліяніе". Русскіе круги почти не реагировали на этотъ важный дипломатическій актъ, хотя въ „Новомъ Времени" **) промелькнула фраза „Почти всѣ почувствовали вѣяніе холода въ атмосферѣ франко-русскихъ отношеній"...

Англо-французское соглашеніе вызвало толки о готовящемся посредничествѣ между Россіей и Японіей, которые были пресѣчены рѣшительнымъ циркуляромъ русскаго правительства: Россія сочтетъ недружественнымъ актомъ всякое вмѣшательство въ навязанную ей войну.

Во второй половинѣ апрѣля выпалъ слѣдующій ударъ — на сушѣ. Японская армія, сосредоточиваясь въ сѣверной Кореѣ, имѣла передъ собою, за широкой долиной рѣки Ялу, немногочисленныя русскія части, которыя ген. Куропаткинъ, по своей теоріи глубокаго отхода, именовалъ „арьергардомъ". Имъ было поручено возможно дольше задерживать противника, не вступая, однако, въ серьезный бой.

---

*) „Россія", „Громобой", „Рюрикъ"; легкій крейсеръ „Богатырь" сѣлъ на камни въ самомъ началѣ войны и былъ починенъ только къ ея концу.

**) 15 апрѣля 1904 г.

Между тѣмъ, первое столкновеніе на сушѣ имѣло большое психологическое значеніе. Японцы съ особой тщательностью готовились къ нему. Они приняли всѣ мѣры для того, чтобы обезпечить себѣ безспорное преобладаніе. У нихъ было около 45.000 человѣкъ; у русскихъ, на всемъ фронтѣ Ялу, около 18.000, а у Тюренчена, гдѣ фактически произошелъ бой, японцы имѣли пятикратный численный перевѣсъ.

Русскія войска (которыми командовалъ ген. Засуличъ) занимали хорошую позицію на возвышенномъ правомъ берегу рѣки. Но японцы, переправившись черезъ Ялу выше русскихъ позицій, 18 апрѣля атаковали ихъ съ фланга; сибирскіе стрѣлки оказали мужественное сопротивленіе, но перевѣсъ противника былъ слишкомъ великъ; двумъ батальонамъ пришлось пробиваться сквозь кольцо японскихъ войскъ, чтобы избѣжать плѣна. Отъ этого боя остался образъ полкового священника Щербаковскаго, который съ крестомъ въ рукахъ велъ русскій отрядъ во время прорыва. Русскіе потеряли 2268 человѣкъ убитыми и ранеными, а также нѣсколько орудій; потери японцевъ были вдвое меньше.

Въ Британской Энциклопедіи говорится, что этотъ бой — какъ сраженіе при Вальми въ 1792 г. — былъ „началомъ новой эпохи“ — первой побѣдой надъ „бѣлыми“. Но, конечно, самъ по себѣ Тюренченскій бой не получилъ бы такого значенія, если бы война въ дальнѣйшемъ пошла иначе...

18 апрѣля японцы съ боемъ перешли Ялу; въ ночь на 20-е была сдѣлана новая попытка заградить „брандерами“ входъ въ портъ-артурскую гавань, причемъ на этотъ разъ это отчасти удалось имъ. 21-го японскія войска начали высаживаться у Бицзыво, въ сѣверной части Ляодунскаго полуострова. 23 апрѣля Намѣстникъ успѣлъ еще проѣхать изъ Портъ-Артура въ Мукденъ; но въ тотъ же вечеръ желѣзнодорожное сообщеніе съ Квантуномъ было прервано. Оно еще было возстановлено на два дня русскими разъѣздами; удалось пропустить на югъ два поѣзда со снарядами; затѣмъ въ ночь на 30-е оно окончательно прервалось. Съ этого времени, Портъ-Артуръ общался съ внѣшнимъ міромъ только при помощи судовъ, изрѣдка прорывавшихъ блокаду.

Эти событія, въ ихъ быстрой послѣдовательности, вдругъ заставили русское общество почувствовать, что положеніе серьезнѣе, чѣмъ думали. Портъ-Артуръ былъ отрѣзанъ отъ манчжурской арміи; флотъ почти цѣликомъ выведенъ изъ строя. Нельзя было даже предвидѣть начала поворота. „У насъ — писалъ Суворинъ о медленномъ прибытіи подкрѣпленій — даже не ручеекъ, а капли“... — „Терпѣніе!“ гласила

передовая статья „Новаго Времени“, напоминавшая слова Куропаткина при его отъѣздѣ.

Въ началѣ мая военное счастье повернулось на мгновеніе противъ Японіи: два броненосца натолкнулись на мины передъ Портъ-Артуромъ. „Хатцусе“ затонулъ на мѣстѣ, въ 50 секундъ, на глазахъ русскихъ, а „Яшима“ былъ уведенъ на буксирѣ и затонулъ въ пути; въ теченіе года японцы успѣшно скрывали его гибель. Въ тотъ же день столкнулись два японскихъ крейсера, — одинъ изъ нихъ затонулъ — и на минѣ взорвалось посыльное судно. Японскій флотъ послѣ этого „реванша“ за „Петропавловскъ“ уже не рѣшался близко подходить къ Портъ-Артуру.

Японскія войска, высадившіяся у Бицзиво, оставивъ заслонъ на сѣверѣ противъ манчжурской арміи, направились прежде всего на югъ. Квантунскій полуостровъ въ одномъ мѣстѣ съуживается; получается какъ бы естественная крѣпость — Цинь-Чжоуская позиція. Она была наскоро укрѣплена и снабжена тяжелой артиллеріей. Но командующій войсками Квантунскаго района, ген. А. М. Стессель, счелъ, что эта позиція слишкомъ далека отъ Портъ-Артура, что на охрану побережья между ними не хватаетъ силъ гарнизона, и далъ генералу Фоку, защищавшему позицію, такой же приказъ, какой былъ данъ ген. Засуличу на Ялу: задерживать противника, но не слишкомъ рисковать.

13 мая японцы двинулись штурмовать Цинь-Чжоускія высоты. Они несли огромныя потери, наступая безъ прикрытія подъ огнемъ; позицію защищалъ только 5-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, поддержанный съ моря огнемъ одной канонерки „Бобръ“. Послѣ шестнадцати часовъ боя русскіе отступили, бросивъ тяжелыя орудія, приведенныя въ негодность. Японскія потери въ этомъ бою были по крайней мѣрѣ втрое больше русскихъ (до 5.000 человѣкъ). Но главная естественная преграда на пути къ Портъ-Артурской крѣпости была преодолѣна и японцы безъ боя овладѣли портомъ Дальній, съ его драгоцѣнными портовыми сооруженіями, которыя они тотчасъ же использовали, какъ базу для высадки цѣлой арміи.

Начиналась осада Портъ-Артура. Въ отрѣзанномъ отъ арміи крѣпостномъ районѣ было три власти: командующій войсками ген. А. М. Стессель, комендантъ крѣпости ген. Смирновъ и командующій флотомъ (за отсутствіемъ адм. Скрыдлова) адм. В. К. Витгефтъ. При затрудненности сообщеній съ внѣшнимъ міромъ, отсутствіе единаго безспорнаго начальства могло бы имѣть опасныя послѣдствія, если бы

среди командного состава не нашлось ген. Р. И. Кондратенко, который съ рѣдкимъ умѣніемъ и тактомъ сумѣлъ согласовать, въ интересахъ общаго дѣла, противорѣчивые взгляды отдѣльныхъ начальниковъ; онъ справедливо считался душою обороны Портъ-Артура.

Но изъ послѣднихъ портъ-артурскихъ впечатлѣній и изъ тревожныхъ донесеній ген. Стесселя, Намѣстникъ вынесъ впечатлѣніе, что крѣпость не готова и не можетъ продержаться сколько нибудь долго. А въ Портъ-Артурѣ находился флотъ — взятіе крѣпости означало бы вѣрную гибель эскадры. Намѣстникъ поэтому потребовалъ отъ ген. Куропаткина наступленія на югъ, на выручку осажденной крѣпости.

Ген. Куропаткинъ считалъ, что періодъ отступленія еще далеко не закончился. Съ востока, изъ Кореи, черезъ горные перевалы уже наступала во флангъ армія ген. Куроки; между Ляодуномъ и Кореей, у Дагушаня, начиналась высадка еще одной японской арміи. При такихъ условіяхъ, движеніе на югъ казалось Куропаткину опасной нелѣпостью, „стратегической авантюрой".

Изъ столкновенія двухъ противоположныхъ мнѣній, переданныхъ на рѣшеніе Государя, получилась половинчатая, нерѣшительная операція, нехотя продѣланное Куропаткинымъ движеніе на югъ на какихъ-нибудь 15—20 верстъ, съ недостаточными силами; бой 1—2 іюня у Вафангоу и отходъ на прежнюю линію подъ японской контръ-атакой. „Куропаткина слѣдовало-бы повѣсить!" говорили въ Штабѣ Намѣстника. Все же, эта операція недѣли на двѣ отдалила начало осады Портъ-Артура.

Иниціатива дѣйствій послѣ этой попытки опять перешла къ японцамъ, но на сѣверъ они двигались только очень медленно.

10 іюня портъ-артурская эскадра, впервые послѣ гибели адм. Макарова, вышла въ море въ полномъ составѣ: починены были всѣ суда, пострадавшія за первые два мѣсяца войны. Конечно, японскій флотъ оставался сильнѣе, несмотря на гибель „Хатцусе" и „Яшимы", но силы были все же опять „соизмѣримы" *). Но адм. Витгефтъ, вышедшій въ море съ намѣреніемъ попытаться безъ боя уйти во Владивостокъ изъ угрожаемаго Портъ-Артура, вернулся къ ночи обратно, такъ какъ встрѣтилъ японскую эскадру.

Частныя мобилизаціи сперва касались только немногихъ округовъ; и Россія очень мало ощущала войну. Внутренняя жизнь, послѣ первой встряски, продолжала двигаться какъ бы по инерціи. Сенаторъ

---

*) 7 бронированныхъ судовъ противъ 12, вмѣсто 6 противъ 14 во времена С. О. Макарова.

Государь Императоръ благословляетъ войска отправляющіеся на фронтъ.

Прибытіе Государя Императора въ Полтаву.

Зиновьевъ ревизовалъ московское губернское земство; Д. Н. Шиповъ не былъ утвержденъ при своемъ переизбраніи предсѣдателемъ московской губернской управы. Въ печати много мѣста удѣлялось работамъ орфографической комиссіи при Академіи Наукъ, обсуждавшей (съ 12 апрѣля) проектъ реформы правописанія. Лѣвые круги злорадствовали по поводу военныхъ неудачъ, но пока еще не считали, что положеніе серьезно. Въ обывательской массѣ, не имѣвшей никакого представленія объ огромныхъ трудностяхъ войны, считавшей японцевъ ничтожнымъ врагомъ, „макаками", отсутствіе русскихъ успѣховъ вызывало досаду и нареканія на власть.

Государь неоднократно выѣзжалъ къ войскамъ, отправляющимся на фронтъ; Онъ за 1904 годъ буквально „исколесилъ" Россію, считая своимъ долгомъ проводить тѣхъ, кто шелъ умирать за родину. Онъ также навѣщалъ судостроительные заводы, гдѣ спѣшно заканчивались корабли Второй тихоокеанской эскадры. Новый министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ (назначенный въ первые дни войны) успѣшно выпускалъ внѣшніе займы на французскомъ и отчасти на германскомъ рынкѣ для покрытія военныхъ расходовъ, не вводя новыхъ налоговъ и сохраняя свободный размѣнъ банковыхъ билетовъ на золото. Провозоспособность Сибирской дороги лѣтомъ возросла вдвое — до восьми паръ поѣздовъ въ день.

Глухая агитація противъ войны велась на верхахъ изъ ближайшаго окруженія С. Ю. Витте. Бывшій министръ финансовъ упорно твердилъ, что Россіи Манчжурія не нужна, что война — результатъ интригъ „Безобразовыхъ" и прямо заявлялъ, что не желаетъ побѣды Россіи — не только въ письмахъ къ А. Н. Куропаткину, съ которымъ сохранилъ пріятельскія отношенія, но и въ бесѣдѣ съ германскимъ канцлеромъ Бюловымъ: „какъ политикъ — говорилъ Витте въ началѣ іюля 1904 г., — я боюсь быстрыхъ и блестящихъ русскихъ успѣховъ; они бы сдѣлали руководящіе с.-петербургскіе круги слишкомъ заносчивыми... Россіи слѣдуетъ еще испытать нѣсколько военныхъ неудачъ".

3 іюня молодой финскій шведъ, сынъ сенатора, Евгеній Шауманъ, выстрѣлами изъ револьвера смертельно ранилъ финляндскаго генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова, и тутъ же покончилъ съ собой. Государь болѣзненно ощутилъ утрату человѣка, шесть съ лишнимъ лѣтъ проводившаго въ жизнь Его велѣнія. „Огромная, трудно замѣнимая потеря", отмѣтилъ Онъ въ своемъ дневникѣ. Преемникомъ ген. Бобрикова былъ назначенъ харьковскій губернаторъ кн. И. М. Оболенскій.

На шесть недѣль позже, 15 іюля, былъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, взрывомъ бомбы Е. Сазонова, разнесшей въ щепы его карету, убившей кучера и ранившей десять человѣкъ, въ томъ числѣ трехлѣтнюю дѣвочку. Это было выступленіе боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, уже давно „охотившейся" за министромъ.

Смерть Плеве произвела огромное впечатлѣніе. „Строго посѣщаетъ насъ Господь гнѣвомъ Своимъ" — писалъ Государь. Среди интеллигенціи радость была всеобщей. Оппозиціонные круги молчали: то, что могли сказать **они**, еще не было согласимо съ цензурой. „Либералы и постепеновцы несомнѣнно были заодно съ динамитчиками въ систематической враждѣ къ В. К. Плеве и въ сочувствіи, если не организаціи катастрофы, то ея результатамъ" не безъ основанія писали „Московскія Вѣдомости". Но и въ правыхъ кругахъ вдругъ послышались голоса, отрекавшіеся отъ погибшаго министра. Кн. Мещерскій первымъ рѣшился выступить съ осужденіемъ политики Плеве, говоря, что въ его лицѣ „атрофирующій духъ петербургской бюрократіи... уничтожалъ въ зародышѣ свободу инициативы и самодѣятельности". — „Пройдетъ годъ, и о В. К. Плеве, какъ государственномъ дѣятелѣ, будутъ пожалуй помнить лишь немногіе" — двусмысленно замѣчало „Новое Время". Сурово отзывался о Плеве Л. И. Тихомировъ въ своемъ дневникѣ: „Все было: умъ, характеръ, честность, дѣловитость, опытность... Множество людей, преданныхъ Государю, Россіи и порядку предлагали ему свои силы... Онъ всѣхъ слушалъ, лгалъ, морочилъ всѣхъ... Постепенно всѣхъ честныхъ людей устранялъ, а самъ только **душилъ и больше ничего**"... „Убійцъ ругали — отмѣчаетъ тотъ же Тихомировъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки по Волгѣ — но о самомъ Плеве я не слышалъ ни одного слова сожалѣнія".

Въ Манчжуріи все еще продолжался постепенный отходъ русскихъ войскъ къ сѣверу. Японцы наступали тремя арміями: одна — вдоль желѣзной дороги; другая, преодолѣвая горные хребты, шла съ востока, изъ Кореи; третья поддерживала между ними связь, держась ближе къ той, которая шла вдоль желѣзнодорожной линіи. Четвертая высаживалась безпрепятственно въ Дальнемъ; она предназначалась для осады Портъ-Артура.

Арьергардные бои съ короткими русскими контръ-атаками (при одной изъ нихъ погибъ въ бою ген. графъ Ф. Э. Келлеръ) продолжались до конца іюля. Подъ Дашичао (11 іюля) русскіе нанесли японцамъ серьезный уронъ; но на слѣдующій день опять отступили, слѣдуя об-

щему плану. Подкрѣпленія, между тѣмъ, постепенно прибывали: у Ляояна готовились укрѣпленныя позиціи; тамъ, по общему мнѣнію, отходъ долженъ былъ закончиться. Самъ Куропаткинъ не вполнѣ былъ увѣренъ, что уже настаетъ переломъ въ соотношеніи силъ, но соглашался дать бой подъ Ляояномъ.

На Квантунскомъ полуостровѣ японцы два мѣсяца высаживали войска и устраивали свою базу въ Дальнемъ; но съ 12 іюля они перешли въ энергичное наступленіе, послѣ упорныхъ трехдневныхъ боевъ завладѣли передовыми позиціями у Лунвантана, черезъ два дня — слѣдующей линіей на Волчьихъ горахъ; 26—27 іюля они уже были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Начиналась осада самой крѣпости. Отдѣльные японскіе снаряды изъ осадныхъ орудій, перелетая черезъ гребень холмовъ, падали на портъ-артурскій внутренній рейдъ.

Командный составъ портъ-артурской эскадры считалъ, что выходъ въ море не сулитъ успѣха, что лучше оставаться въ Портъ-Артурѣ, участвовать въ защитѣ крѣпости и ждать выручки. Часть орудій средняго и мелкаго калибра уже была съ судовъ отправлена на форты; изъ судовыхъ командъ были выдѣлены отряды въ помощь гарнизону крѣпости. Но когда былъ полученъ опредѣленный приказъ Государя — идти во Владивостокъ, когда на портъ-артурскій рейдъ начали падать снаряды — командующій эскадрой адм. В. К. Витгефтъ рѣшился на выходъ.

Утромъ 28 іюля портъ-артурская эскадра двинулась въ путь. Шли шесть броненосцевъ, четыре крейсера и восемь лучшихъ миноносцевъ (бронированный крейсеръ „Баянъ", дней за десять до выхода поврежденный миной, пришлось оставить въ Портъ-Артурѣ). Слабой стороной эскадры было то, что три броненосца не могли дѣлать больше 13 узловъ въ часъ, тогда какъ японскій флотъ могъ развивать скорость до 17 узловъ. Въ нейтральный (китайскій) портъ Чифу былъ посланъ миноносецъ „Рѣшительный"; онъ долженъ былъ тамъ разоружиться; этою цѣною оплачивалась возможность отправить телеграмму Намѣстнику и владивостокскому крейсерскому отряду, чтобы онъ выходилъ навстрѣчу эскадрѣ. Японцы слѣдомъ за „Рѣшительнымъ" явились въ портъ Чифу и съ явнымъ нарушеніемъ международныхъ обычаевъ увели съ собой разоруженный миноносецъ.

Японцы выслали навстрѣчу русской эскадрѣ 4 броненосца и 4 бронированныхъ крейсера (а также старый броненосецъ „Чинъ-Іенъ" и легкіе суда); остальные четыре бронированныхъ крейсера сторожили въ Корейскомъ проливѣ владивостокскій отрядъ.

При первой встрѣчѣ, русской эскадрѣ удалось уклониться отъ боя и, оставивъ японскій флотъ позади, двинуться въ сторону Владивостока. Но японцы, пользуясь преимуществомъ въ скорости, нагнали русскій флотъ примѣрно въ 150 верстахъ отъ Портъ-Артура, и завязался бой — первый большой эскадренный бой за всю войну. И японскія, и русскія суда сильно страдали отъ огня, особенно флагманскіе броненосцы „Цесаревичъ" и „Микаса". У японцевъ уже начинали истощаться снаряды, и (по свидѣтельству американскихъ и англійскихъ наблюдателей, находившихся на „Микасѣ") адм. Того уже готовъ былъ примириться съ прорывомъ русской эскадры во Владивостокъ, какъ случай снова помогъ японцамъ: большой снарядъ попалъ въ рубку „Цесаревича" и убилъ на мѣстѣ адм. В. К. Витгефта. Нѣсколько минутъ эскадра продолжала слѣдовать за флагманскимъ судномъ, но тутъ другой снарядъ повредилъ руль „Цесаревича". Тогда на немъ былъ поднятъ сигналъ о передачѣ командованія адм. кн. Ухтомскому, находившемуся на „Пересвѣтѣ"; но мачта этого броненосца была сбита, и съ него было трудно подавать сигналы. Возникло замѣшательство. Адм. Рейценштейнъ на крейсерѣ „Аскольдъ" поднялъ сигналъ „слѣдовать за мной" и двинулся на югъ; „Ретвизанъ" повернулъ обратно къ Портъ-Артуру послѣ неудавшейся отчаянной попытки приблизиться къ японской эскадрѣ. Кн. Ухтомскій послѣдовалъ за „Ретвизаномъ", часть крейсеровъ за „Аскольдомъ".

„Два случайныхъ снаряда — (пишетъ въ своей исторіи русско-японской войны на морѣ С. К. Терещенко) — убившіе адм. Витгефта и выведшіе изъ строя флагманское судно, опредѣлили нравственный перевѣсъ боя"...

28-е іюля было концомъ Первой тихоокеанской эскадры. Въ Портъ-Артуръ, правда, еще вернулись пять броненосцевъ, крейсеръ „Паллада" и три миноносца; но больше они уже и не пытались дѣйствовать. Изъ остальныхъ судовъ только маленькій быстрый „Новикъ", обогнувъ всю Японію съ восточной стороны, достигъ 7 августа о. Сахалина, но когда онъ грузилъ тамъ уголь, его настигли и потопили два болѣе сильныхъ японскихъ крейсера. Другіе суда разоружились въ нейтральныхъ портахъ: „Цесаревичъ" и три миноносца — въ нѣмецкомъ Циндао *); „Аскольдъ" и одинъ миноносецъ въ Шанхаѣ; „Діана" дошла до Сайгона въ Индо-Китаѣ, и тамъ, къ удивленію экипажа, была тоже интернирована — французскія власти видимо настояли на этомъ въ Петербургѣ во избѣжаніе непріятностей съ Англіей.

*) Одинъ миноносецъ разбился о камни у китайскаго побережья.

Англія вообще зорко слѣдила за интересами Японіи; и Франція, раздираемая между старымъ союзникомъ и новымъ другомъ, старалась держаться средней линіи, строго соблюдая правила нейтралитета. Въ этихъ условіяхъ, попытка русскихъ пароходовъ Добровольнаго флота „Петербургъ" и „Смоленскъ", вышедшихъ изъ Чернаго моря и занявшихся лѣтомъ 1904 г. ловлей судовъ съ военными грузами для Японіи въ Средиземномъ и Красномъ морѣ, была быстро пресѣчена протестами европейскихъ державъ (въ томъ числѣ и Германіи, обидѣвшейся на захватъ германскаго парохода „Арабія").

Черезъ три дня послѣ боя 28 іюля, владивостокскіе крейсера, вышедшіе навстрѣчу портъ-артурской эскадрѣ, встрѣтили въ Корейскомъ проливѣ превосходныя японскія силы. Болѣе медленный „Рюрикъ" былъ поврежденъ и задержалъ остальные два крейсера, которые ушли на сѣверъ только потерявъ до трети своего личнаго состава; „Рюрикъ" затонулъ послѣ геройскаго сопротивленія. Послѣ боя 1 августа, сошелъ со сцены и владивостокскій крейсерскій отрядъ.

Въ тѣ дни, когда участь флота еще была неизвѣстна, въ Россіи произошло долгожданное радостное событіе: 30 іюля родился у Государыни сынъ, — Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ. Манифестомъ 1 августа Государь опредѣлилъ, что въ случаѣ Его кончины при малолѣтствѣ сына, Правителемъ назначается Великій Князь Михаилъ Александровичъ,тогда какъ воспитаніе Наслѣдника поручается Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ. Крестнымъ отцемъ Цесаревича былъ выбранъ Императоръ Вильгельмъ, отношенія съ которымъ значительно улучшились у Государя за время войны. 11 августа, по случаю крестинъ, былъ изданъ манифестъ съ традиціонными льготами и милостями (прощеніемъ недоимокъ, смягченіемъ каръ), содержавшій также важную законодательную мѣру — отмѣну тѣлесныхъ наказаній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно еще предусматривалось закономъ. Эта мѣра вызвала глубокое удовлетвореніе въ обществѣ; ее привѣтствовало даже „Освобожденіе", хотя и писало иронически о „милостяхъ младенца Алексѣя".

Двухнедѣльный періодъ сильныхъ дождей прервалъ въ Манчжуріи военныя дѣйствія; какъ только земля подсохла, подъ Ляояномъ 16 августа началось первое (изъ трехъ) генеральныхъ сраженій этой войны. И въ русской арміи и въ странѣ господствовала увѣренность въ побѣдѣ. Численность обѣихъ сторонъ была примѣрно одинаковой Какъ разъ передъ боемъ были получены добрыя вѣсти изъ Портъ-

Артура: гарнизонъ успѣшно отразилъ первый неистовый приступъ врага, длившійся двѣ недѣли; японцы потеряли 15.000 человѣкъ.

Три японскихъ арміи полукругомъ атаковали русскія позиціи: съ юга были арміи Оку и Нодзу; на восточномъ флангѣ — Куроки. А. Н. Куропаткинъ, послѣ того какъ три дня русскіе успѣшно отражали атаки къ югу отъ Ляояна, рѣшилъ, собравъ „кулакъ", перейти въ наступленіе противъ Куроки. Но эта операція въ первый день не дала ожидаемыхъ результатовъ; наоборотъ, японцы потѣснили русскихъ въ районѣ Янтайскихъ копей. Тогда А. Н. Куропаткинъ, преувеличившій силы японцевъ, рѣшилъ, что противникъ можетъ отрѣзать желѣзную дорогу къ сѣверу отъ Ляояна, и приказалъ снова отступать. 22 утромъ японцы заняли Ляоянъ.

Русскіе отошли въ полномъ порядкѣ, не потерявъ ни одного орудія. Тѣмъ не менѣе, этотъ бой былъ тяжелымъ моральнымъ ударомъ. Всѣ ожидали, что именно здѣсь будетъ данъ рѣшительный отпоръ. И опять это оказался „арьергардный бой" и притомъ чрезвычайно кровопролитный. (Русскія потери опредѣляются въ 19.000 убитыми и ранеными, японскія — въ 23.000). Только послѣ Ляояна въ русскомъ обществѣ впервые возникла мысль, что конечная побѣда Россіи, пожалуй, не обезпечена.

Государь не допускалъ возможности примириться съ пораженіемъ Россіи. („Буду продолжать войну до конца, до дня, когда послѣдній японецъ будетъ изгнанъ изъ Манчжуріи", писалъ Онъ 6/19 октября Императору Вильгельму). Отправка подкрѣпленій, подготовка II-й эскадры усиленно продолжались. Но Государь счелъ нужнымъ также сдѣлать попытку призвать къ содѣйствію въ національномъ дѣлѣ — русское общество. Онъ видѣлъ земскихъ уполномоченныхъ, работавшихъ по оказанію помощи раненымъ; ихъ отношеніе было искренне патріотичнымъ. Казалось, въ такую минуту этимъ элементамъ можно пойти навстрѣчу.

Мѣсто В. К. Плеве полтора мѣсяца оставалось незамѣщеннымъ; (вѣдомствомъ это время управлялъ товарищъ министра П. Н. Дурново). Послѣ Ляояна, Государь рѣшилъ назначить преемникомъ Плеве виленскаго генералъ-губернатора кн. П. Д Святополкъ-Мирскаго, который былъ товарищемъ министра при Сипягинѣ. Смыслъ этого назначенія былъ такъ опредѣленъ „Новымъ Временемъ": „Только наибольшая сплоченность и солидарность правительственныхъ и общественныхъ усилій смогутъ дать достойный Россіи отпоръ внѣшнему непріятелю и умиротворить всякіе недовольные элементы"...

Новый министръ (на двѣ недѣли задержавшійся въ Вильнѣ ради открытія памятника Екатеринѣ II) не замедлилъ высказать свои воззрѣнія корреспонденту французской газеты „Echo de Paris": „Мы дадимъ земствамъ самую широкую свободу", говорилъ онъ, — болѣе неопредѣленно, но также благожелательно отозвавшись о вѣротерпимости и объ евреяхъ. „Какъ вы хотите, чтобы я не былъ сторонникомъ прогресса?".

Подобныя же заявленія кн. Святополкъ-Мирскій дѣлалъ и для берлинскаго „Lokal-Anzeiger", и для американскаго агенства „Associated Press" и русскія газеты перепечатывали ихъ — сперва безъ комментаріевъ.

16 сентября, принимая чиновъ своего вѣдомства, новый министръ произнесъ извѣстныя слова о „довѣріи": „Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана **на искренне благожелательномъ и истинно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще.** Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить **взаимное довѣріе,** безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства". Тонъ былъ, въ сущности, близокъ къ горемыкинской запискѣ 1899 г. (на которую возражалъ Витте), его одобряли консерваторы-славянофилы, вродѣ ген. Кирѣева или Л. Тихомирова. Но контрастъ съ недавнимъ временемъ былъ таковъ, что слова эти произвели сенсацію.

Тонъ печати сразу перемѣнился; цензура усомнилась въ томъ, что допустимо и что нѣтъ. „Шагъ впередъ... впервые за сто лѣтъ" — гиперболически выражалось „Новое Время" (24 сентября) — „поистинѣ, струя свѣжаго воздуха". — Разъ есть „назрѣвшее стремленіе общественныхъ силъ принять участіе въ государственной дѣятельности, то нѣтъ иного выхода, какъ усилить это участіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественную отвѣтственность... Тогда общество перестанетъ сваливать вину на правительство и дастъ отпоръ несвоевременнымъ посягательствамъ", оптимистически писалъ въ „Кіевлянинѣ" (8 сентября) проф. Д. Пихно.

„Развѣ слова министра — не вѣяніе весны, не явный ея признакъ?" восклицалъ А. С. Суворинъ. Этотъ моментъ въ русской жизни такъ и былъ прозванъ „весной" или „эрой довѣрія".

Въ юридическомъ журналѣ „Право" 26 сентября появилась яркая политическая статья кн. Е. Н. Трубецкого, одного изъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли говорить и на языкѣ власти, и на языкѣ общества; къ которымъ можно было примѣнить слова гр. А. К. Толстого: „Двухъ

становъ не боецъ"... Не примыкая до конца къ т. н. „освободительному движенію", такіе люди порой становились его рупоромъ — для воздѣйствія на власть; лѣвые пользовались ими, но сами съ ихъ мнѣніями не считались.

Статья называлась „Война и бюрократія": „Погруженная въ тяжелый многолѣтній сонъ, Россія не видѣла врага въ то время, какъ онъ уже стоялъ подъ стѣнами Портъ-Артура... Русское общество... спало по распоряженію начальства... Россія за послѣдніе годы ходила на дортуаръ при участкѣ... Пока оно спало, надъ нимъ бодрствовала всесильная бюрократія... Не армія и флотъ терпѣли пораженія! То были пораженія русской бюрократіи!".

Кн. Е. Н. Трубецкой писалъ далѣе, что только крайніе пользуются свободой слова: нелегальные листки распространяются повсюду, тогда какъ люди умѣренные вынуждены молчать; въ этомъ — грозная опасность. Онъ заключалъ: „Бюрократія должна стать доступной общественному контролю и править съ обществомъ, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкой надъ безгласнымъ стадомъ, а орудіемъ Престола, опирающагося на общество... Престолъ, собравшій вокругъ себя всю землю будетъ славенъ, великъ и силенъ". — „До тѣхъ поръ, пока твердыня самодержавія не сломлена, все, что противъ самодержавія, есть не грозная опасность, а великое благо" возражало кн. Трубецкому „Освобожденіе" (переселившееся съ 1 октября изъ Штуттгарта въ Парижъ). — „Русское общество не было рабомъ бюрократіи и не спало въ участкѣ, а работало для Россіи и творило ея силы" — отвѣчалъ со своей стороны Д. И. Пихно въ „Кіевлянинѣ". Въ день появленія статьи кн. Трубецкого, М. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени" высказывалъ почти тѣ же мысли: „Все безсиліе Россіи, — писалъ онъ, —въ искусственномъ снѣ народномъ, который для чего то поддерживается"...

Слова кн. Святополкъ-Мирскаго и первыя статьи, свободно критикующія власть, какъ бы пробили брешь; русское общество заговорило. Земскія управы, городскія думы стали присылать новому министру привѣтственные адреса.

Въ то же время, и враги власти начали дѣйствовать гораздо смѣлѣе. Революціонныя партіи мало интересовались войной, пока считали обезпеченной побѣду Россіи. Теперь они почувствовали, что передъ ними открываются широкія возможности. Они стали развивать агитацію и въ странѣ, и въ арміи. „Всякая ваша побѣда грозитъ Россіи бѣдствіемъ укрѣпленія порядка", писала партія с.-р. въ воззваніи къ офицерамъ русской арміи — „всякое пораженіе приближаетъ часъ

избавленія. Что же удивительнаго, если русскіе радуются успѣхамъ вашего противника?".

На двѣ недѣли общее вниманіе было отвлечено отъ вопросовъ внутренней политики къ театру военныхъ дѣйствій, гдѣ русская армія, неожиданно для всѣхъ, перешла въ наступленіе.

А. Н. Куропаткинъ послѣ отступленія отъ Ляояна ожидалъ, что японцы вскорѣ займутъ и расположенный на 100 верстъ сѣвернѣе Мукденъ, и уже подготовлялъ дальнѣйшій отходъ къ Тѣлину, гдѣ онъ уже давно „облюбовалъ" позиціи. Но японцы не пошли дальше ст. Янтай (въ 40 в. отъ Мукдена). Русская армія, отступившая въ порядкѣ, получила за мѣсяцъ пополненія въ 50.000 человѣкъ, съ лихвой возмѣстившія потери въ послѣднемъ бою. Въ то же время, изъ Петербурга, 10 сентября, пришла телеграмма о формированіи 2-й манчжурской арміи; ея командующимъ былъ назначенъ ген. О. К. Гриппенбергъ. Ген. Жилинскій, сообщая объ этомъ Куропаткину, прибавилъ, что если-бы японцамъ удалось нанести хорошій ударъ — „вѣроятно, не понадобилось бы и сформированье 2-й арміи". Ген. А. Н. Куропаткинъ принялъ тогда, нѣсколько неожиданно, рѣшеніе о переходѣ въ наступленіе, хотя вызванные имъ на совѣщаніе генералы Штакельбергъ и Случевскій высказались противъ этого.

„Вчера подписалъ, перекрестясь, диспозицію для перехода въ наступленіе" — отмѣтилъ 16 сентября въ своемъ дневникѣ командующій манчжурской арміей. 19 сентября былъ изданъ приказъ по арміи. „Настало желанное и давно ожидаемое время идти впередъ навстрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ", говорилось въ немъ.

Въ столичныхъ газетахъ этотъ приказъ появился только 27 сентября, когда наступленіе фактически началось. Онъ вызвалъ общее волненіе и ожиданіе.

Русская армія прошла обратно отъ Мукдена верстъ двадцать тридцать къ югу; японцы предприняли встрѣчное наступленіе. 26 сентября завязался упорный бой на фронтѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ. Онъ длился цѣлые девять дней и передъ нимъ, какъ писали газеты, блѣднѣли Тюренченъ, Вафангоу, Ляоянъ". Позиціи переходили изъ рукъ въ руки; орудія терялись и отбивались. Но ни прорвать японскій фронтъ, ни обойти его съ фланга не удалось. На небольшомъ русскомъ тактическомъ успѣхѣ — занятіи „сопки съ деревомъ", прозванной Путиловской сопкой по взявшему ее генералу, съ захватомъ 14 японскихъ орудій, — кровавая борьба затихла 5 октября.

Начались осенніе ливни. Арміи застыли на своихъ позиціяхъ. Русскія потери были огромны: 42.000 убитыхъ и раненыхъ. Японцы потеряли вдвое меньше — около 20.000.

Битва на Шахэ показала, что между силами сторонъ установилось нѣкоторое равновѣсіе; это не было пораженіе — противники какъ бы раздѣлили между собою поле битвы. Но наступленіе, такъ торжественно возвѣщенное, оборвалось на первыхъ шагахъ. Тѣмъ не менѣе эта битва укрѣпила положеніе А. Н. Куропаткина и заставила умолкнуть тѣхъ, кто требовалъ похода на выручку Портъ-Артура. 10 октября Государь назначилъ Куропаткина Главнокомандующимъ, и отозвалъ въ С.-Петербургъ Намѣстника, адм. Е. С. Алексѣева. „Много внутренней борьбы понадобилось, чтобы я пришелъ къ этому рѣшенію" — отмѣчаетъ Государь. Адм. Алексѣевъ былъ яркимъ представителемъ русской активной политики на Д. Востокѣ, и часто оказывался болѣе правъ въ своихъ предвидѣніяхъ, нежели А. Н. Куропаткинъ. Но онъ не имѣлъ престижа ни въ арміи, ни въ странѣ. Вопросъ о единствѣ командованія разрѣшился въ пользу б. военнаго министра; его же Государь запросилъ, кого назначить командующими 1-й и 3-й манчжурскими арміями; А. Н. Куропаткинъ указалъ ген. Линевича и ген. Каульбарса.

На фронтѣ настало долгое затишье.

Политика снова вступила въ свои права: Союзъ Освобожденія, черезъ свое земское крыло, началъ подготовлять выступленіе съ открытыми конституціонными требованіями; нужна была только основа, вокругъ которой могли объединяться разрозненныя усилія.

Идея готовящагося земскаго совѣщанія дошла до свѣдѣнія новаго министра внутреннихъ дѣлъ и онъ отнесся къ ней вполнѣ благожелательно. Ожидали, что съѣздъ будетъ разрѣшенъ. Политика довѣрія сначала не вызывала возраженія; только тверской губернаторъ кн. Алексѣй Ширинскій-Шихматовъ подалъ въ отставку, объяснивъ Государю, что дѣлаетъ это изъ-за несогласія съ новымъ курсомъ.

Въ печати, между тѣмъ, все сильнѣе разгоралась кампанія противъ власти подъ флагомъ критики веденія войны. Недооцѣнка противника и переоцѣнка русскихъ силъ побуждала многихъ вполнѣ добросовѣстно — не скорбѣть, а негодовать по поводу того, что война не принесла до сихъ поръ успѣховъ. Забывая, что Полтава была только черезъ пять лѣтъ послѣ Нарвы; забывая, что Англія такъ недавно была вынуждена воевать три года, чтобы одолѣть нѣсколько десятковъ тысячъ буровъ, не имѣвшихъ даже артиллеріи; не учитывая

тотъ фактъ, что Россія продолжала держать свои главныя силы на европейской границѣ — русскій обыватель искренне возмущался — какъ это за восемь мѣсяцевъ мы не справились съ „какой-то" Японіей?

И этимъ настроеніемъ наивныхъ и неосвѣдомленныхъ умѣло пользовались враги власти, преувеличивая недочеты, тенденціозно извращая факты. Какъ это за восемь мѣсяцевъ не могли снарядить второй эскадры? Какъ не построили второй колеи сибирской дороги? лицемѣрно возмущался въ „Правѣ" завѣдомый противникъ войны А. Пѣшехоновъ, едва-ли не знавшій, что броненосца нельзя закончить „вдругъ", что вторую колею на дорогѣ, протянувшейся на восемь тысячъ верстъ, нельзя построить быстро, когда та же дорога день и ночь занята воинскими поѣздами...

Съ 30 сентября по 9 октября происходили въ Парижѣ совѣщанія оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій Россійскаго государства. Это была первая организованная встрѣча т. н. „конституціоналистовъ" съ открыто революціонными партіями. Въ ней участвовали: Союзъ Освобожденія, представленный В. Я. Богучарскимъ, кн. Петромъ Долгоруковымъ, П. Н. Милюковымъ и П. Б. Струве; польскіе націоналисты во главѣ съ Романомъ Дмовскимъ; польскіе и латышскіе соціалисты, армянскіе и грузинскіе соціалисты-федералисты, соціалисты-революціонеры (В. М. Черновъ, Натансонъ и „Иванъ Николаевичъ", т. е. Азефъ); и наконецъ финны-активисты во главѣ съ Конни Цилліакусомъ, главнымъ иниціаторомъ этой встрѣчи противниковъ русской власти. Изъ лѣвыхъ партій отсутствовали только соціалъ-демократы (какъ большевики, такъ и меньшевики), занятые въ то время своими внутренними раздорами.

На конференціи были вынесены резолюціи объ „уничтоженіи самодержавія" и объ его замѣнѣ „свободнымъ демократическимъ строемъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ", а также о „правѣ національнаго самоопредѣленія" народностей, населяющихъ Россію. Революціонныя партіи еще засѣдали затѣмъ отдѣльно, безъ „конституціоналистовъ", и вынесли рѣшенія опредѣленно пораженческаго характера, а также высказались въ пользу широкаго примѣненія террора. (По словамъ П. Н. Милюкова, „оппозиціонные" участники парижскаго совѣщанія въ то время ничего не знали объ его революціонномъ продолженіи). *)

---

*) Подробности этого съѣзда изложены въ воспоминаніяхъ П. Н. Милюкова („Роковые годы", Русскія Записки, 1938 г., іюнь). О парижскомъ совѣщаніи 1904 г. упомянулъ П. А. Столыпинъ въ своей рѣчи по запросу объ Азефѣ, и П. Н. Милюковъ давалъ по этому поводу объясненія Г. Думѣ въ засѣданіи 13 февраля 1909 г.

2-ая эскадра вышла въ путь 28 сентября, когда шелъ бой на Шахе. Въ ней числилось 7 броненосцевъ, 2 бронированныхъ крейсера и 6 легкихъ; и 9 новѣйшихъ миноносцевъ. Количественно она была почти не слабѣе портъ-артурской; но качество четырехъ новыхъ броненосцевъ было ниже, напр. „Цесаревича" и „Ретвизана", а два броненосца и два крейсера *) были старѣе портъ-артурскихъ. Ея командующій, адмиралъ З. П. Рожественскій, самъ мало вѣрилъ въ силы своей эскадры. Конечно, въ моментъ ея выхода, въ Портъ-Артурѣ еще стояли пять броненосцевъ, „Баянъ" и „Паллада"; но путь до Портъ-Артура былъ еще далекій. Снабженіе эскадры углемъ въ теченіе всего ея плаванія было хорошо обезпечено соглашеніемъ съ германской пароходной компаніей „Гамбургъ—Америка".

Проходя въ ночь съ 8 на 9 октября Сѣверное море, эскадра пересѣкла флотилію англійскихъ рыбаковъ. Командирамъ нѣкоторыхъ судовъ показалось, что ихъ атакуютъ. До сихъ поръ не установлено съ полной достовѣрностью, находились ли тамъ японскіе миноносцы или подводныя лодки; скорѣе, что это была ошибка. Какъ бы то ни было, эскадра открыла огонь по рыбачьей флотиліи и быстрымъ ходомъ направилась дальше; она уже миновала Ламаншъ, когда англійскіе рыбаки вернулись въ свой портъ — Гулль — и вся англійская печать подняла негодующій крикъ противъ „нападенія на мирныхъ гражданъ".

Раздраженіе въ Англіи было настолько сильно, что возникла возможность русско-англійской войны. Правительство Бальфура ея не желало; но общественное мнѣніе требовало принятія мѣръ. Англійскіе крейсера пустились въ догонку за 2-й эскадрой, остановившейся въ испанскомъ портѣ Виго.

Въ такой критическій моментъ Императоръ Вильгельмъ II сказалъ русскому послу Остенъ-Сакену, что въ этомъ конфликтѣ Россія и Германія должны стоять вмѣстѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Ламздорфъ усмотрѣлъ въ этомъ только „попытку ослабить наши дружескія отношенія съ Франціей"; но Государь ему отвѣтилъ: „Я сейчасъ за соглашеніе съ Германіей и съ Франціей. Надо избавить Европу отъ наглости Англіи", — и Онъ 16 октября телеграфировалъ Императору Вильгельму: „Германія, Россія и Франція должны объединиться. Не набросаешь ли ты проектъ такого договора? Какъ только мы его примемъ, Франція должна присоединиться къ своей союзницѣ. Эта комбинація часто приходила мнѣ въ голову".

Если бы англійское правительство, слѣдуя за раздраженнымъ об-

*) „Сисой Великій" и „Наваринъ"; „Адм. Нахимовъ" и „Дмитрій Донской".

щественнымъ мнѣніемъ, предъявило къ Россіи непріемлемыя требованія, — Государь считалъ таковыми задержаніе плаванія 2-й эскадры или репрессіи въ отношеніи ея командованія — если бы Англія послѣ этого попыталась бы силою остановить эскадру Рожественскаго — это было бы нападеніемъ на Россію со стороны европейской державы, и Франція, по союзному договору, должна была бы объявить въ свою очередь войну Англіи. Въ такомъ случаѣ, конечно, она не могла бы возражать противъ того, что и Германія оказалась бы на сторонѣ франко-русской коалиціи. Въ эти же дни, помимо Германіи, между Россіей и Австріей было подписано соглашеніе о нейтралитетѣ, дополняющее договоръ 1897 г., на случай нападенія „третьей стороны" (Англіи на Россію или Италіи на Австрію).

Но Англія — уже 17 октября — поспѣшила согласиться на русское предложеніе о передачѣ конфликта на разрѣшеніе международной комиссіи на основаніи Гаагской конвенціи. Она благоразумно воздержалась отъ какихъ либо попытокъ задержать 2-ую эскадру. Срочность германо-русскаго соглашенія отпала. Когда Вильгельмъ II поставилъ условіе, чтобы его подготовка велась въ тайнѣ отъ Франціи, пока договоръ не будетъ подписанъ, — Государь на это не согласился, и послѣ обмѣна письмами, длившагося два мѣсяца, проектъ былъ оставленъ. „Первая неудача, которую я лично испытываю!" — съ раздраженіемъ писалъ Бюлову германскій Императоръ.

2-я эскадра продолжала свой путь — главныя силы обогнули Африку, часть судовъ прошла черезъ Суэцкій каналъ. 16 декабря адм. Рожественскій достигъ порта С.-Мари на Мадагаскарѣ. Тамъ его застали вѣсти, поставившія подъ вопросъ дальнѣйшее плаваніе его эскадры: вѣсти о паденіи Портъ-Артура.

Внутри Россіи все вниманіе общества сосредоточилось на вопросахъ внутренней политики; о войнѣ вспоминали только, чтобы возмущаться ея веденіемъ.

Кн. Святополкъ-Мирскій предложилъ земскимъ дѣятелямъ представить ему программу съѣзда, и испросилъ у Государя на него разрѣшеніе. Государь, однако, зналъ, что съѣздъ созываютъ завѣдомо оппозиціонные элементы; что его составъ при „импровизированномъ" созывѣ будетъ благопріятенъ болѣе организованнымъ лѣвымъ; и, вопреки желанію Святополкъ-Мирскаго, потребовалъ, чтобы съѣздъ былъ отложенъ на три-четыре мѣсяца, до начала слѣдующаго года. За это время должны были состояться губернскія земскія собранія, которыя и могли выбрать подлинныхъ уполномоченныхъ всего земства,

а не ставленниковъ болѣе или менѣе подобранныхъ „инціативныхъ группъ“

Къ тому времени земскіе дѣятели уже начали съѣзжаться въ столицу, и министръ внутреннихъ дѣлъ далъ имъ знать, что съѣздъ собственно не разрѣшенъ, но что онъ будетъ „смотрѣть сквозь пальцы“, если они „негласно“ соберутся на совѣщаніе. 2 ноября въ Москвѣ состоялось собраніе земской конституціонной группы. Она признала, что „неразрѣшеніе только развязываетъ намъ руки“, и что слѣдуетъ все-таки считать совѣщаніе полноправнымъ съѣздомъ.

Совѣщанія начались въ Петербургѣ 6 ноября; изъ предосторожности собирались каждый разъ въ новомъ мѣстѣ. Отдѣльные делегаты — (гр. Стенбокъ-Ферморъ, предсѣдатель петербургской управы Марковъ) высказывали недоумѣнія: какъ же такъ? нась вызывали будто съ Высочайшаго соизволенія, а его то и нѣтъ! Но сплоченное большинство игнорировало эти протесты, и сразу приступило къ разработкѣ политической деклараціи. Составъ совѣщанія оправдалъ надежды конституціонной группы: резолюціи, касавшіяся отмѣны чрезвычайныхъ положеній, прекращенія административныхъ репрессій, амнистіи, равенства правъ безъ различія сословій, національности и вѣроисповѣданія, расширенія правъ земствъ — приняты были единогласно. Но и въ краеугольномъ вопросѣ объ ограниченіи царской власти, вопреки возраженіямъ предсѣдателя съѣзда, Д. Н. Шипова, большинствомъ 60 противъ 38 побѣдили конституціоналисты; меньшинству было дано право сдѣлать оговорку насчетъ этого пункта.

9 ноября засѣданія закончились, декларація была подписана. Когда земцы принесли ее кн. Святополкъ-Мирскому, онъ былъ сильно смущенъ: въ результатѣ допущеннаго имъ совѣщанія, въ страну была брошена, отъ имени земствъ, конституціонная политическая программа! ..„Мирскій, допустивъ обсужденіе, сдѣлалъ gaffe“ — отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ В. К. Константинъ Константиновичъ. Государь остался крайне недоволенъ дѣйствіями министра; онъ, однако, не принялъ пока его отставки, поручивъ самому Святополкъ-Мирскому „выправлять“ линію правительственной политики.

Вокругъ резолюцій земскаго совѣщанія началась планомѣрная организованная кампанія. Стали устраиваться по всей Россіи многолюдные банкеты, съ политическими рѣчами, неизмѣнно завершавщіеся резолюціями съ требованіемъ конституціи. Земскія собранія присоединялись къ рѣшеніямъ совѣщанія. Тонъ повышался: черниговскій предводитель дворянства прямо отправилъ Государю по телеграфу „конституціонную“ резолюцію земскаго собранія. „Нахожу этотъ по-

ступокъ дерзкимъ и безтактнымъ" — написалъ на телеграммѣ Государь. „Заниматься вопросами государственнаго управленія — не дѣло земскихъ собраній, кругъ занятій которыхъ ясно очерченъ закономъ".

Уже съ начала ноября, послѣ шести недѣль „весны", Государь убѣдился, что политика, имѣвшая цѣлью объединить общество съ властью для борьбы противъ внѣшняго врага, обращалась **противъ войны**. Если статья кн. Е. Н. Трубецкого была продиктована патріотической тревогой за успѣхъ исторической борьбы, то вслѣдъ за нею, и въ томъ же „Правѣ", началась все болѣе откровенная проповѣдь прекращенія войны и перемѣны всего строя. Возникшія въ ноябрѣ новыя газеты, „марксистская" „Наша жизнь" и „народническій" „Сынъ Отечества" *) внесли новый тонъ въ русскую легальную печать.

„„Дома-ли я?" — писалъ въ „Новомъ Времени" (24 и 25 октября) вернувшійся съ фронта кн. Андрей Ширинскій-Шихматовъ. „Часть нашего общества заболѣла тяжелымъ недугомъ сомнѣнія... Тотъ ли это народъ, который всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ?.. **Тамъ** не сомнѣваются", добавлялъ онъ, вспоминая про армію.

Весь ноябрь продолжались безуспѣшныя попытки ввести движеніе въ берега. Мобилизація въ Царствѣ Польскомъ вызвала уличныя демонстраціи и столкновенія. 28 ноября произошла уличная манифестація и въ Петербургѣ: толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ красными флагами, часа на три прервала движеніе по Невскому.

Въ началѣ декабря у Государя состоялось совѣщаніе высшихъ сановниковъ и Великихъ Князей по вопросу о реформахъ **). Былъ составленъ проектъ указа „о предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка", получившій извѣстность подъ неточнымъ обозначеніемъ **манифеста** 12 декабря. Въ него предполагалось внести пунктъ о призваніи мѣстныхъ людей къ разработкѣ законовъ, но Государь, опасаясь, что это будетъ принято за обѣщаніе конституціи, вычеркнулъ его изъ окончательной редакціи. Одновременно съ указомъ о реформахъ (м. п. въ немъ говорилось о свободѣ совѣсти и о пересмотрѣ законовъ о печати), было опубликовано правительственное сообщеніе, предупреждавшее, что „земскія и городскія управы и

---

*) „Сынъ Отечества", газета, выходившая еще въ началѣ XIX вѣка, была куплена лѣвыми кругами у прежняго издателя.

**) Въ основу этого совѣщанія былъ положенъ всеподданнѣйшій докладъ, составленный, по порученію кн. Святополкъ-Мирскаго, Пом. Нач. Гл. Управл. по дѣл. мѣстн. хозяйства С. Е. Крыжановскимъ, и содержавшій обширную программу реформъ.

всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленнаго ихъ вѣдѣнію". На это сообщеніе было обращено больше вниманія, чѣмъ на указъ: московское губернское земское собраніе демонстративно прервало свое засѣданіе, мотивируя это „волненіемъ", которое вызвало у его членовъ правительственное сообщеніе.

На манчжурскомъ фронтѣ третій мѣсяцъ длилось затишье. Зато вокругъ отрѣзаннаго отъ міра Портъ-Артура не прекращалась ожесточенная борьба. Штурмъ 6—7 сентября далъ японцамъ возможность завладѣть нѣкоторыми передовыми укрѣпленіями, но главная оборонительная линія оставалась еще нетронутой. Второй японскій штурмъ предпринятый 17 октября, чтобы взять крѣпость ко дню рожденія императора Мутсухито, былъ отбитъ съ огромными для японцевъ потерями. Японцы знали, что время работаетъ противъ нихъ, что 2-ая эскадра уже въ пути, что манчжурская армія усиливается съ каждымъ мѣсяцемъ; имъ было извѣстно, что въ Портъ-Артурѣ большіе запась продовольствія и военнаго снабженія; и они, не жалѣя людей, снова и снова пытались взять крѣпость приступомъ: въ то же время, они вели глубокіе подкопы подъ главную группу укрѣпленій къ сѣверу отъ стараго города.

13 ноября начался новый штурмъ, продолжавшійся девять дней и стоившій японцамъ 22.000 человѣкъ. Доходило до рукопашныхъ боевъ: русскіе сбрасывали внизъ японцевъ, добравшихся до верха укрѣпленія сѣверо-восточнаго фронта. Но 22 ноября осаждавшіе добились существеннаго успѣха: они завладѣли, на сѣверо-западѣ, горой Высокой („высота въ 203 метра"), съ которой открывался видъ на внутренній рейдъ Портъ-Артура. Въ ближайшіе же два-три дня, отъ огня японской артиллеріи затонули послѣднія суда 1-й тихоокеанской эскадры; уже давно почти весь ихъ экипажъ сражался на сухопутномъ фронтѣ. Иныя были затоплены на мелкомъ мѣстѣ самими экипажами. Такъ погибли: „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава", „Пересвѣтъ", „Баянъ", „Паллада", только „Севастополь" вышелъ на внѣшній рейдъ и тамъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей отбивалъ атаки японскихъ миноносцевъ; наконецъ и онъ былъ подорванъ миной и затопленъ (при взятіи Портъ-Артура) на глубокомъ мѣстѣ.

2 декабря, при взрывѣ японскаго фугаса, былъ убитъ лучшій изъ руководителей обороны Портъ-Артура, ген. Р. И. Кондратенко. Японцы, поперемѣнно дѣйствуя подкопами и штурмомъ, пробивались сквозь самую сильную сѣверо-восточную часть укрѣпленій. 18 де-

кабря они завладѣли первыми фортами въ этомъ районѣ. Паденіе крѣпости представлялось неминуемымъ.

Тѣмъ не менѣе, и для японцевъ, и для гарнизона было неожиданностью, когда 19 декабря командующій войсками ген. А. М. Стессель прислалъ къ ген. Ноги парламентеровъ о сдачѣ. Геройская оборона обрывалась на актѣ слабодушія: и по численности войскъ, и по количеству запасовъ возможно было еще продержаться двѣ-три недѣли, можетъ быть мѣсяцъ, защищая шагъ за шагомъ позиціи. Въ Потръ-Артурѣ сдалось 45.000 человѣкъ, въ томъ числѣ около 28.000 способныхъ носить оружіе, и 13.000 больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ. Японской арміи осада стоила 92.000 человѣкъ убитыми, ранеными и больными.

Въ Россіи сначала ждали паденія Портъ-Артура еще съ лѣта, съ недѣли на недѣлю; потомъ, наоборотъ, привыкли, что крѣпость какимъ-то чудомъ держится. Капитуляція, среди затишья, прокатилась громовымъ ударомъ. Портъ-Артуръ казался символомъ всей дальневосточной политики. „Жалкіе остатки побѣдоносныхъ легіоновъ сложили оружіе у ногъ побѣдителя", съ нескрываемымъ злорадствомъ писали „Наши Дни", мало отличаясь по тону отъ „Освобожденія". При этомъ, подробности сдачи еще не были извѣстны, и господствовало представленіе, что ген. А. М. Стессель, писавшій въ телеграммѣ Государю „Суди насъ" и добавлявшій, что „люди стали тѣнями", исполнилъ свой долгъ до конца.

„Что же русскій народъ?" — спрашивалъ въ проникновенной статьѣ А. С. Суворинъ. „Выросъ онъ или нѣтъ для сознанія отечества, его чести, его славы и счастья? Выросъ ли онъ для того, чтобы понять наши задачи на Д. Востокѣ, этотъ Великій Сибирскій путь, эту нужду въ открытомъ океанѣ? Или мы великій народъ — или нѣтъ? Неужели у насъ все истощилось, и Портъ-Артуръ — это гора, которая обрушилась на насъ и раздавила насъ? Я только спрашиваю, спрашиваю, какъ ничтожная былинка въ великомъ Россійскомъ царствѣ"...

Государь былъ въ Юго-Западномъ краѣ, провожая на фронтъ войска, когда пришла вѣсть о паденіи Портъ-Артура. Вернувшись въ столицу, Онъ издалъ — на 1 января 1905 г. — приказъ по арміи и флоту.

„Портъ-Артуръ перешелъ въ руки врага" — начинался этотъ приказъ, прежде всего воздававшій хвалу доблести защитниковъ крѣпости. „Миръ праху и вѣчная память вамъ, незабвенные русскіе люди, погибшіе при защитѣ Портъ-Артура! Вдали отъ родины вы легли костьми за Государево дѣло... Миръ праху вашему и вѣчная о васъ память въ нашихъ сердцахъ.

„Слава живымъ! Да исцѣлитъ Господь ваши раны и немощи, и да даруетъ вамъ силу и долготерпѣніе перенести новое постигшее насъ испытаніе.

„Доблестныя войска Мои и моряки! Да не смущаетъ васъ постигшее горе. Врагъ нашъ смѣлъ и силенъ, безпримѣрна трудна борьба съ нимъ вдали, за десятокъ тысячъ верстъ отъ источниковъ нашей силы. Но Россія могуча. Въ тысячелѣтней ея жизни были годины еще болѣе тяжелыхъ испытаній, еще болѣе грозной опасности, и каждый разъ она выходила изъ борьбы съ новою силой, новою мощью...

„Со всею Россіей вѣрю, что настанетъ часъ нашей побѣды, и что Господь Богъ благословитъ дорогіе Мнѣ войска и флотъ дружнымъ натискомъ сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины“.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Усиленіе Россіи къ началу второго года войны. — Русская смута и японскія деньги. — Событія 9 января. — Растерянность на верхахъ. — Слово Государя къ рабочимъ (19 января).

Убійство В. К. Сергія Александровича. — Манифестъ 18 февраля и рескриптъ Булыгину. — Бой подъ Сандепу; отъѣздъ ген. Гриппенберга изъ арміи. — Мукденское сраженіе.

Проекты церковной реформы. — Указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости. — Походъ 2-й тихоокеанской эскадры. — Цусимскій бой. — Ростъ революціоннаго движенія. — Вопросъ о продолженіи войны. — Военное совѣщаніе 24 мая. — Посредничество Рузвельта. — Условное согласіе Государя на переговоры. — Шансы русской побѣды въ 1905 г.

Майскій земскій съѣздъ. — Пріемъ Государемъ делегаціи (6 іюня 1905 г. въ Петергофѣ. — Революціонныя вспышки: Лодзь; Одесса; „Потемкинъ Таврическій". — Инциденты „обратнаго характера": Баку, Н. Новгородъ, Балашовъ. — Японскій десантъ на Сахалинѣ. — Витте во главѣ русской делегаціи въ Портсмутъ. — Мѣры для продолженія войны. — Свиданіе въ Бьерке; соглашеніе 11 іюля; его смыслъ и значеніе.

„Полѣвѣніе" на земскомъ съѣздѣ. — Петергофскія совѣщанія о Гос. Думѣ и Законъ 6 августа.

Портсмутская конференція: требованія японцевъ; пессимизмъ Витте; твердость Государя. — Обращеніе американскаго посла къ Государю. — Принятіе японцами русскихъ послѣднихъ предложеній. — Разочарованіе въ Японіи. — Роль Государя въ завершеніи войны.

Первый годъ войны приближался къ концу. Онъ принесъ Россіи не мало разочарованій, — отчасти потому, что только немногіе соз-

навали реальныя трудности борьбы. Наиболѣе тяжкіе удары постигли флотъ, тогда когда армія оставалась нетронутой. Къ началу 1905 г., въ Манчжуріи было сосредоточено около 300.000 человѣкъ. Сибирская дорога пропускала уже по 14 паръ поѣздовъ въ день (вмѣсто 4-хъ въ началѣ войны).

Россія, при этомъ, почти не ощущала экономическихъ и финансовыхъ затрудненій въ связи съ войной. Урожай 1904 г. былъ обильный; промышленность снова увеличила свое производство. Налоги поступали какъ въ мирное время; а золотой запасъ Гос. Банка возросъ за годъ на 150 милл. руб. *) и превышалъ количество банкнотъ въ обращеніи.

Военные расходы (составившіе за первый годъ войны около 600 милл. рул.) были покрыты отчасти свободной наличностью казначейства (бюджетными остатками прошлыхъ лѣтъ), — отчасти займами. Подписка на оба внѣшнихъ займа въ нѣсколько разъ превысила сумму выпуска **). Кредитъ Россіи стоялъ высоко: она занимала по 5—6 проц. тогда какъ Японіи, несмотря на всѣ ея успѣхи, приходилось фактически платить 7—8 процентовъ.

Время работало въ пользу Россіи; на второмъ году долженъ былъ сказаться ея болѣе мощный организмъ — болѣе мощный и въ военномъ, и въ финансовомъ отношеніи. Японія, раньше пустившая въ ходъ всѣ свои силы, еще была впереди; но Россія **начинала нагонять ее.** Предстоялъ еще одинъ трудный моментъ: армія, осаждавшая Портъ-Артуръ, должна была въ февралѣ появиться на фронтѣ, и дать Японіи опять временный перевѣсъ. Но къ веснѣ или лѣту 1905 г., при нормальномъ развитіи напряженія силъ обѣихъ сторонъ, русская чаша имѣла большіе шансы „перетянуть".

Это сознавали и тѣ, кто совсѣмъ того не желалъ: „Если русскіе войска одержатъ побѣду надъ японцами, что въ концѣ концовъ совсѣмъ ужъ не такъ невозможно, какъ кажется на первый взглядъ", — писалъ нѣкій Н. О-въ въ „Освобожденіи" ***), — „то свобода будетъ преспокойно задушена подъ крики ура и колокольный звонъ торжествующей имперіи".

Только диверсія въ тылу русской арміи, только внутреннія волненія въ Россіи могли предотвратить такой исходъ войны.

Но къ концу 1904 г., несмотря на сильное политическое возбужде-

*) 1. I. 1904: 732,9 милл. руб.; 1. I. 1905: 878,2 милл. руб.

**) Въ маѣ 1904 г. — заемъ во Франціи на 300 милл. руб.; около Новаго 1905 г. — въ Германіи на 232 милл. руб.

***) № 63, 20/7 января 1905 г.

ніе въ интеллигенціи и въ земскихъ кругахъ, ничто, казалось, не предвѣщало серьезныхъ революціонныхъ потрясеній. — Что у насъ есть? — спрашивало „Освобожденіе“ *), съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ подсчитывая силы „освободительнаго движенія“: „Вся интеллигенція и часть народа; все земство, вся печать, часть городскихъ думъ, всѣ корпораціи (юристы, врачи, и т. д.)... Намъ обѣщали поддержку соціалистическія партіи... За насъ вся Финляндія... За насъ угнетенная Польша и изнывающее въ чертѣ осѣдлости еврейское населеніе“.

Активное недовольство существующимъ строемъ сказывалось всего сильнѣе въ нерусской части населенія, — къ общимъ причинамъ прибавлялось недовольство „обрусительной“ политикой — и особенно въ еврейскихъ кругахъ, болѣзненно ощущавшихъ лежавшія на нихъ правоограниченія **). Но первый ударъ былъ нанесенъ не съ той стороны...

Внутреннія волненія въ Россіи были необходимы Японіи, какъ воздухъ. Несомнѣнно, она дорого дала бы, чтобы ихъ вызвать. Имѣла ли она возможность это сдѣлать и въ какой мѣрѣ она это дѣлала? Тогда, въ 1904—1905 г., одно такое предположеніе вызывало въ русскомъ обществѣ только презрительное негодованіе. Въ настоящее время это уже никому не кажется столь невѣроятнымъ.

Слѣдуетъ различать два понятія: невѣрно было бы утверждать, что революцію дѣлали **за** иностранныя деньги. Люди, отдававшіе всѣ свои силы дѣлу революціи, готовые отдать за нее и жизнь, дѣлали это не ради полученія денегъ отъ кого бы то ни было. Но въ извѣстной мѣрѣ революція дѣлалась **на** иностранныя деньги: внутренніе враги русской власти (вѣрнѣе — часть ихъ) не отказывались отъ помощи ея внѣшнихъ враговъ. Объ одномъ фактѣ такого рода, относящемся къ зимѣ 1904—05 г., открыто пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ руководитель боевой организаціи с.-р.; Б. В. Савинковъ ***). „Членъ финской партіи активнаго сопротивленія, Конни Цилліакусъ, сообщилъ центральному комитету, что черезъ него поступило на русскую революцію пожертвованіе отъ американскихъ милліонеровъ въ размѣрѣ мил-

---

*) № 63, 20/7 января 1905 г.

**) Командующій Сибирскимъ военнымъ округомъ, ген. Н. Н. Сухотинъ, составилъ любопытную статистику политическихъ „поднадзорныхъ“ по національностямъ на 1 янв. 1905 г.: на 4.526 человѣкъ, русскихъ было 1.898; евреевъ 1.676; поляковъ 624; кавк. народностей 124; прибалтійскихъ 85; прочихъ 94. (Эти данныя опубликованы были въ „Красномъ Архивѣ“, т. XXXII).

***) Былое. 1917 г. № 3.

ліона франковъ, причемъ американцы ставятъ условіемъ, чтобы эти деньги пошли на вооруженіе народа, и распредѣлены были между всѣми революціонными партіями. Ц. К. принялъ эту сумму, вычтя 100.000 фр. на боевую организацію". (Въ „Новомъ Времени" — писалъ далѣе Савинковъ — весною 1906 г. утверждали, что это пожертвованіе сдѣлано не американцами, а японскимъ правительствомъ, но нѣтъ основаній сомнѣваться въ словахъ Конни Цилліакуса) *)...

Это пожертвованіе, конечно, не было единственнымъ; правда, указанія на значительно болѣе крупныя суммы не были документально доказаны; но надо имѣть въ виду, что ни дающіе, ни берущіе не были заинтересованы въ огласкѣ. Англійскій журналистъ Диллонъ, — опредѣленный врагъ царской власти, — написалъ въ своей книгѣ „Закатъ Россіи": „Японцы раздавали деньги русскимъ революціонерамъ извѣстныхъ оттѣнковъ, и на это были затрачены значительныя суммы. Я долженъ сказать, что это безспорный фактъ". О томъ же свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ б. русскій посланникъ въ Токіо, баронъ Р. Р. Розенъ.

Въ такой обстановкѣ внезапно разразилось въ С.-Петербургѣ рабочее движеніе невиданной силы.

Въ столичной рабочей средѣ уже лѣтъ десять активно дѣйствовали соціалъ-демократическіе кружки, и число ихъ сторонниковъ было довольно значительно, хотя, конечно, они оставались меньшинствомъ. „Зубатовскія" организаціи сначала вовсе не привились въ Петербургѣ. Только осенью 1903 г. основалось О-во фабрично-заводскихъ рабочихъ, во главѣ котораго сталъ о. Георгій Гапонъ, священникъ церкви при Пересыльной тюрьмѣ.

Гапонъ былъ, несомнѣнно, недюжиннымъ демагогомъ, а также человѣкомъ, весьма неразборчивымъ въ средствахъ; его истинныя убѣжденія такъ и остались неясными; повидимому, онъ просто плылъ по теченію, поддаваясь вліянію своего соціалистическаго окруженія. Разница съ Зубатовымъ была огромная: тотъ внушалъ рабочимъ, что власть имъ не врагъ, а необходимый союзникъ, тогда какъ Гапонъ только пользовался сношеніями съ властями какъ **ширмой**, а велъ пропаганду совсѣмъ иного рода.

„Гапонъ сталъ мало по малу сближаться съ наиболѣе сознатель-

---

*) О „сношеніяхъ Цилліакуса съ японскимъ полковникомъ Акаши, который вручилъ ему значительныя суммы денегъ на закупку оружія для возстаній въ Петербургѣ и на Кавказѣ" упоминается въ воспоминаніяхъ П. Н. Милюкова („Русскія Записки", 1938 г. іюнь).

ными рабочими... Это были люди, прошедшіе партійную школу, но по тѣмъ или инымъ причинамъ не примкнувшіе къ партіямъ. Осторожно, но чрезвычайно настойчиво, Гапонъ подобралъ себѣ кружокъ такого рода приближенныхъ... Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы такъ или иначе расшевелить рабочую массу, не поддающуюся воздѣйствію конспиративныхъ дѣятелей *).

Сначала Гапонъ дѣйствовалъ „сдержанно и осторожно". Но къ концу ноября 1904 г. дѣятельность общества „приняла характеръ систематической пропаганды" **). Гапонъ сталъ искать сближенія съ лѣвой интеллигенціей и обѣщалъ подготовить рабочее выступленіе; только — говорилъ онъ — „я долженъ ждать какого нибудь внѣшняго событія; пусть падетъ Артуръ" ***).

Петербургскій Градоначальникъ Фуллонъ настолько мало подозрѣвалъ истинныя намѣренія Гапона, что еще въ началѣ декабря 1904 г. выступилъ на открытіи новаго отдѣла его общества, высказывая пожеланіе, чтобы рабочіе „всегда одерживали верхъ надъ капиталистами".

21 декабря была получена вѣсть о паденіи Портъ-Артура. Тотчасъ по окончаніи рождественскихъ праздниковъ — 28 декабря — состоялось засѣданіе 280 представителей „гапоновскаго" общества: рѣшено было начать выступленіе.

Дѣйствія развивались планомѣрно, расширяющимися кругами. 29 декабря дирекціи Путиловскаго завода (работавшаго на оборону) было предъявлено требованіе объ увольненіи одного мастера, якобы безъ основанія расчитавшаго четырехъ рабочихъ. 3 января весь Путиловскій заводъ забастовалъ; требованія уже повысились, но носили еще экономическій характеръ, хотя и были трудно исполнимы: 8-ми-часовой рабочій день, минимумъ заработной платы.

Общество фабрично-заводскихъ рабочихъ сразу взяло на себя руководство забастовкой; его представители, съ Гапономъ во главѣ, являлись для переговоровъ съ администраціей; они же организовали стачечный комитетъ и фондъ помощи бастующимъ. Общество въ этотъ моментъ, очевидно, располагало немалыми средствами.

5 января уже бастовало нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ представилъ объ этомъ докладъ Государю, указывая на экономическую неосуществимость требованій и на вредную роль гапоновскаго общества.

---

*), **) и ***) Л. Гуревичъ. Народное движеніе въ Петербургѣ 9 января 1905 г. „Былое" 1906, № 1. Статья составлена по сотнямъ документовъ и свидѣтельскихъ показаній, собранныхъ „по свѣжимъ слѣдамъ".

Въ тотъ же вечеръ 5 января на совѣщаніи при участіи соціалъ-демократовъ была составлена политическая программа движенія.

Вызвавъ подъ неопредѣленными, но сильно дѣйствующими лозунгами „борьба за правду", „за рабочее дѣло" и т. д., почти всеобщую забастовку петербургскихъ рабочихъ — (быстрый успѣхъ движенія показывалъ, что почва была хорошо подготовлена) — Гапонъ и его окруженіе внезапно и рѣзко повернули движеніе на политическіе рельсы.

6-го января 22-мя представителями гапоновскаго общества была выработана петиція къ Царю. Въ этотъ же день, во время водосвятія на Невѣ передъ Зимнимъ Дворцомъ, произошелъ странный несчастный случай: одно изъ орудій батареи, производившей салютъ, выстрѣлило картечью. Ни Государь, никто изъ собравшихся на торжество высшихъ представителей власти задѣтъ не былъ; осколками ранило одного городового и выбило нѣсколько стеколъ во дворцѣ. Но тотчасъ же пошли слухи о покушеніи; слѣдствіе потомъ выяснило, что это, видимо, была чья то простая небрежность... Этотъ выстрѣлъ также содѣйствовалъ созданію тревожнаго напряженнаго настроенія.

7-го января въ послѣдній разъ вышли газеты; съ этого дня забастовка распространилась и на типографіи. Тогда въ взволнованную рабочую массу была неожиданно брошена идея похода къ Зимнему Дворцу.

Эта идея принадлежала Гапону и его окруженію, а петицію помогали составлять соціалъ-демократы. Уже изъ этого видно, что не могло быть рѣчи о „порывѣ народа къ своему Царю". Содержаніе петиціи достаточно ясно объ этомъ свидѣтельствовало. Примитивная демагогія Гапона служила въ ней предисловіемъ къ весьма опредѣленнымъ соціалъ-демократическимъ лозунгамъ. Она начиналась понятными всякому рабочему словами о томъ, какъ тяжело живется трудящимся; тонъ постепенно повышался: „Насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества... Мы немногаго просимъ; мы желаемъ только того, безъ чего наша жизнь — не жизнь, а каторга... Развѣ можно жить при такихъ законахъ? Не лучше ли умереть намъ всѣмъ, трудящимся? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники..."

Послѣ этого выдвигались требованія: „**Немедленно повели** созвать представителей земли русской... Повели, чтобы **выборы въ Учредительное Собраніе** происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Это самая наша главная просьба; въ ней и

на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ".

Затѣмъ было еще тринадцать пунктовъ, въ томъ числѣ — всѣ свободы, равенство безъ различія вѣроисповѣданія и національности, отвѣтственность министровъ „передъ народомъ", политическая амнистія, и даже — отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ. Перечисленіе требованій кончалось словами: „Повели и поклянись исполнить ихъ... А не повелишь, не отзовешься на нашу просьбу — мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ".

Корреспондентъ парижской „Humanité", Авенаръ, 8(21) января въ восторгѣ писалъ: „Резолюціи либеральныхъ банкетовъ и даже земствъ блѣднѣютъ передъ тѣми, которыя депутація рабочихъ попытается завтра представить Царю"

Власти были застигнуты врасплохъ быстро возникшей опасностью. Политическій характеръ движенія выяснился только 7-го. Газетъ не было. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, напр., узналъ о готовящихся событіяхъ только вечеромъ 8 января, когда его вызвали на экстренное совѣщаніе у министра внутреннихъ дѣлъ. Градоначальникъ до послѣдней минуты надѣялся, что Гапонъ „уладитъ все дѣло"! Угроза движенія стотысячной толпы на дворецъ, съ петиціей революціоннаго содержанія, создавала для власти трудную задачу.

Допустить манифестаціи значило капитулировать безъ борьбы. Въ то же время, русскій полицейскій аппаратъ былъ слабъ. Онъ былъ болѣе приспособленъ къ „вылавливанію" отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ къ предотвращенію массовыхъ выступленій. Слабость полицейскаго аппарата, уже проявившаяся за 1903 годъ при волненіяхъ въ Златоустѣ, при Кишиневскомъ погромѣ, при безпорядкахъ въ Одессѣ, въ Кіевѣ и т. д., сказалась и въ январскихъ событіяхъ въ Петербургѣ. Какъ можно было — вечеромъ 8 января — предотвратить походъ толпы на Зимній дворецъ? Власти французской Третьей республики, когда онѣ желали предотвратить демонстраціи, арестовывали на сутки нѣсколько сотъ (а то и тысячъ) предполагаемыхъ руководителей. Но отдѣльные городовые, затерянные въ толпѣ петербургскихъ рабочихъ кварталовъ, были совершенно безсильны что-либо предпринять; да и власти не знали, при быстротѣ развитія движенія, почти никакихъ именъ, кромѣ Гапона.

Единственнымъ способомъ помѣшать толпѣ овладѣть центромъ города была установка кордона изъ войскъ на всѣхъ главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ рабочихъ кварталовъ ко дворцу.

Объявленія отъ градоначальника, предупреждавшія, что шествія

запрещены, и что участвовать въ нихъ опасно, были расклеены по городу вечеромъ 8 января. Но большія типографіи не работали, а типографія градоначальства могла изготовить только небольшія невзрачныя афишки.

Между тѣмъ руководители движенія весь день 8 января объѣзжали городъ и на несчетныхъ митингахъ призывали народъ идти ко дворцу. Тамъ, гдѣ Гапонъ сомнѣвался въ аудиторіи, онъ успокаивалъ, говоря, что никакой опасности нѣтъ, что Царь приметъ петицію и все будетъ хорошо. Тамъ, гдѣ настроеніе было болѣе революціоннымъ, онъ говорилъ, что **если** Царь не приметъ требованій рабочихъ — „тогда нѣтъ у насъ Царя", и толпа ему вторила.

„Выдвигается соціалъ-демократія. Враждебно встрѣченная, она вскорѣ приспособляется къ аудиторіи и овладѣваетъ ею. Ея лозунги подхватываются массой и закрѣпляются въ петиціи" — пишетъ Троцкій въ своей книгѣ о 1905-мъ годѣ.

Интеллигентскіе круги были застигнуты врасплохъ, такъ же какъ и правительство. Они сдѣлали попытку обратиться къ министрамъ „для предотвращенія кровопролитія". Витте далъ двусмысленный отвѣтъ — „умылъ руки", какъ выразилось „Освобожденіе". Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ ген. Рыдзевскій резонно отвѣтилъ посѣтившей его депутаціи, что ей слѣдуетъ обратиться къ рабочимъ, а не къ власти: если запрещенной манифестаціи не будетъ, никакой опасности кровопролитія нѣтъ. Но радикальная интеллигенція, конечно, не могла отговаривать рабочихъ отъ выступленія, которому она всей душой сочувствовала.

Отчасти для того, чтобы успокоить болѣе умѣренную часть рабочихъ, отчасти для приданія демонстраціи „защитнаго цвѣта" въ глазахъ полиціи и войскъ, Гапонъ и другіе вожаки движенія посовѣтовали демонстрантамъ нести въ первыхъ рядахъ иконы и царскіе портреты. Въ болѣе „передовыхъ" районахъ этой маски, видимо, не понадобилось.

9 января было воскресеньемъ. Рабочія шествія съ утра выступили изъ отдѣловъ общества, съ расчетомъ, чтобы сойтись къ двумъ часамъ у Зимняго Дворца. Нѣкоторыя шествія представляли собою толпу въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ: всего въ нихъ участвовало до трехсотъ тысячъ.

Когда шествіе отъ Нарвской заставы, во главѣ съ самимъ Гапономъ, подошло къ Обводному каналу, путь ему преградила цѣпь солдатъ. Толпа, несмотря на предупрежденія, двинулась впередъ, поднявъ плакатъ „Солдаты, не стрѣляйте въ народъ". Данъ былъ сначала

холостой залпъ. Ряды рабочихъ дрогнули, но руководители съ пѣніемъ двинулись дальше и повлекли за собой толпу. Тогда былъ данъ настоящій залпъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ было убито или ранено. Гапонъ упалъ на землю; прошелъ слухъ, что онъ убитъ; но его помощники быстро перекинули его черезъ заборъ, и онъ благополучно скрылся. Толпа въ безпорядкѣ отхлынула назадъ.

И на Шлиссельбургскомъ трактѣ, и на Васильевскомъ островѣ, и на Выборгской сторонѣ всюду, съ небольшими варіаціями, происходило то же, что у Нарвской заставы: демонстранты доходили до кордона войскъ, отказывались разойтись, не отступали при холостыхъ залпахъ и разсѣивались, когда войска открывали огонь. Кордонъ былъ не сплошной, отдѣльныя кучки все же проникли на Невскій; тамъ тоже нѣсколько разъ возникала стрѣльба; группы рабочихъ смѣшивались съ обычной уличной толпой. Небольшія скопленія народа то возникали, то разсѣивались атакой казаковъ или залпами. На Васильевскомъ островѣ стали строить баррикады съ красными флагами; но ихъ почти не защищали. Движеніе распылилось; однако, до поздней ночи въ городѣ царило лихорадочное возбужденіе; оно улеглось только черезъ два-три дня.

Молва тотчасъ же пріумножила число жертвъ. По оффиціальной сводкѣ, появившейся позже, убито было 130 человѣкъ и ранено нѣсколько сотъ. Если бы толпѣ удалось овладѣть центромъ города, число жертвъ было бы, вѣроятно, во много разъ больше. Но дѣло было не въ числѣ жертвъ, а въ самомъ фактѣ массоваго народнаго движенія противъ власти, столкновенія толпы съ войсками на улицахъ столицы. Конечно, часть демонстрантовъ была обманута руководителями, внушавшими ей, что движеніе — не противъ Царя, что ничего революціоннаго въ немъ нѣтъ. Но также было несомнѣнно, что революціонные лозунги встрѣтили неожиданный откликъ въ широкихъ рабочихъ массахъ. 9 января какъ бы вскрылся гнойникъ; оказалось, что не только интеллигенція, но и „простой народъ" — по крайней мѣрѣ въ городахъ — въ значительной своей части находился въ рядахъ противниковъ существующаго строя.

Девятое января было „политическимъ землетрясеніемъ" — началомъ русской революціи. Понятно, что ея сторонники шумно возмущались дѣйствіями власти — это соотвѣтствуетъ правиламъ всякой политической борьбы. Но и многіе сторонники высказывали мнѣніе, что 9-го января была совершена роковая ошибка. Едва ли это исторически вѣрно: поскольку власть не считала возможнымъ капитулировать и согласиться на Учредительное Собраніе подъ давленіемъ толпы,

руководимой революціонными агитаторами — никакого другого исхода не оставалось. Уступчивость въ отношеніи наступающей толпы — либо ведетъ къ крушенію власти, либо къ еще худшему кровопролитію. Конечно, при болѣе сильномъ полицейскомъ аппаратѣ можно было принять „превентивныя" мѣры, вообще не допустить демонстраціи. Но вечеромъ 8 января, когда власти окончательно увѣрились въ серьезности положенія, уже было поздно для такихъ мѣръ.

Когда враги власти затѣмъ писали, что Государю „стоило выйти къ толпѣ и согласиться хотя бы на одно изъ ея требованій" (какое — объ Учредительномъ Собраніи?) и тогда „вся толпа опустилась бы передъ нимъ на колѣни", — это было самымъ грубымъ искаженіемъ дѣйствительности. Гораздо честнѣе былъ отзывъ плехановской „Искры":

„Тысячными толпами — писалъ заграничный органъ с.-д. (18 января), — рѣшили рабочіе собраться къ Зимнему Дворцу и **требовать,** чтобы Царь **самолично** вышелъ на балконъ принять „петицію" и **присягнуть,** что требованія народа будутъ выполнены. Такъ обращались къ своему „доброму королю" герои Бастиліи и похода на Версаль! И тогда раздалось „ура" въ честь показавшагося толпѣ по ея **требованію** монарха, но въ этомъ „ура" звучалъ смертный приговоръ монархіи".

Девятое января 1905 г. было прискорбнымъ, даже трагическимъ днемъ — но оно не было позорнымъ днемъ для монархіи, какъ тѣ событія 5—6 октября 1789 г., о которыхъ напоминала „Искра".

Событія въ Петербургѣ произвели ошеломляющее впечатлѣніе и въ Россіи и заграницей.

Интеллигенція увидѣла въ нихъ своего рода укоръ — рабочіе **опередили** ее въ своихъ требованіяхъ; обществу показалось, что оно было еще слишкомъ робкимъ. Особенно торжествовали с.-д., всегда говорившіе, что революція въ Россіи придетъ черезъ рабочій классъ.

„Десятилѣтняя работа соціалъ-демократіи вполнѣ исторически окупилась", — писала „Искра". — „Въ рядахъ петербургскихъ рабочихъ нашлось достаточно соціалъ-демократическихъ элементовъ, чтобы ввести это возстаніе въ соціалъ-демократическое русло, чтобы временнаго техническаго организатора возстанія идейно подчинить постоянному вождю пролетаріата — соціалъ-демократіи".

Правительственные круги охватила паника. Градоначальникъ Фуллонъ, за нимъ и кн. Святополкъ-Мирскій, должны были покинуть свои посты. Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Д. Ф.

Треповъ, только недавно покинувшій постъ московскаго градоначальника — человѣкъ твердый, глубоко преданный Государю, обладавшій безстрашіемъ и здравымъ смысломъ, хотя и мало искушенный въ политическихъ вопросахъ. За весь начинавшійся смутный періодъ Д. Ф. Треповъ оставался вѣрнымъ помощникомъ Государя.

Возбужденіе въ Петербургѣ улеглось не сразу. Забастовка стала постепенно прекращаться, но газеты вышли только 15-го января. Въ другихъ городахъ кое-гдѣ возникли волненія; наиболѣе крупныя столкновенія были въ Ригѣ. Когда латино-славянское агенство ген. Черепъ-Спиридовича прислало изъ Парижа телеграмму о томъ, что японцы открыто хвастаются волненіями, вызванными на ихъ деньги — этому не захотѣли вѣрить даже „Новое Время" и „Гражданинъ".

Двое изъ ближайшихъ совѣтниковъ Государя, министръ финансовъ Коковцовъ и министръ земледѣлія Ермоловъ, обратились къ нему съ записками политическаго содержанія. В. Н. Коковцовъ, въ запискѣ 11 января писалъ, что ни полиція, ни военная сила не могутъ возстановить положенія; необходимо „державное слово Вашего Величества... Въ такую минуту, когда улицы столицы обагрялись кровью, голосъ министра или даже всѣхъ министровъ вмѣстѣ не будетъ услышанъ народомъ".

Еще болѣе опредѣленно выражался А. С. Ермоловъ. „Агитація не прекратилась, готовятся покушенія, — говорилъ онъ Государю (17 января). — „Волненія перекинулись въ большую часть городовъ, вездѣ ихъ приходится усмирять вооруженной силой... Что дѣлать, если они перекинутся въ селенія? Когда поднимутся крестьяне, — какими силами и какими войсками усмирять тогда эту новую пугачевщину? И можно-ли тогда быть увѣреннымъ въ войскахъ?".

Государь предложилъ министрамъ собраться на совѣщаніе, которое и состоялось 18 января подъ предсѣдательствомъ Витте. Былъ выдвинутъ проектъ манифеста, въ которомъ выражались бы скорбь и ужасъ по поводу событій въ Петербургѣ, и указывалось, что эти событія не были Государю своевременно извѣстны. Витте даже предлагалъ упомянуть, что войска „дѣйствовали не по Его велѣнію", на что гр. Сольскій отвѣтилъ „нельзя допустить, что Его войска дѣйствуютъ не по Его велѣнію!".

Государь, однако, отвергъ идею такого манифеста; Онъ не желалъ перекладывать отвѣтственности на другихъ, и всецѣло раздѣлялъ мнѣніе гр. Сольскаго въ вопросѣ о войскахъ. Вмѣсто этого, Онъ поручилъ Д. Ф. Трепову собрать делегацію изъ рабочихъ разныхъ заводовъ, и 19 января принялъ ее въ Царскомъ Селѣ, выразивъ въ рѣчи свое отношеніе къ происшедшему:

„Вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины, — сказалъ Государь. — Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбѣжно вызываетъ и неповинныя жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить... Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ — преступно".

Государь въ то же время распорядился отпустить 50.000 рубл. на пособія семьямъ пострадавшихъ 9 января, и поручилъ сенатору Шидловскому созвать комиссію для выясненія нуждъ рабочихъ при участіи выборныхъ изъ ихъ среды. Выборы въ эту комиссію были только использованы для политической демонстраціи: выборщики собрались и, вмѣсто обсужденія рабочихъ нуждъ, выставили рядъ политическихъ требованій, въ частности — возобновленіе дѣятельности „гапоновскаго" общества. Комиссія сен. Шидловскаго такъ и не приступила къ работамъ.

Послѣ того, какъ терминъ „Учредительное Собраніе" появился въ гапоновской петиціи, самые умѣренные земцы и такія газеты, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Свѣтъ", „Новое Время" открыто заговорили о необходимости Земскаго Собора. Изъ правой печати только „Московскія Вѣдомости" (В. А. Грингмутъ) послѣдовательно выдерживали свою прежнюю линію.

На дворянскомъ собраніи Московской губерніи 22 января рѣзко столкнулись два теченія, и консервативное крыло, во главѣ съ братьями Самариными, одержало верхъ всего большинствомъ 219 противъ 147 голосовъ. Въ тотъ моментъ это былъ едва ли не единственный протестъ противъ революціоннаго натиска. „Война, война трудная, еще небывалая по своему упорству, приковала къ себѣ всѣ силы Государства. А между тѣмъ внутренняя смута расшатываетъ общество и волнуетъ народъ" — говорилось въ адресѣ. — „Нынѣ-ли, въ столь тяжелую пору, думать о какомъ либо коренномъ преобразованіи государственнаго строя Россіи? Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута; тогда направленная державной десницей Твоей, Россія найдетъ пути для надежнаго устроенія своей жизни... Царствуй въ сознаніи своей силы, самодержавный Государь!".

Характерно, что объ этомъ адресѣ отозвались отрицательно и „Новое Время", и даже „Русскій Вѣстникъ" со „Свѣтомъ", не говоря уже о болѣе лѣвыхъ органахъ печати.

Въ Русскомъ собраніи идею совѣщательнаго Земскаго Собора, какъ русскую форму представительства, въ противовѣсъ Учредитель-

ному Собранію, защищали ген. Кирѣевъ и А. В. Васильевъ (противъ прив.-доц. Б. В. Никольскаго, противника какихъ либо перемѣнъ).

Высшія учебныя заведенія одно за другимъ объявляли забастовку „впредь до созыва Учредительнаго Собранія". Въ С.-Петербургскомъ университетѣ младшіе преподаватели, еще до студенческой сходки, высказались большинствомъ 87 противъ 4 за прекращеніе занятій. Протесты меньшинства не помогли: хотя въ газетахъ и появились нѣсколько сотъ писемъ студентовъ, высказывавшихся за продолженіе занятій — само правительство рѣшило прервать до осени занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

4 февраля взрывомъ бомбы с.-р. Каляева былъ убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ, котораго, такъ же какъ и В. К. Владиміра Александровича, революціонные круги считали главою „партіи сопротивленія". В. К. Сергій Александровичъ, много лѣтъ занимавшій постъ московскаго генералъ-губернатора, дѣйствительно былъ человѣкомъ твердыхъ консервативныхъ воззрѣній, способный въ то же время и на смѣлую инициативу. Только благодаря его поддержкѣ, С. П. Зубатову удалось организовать свои монархическіе рабочіе союзы въ Москвѣ. Смерть Великаго Князя была тяжелымъ ударомъ для русской власти.

Террористы, по слухамъ, готовили покушеніе и на Государя, который поэтому лишенъ былъ возможности прибыть въ Москву на похороны своего дяди: слишкомъ много въ эти смутные дни зависѣло отъ Его жизни: Наслѣднику не было году, а братъ Государя былъ еще молодъ и стоялъ далеко отъ государственныхъ дѣлъ...

Гапонъ, бѣжавшій заграницу, выпускалъ неистовыя воззванія, которыя даже „Освобожденіе" рѣшалось помѣщать только „въ качествѣ документа" *).

---

*) Появившееся въ „Революціонной Россіи", органѣ с.-р., воззваніе Гапона дѣйствительно курьезный документъ. Послѣ проклятій по адресу „звѣря-царя", „шакаловъ-министровъ", и „собачьей своры чиновниковъ", Гапонъ далѣе пишетъ: „Министровъ, градоначальниковъ, губернаторовъ, исправниковъ, городовыхъ, полицейскихъ стражниковъ, жандармовъ и шпіоновъ, генераловъ и офицеровъ, приказывающихъ въ васъ стрѣлять — убивайте... Всѣ мѣры, чтобы у васъ были во-время настоящее оружіе и динамитъ — знайте, приняты... На войну идти отказывайтесь... По указанію боевого комитета возставайте... Водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграфъ, освѣщеніе, конки, трамваи, желѣзныя дороги уничтожайте... Раздавимъ внутреннихъ кровожадныхъ пауковъ нашей дорогой родины (внѣшніе же не страшны намъ)". (См. „Освобожденіе" № 67, 18/5-III, 1905 г.)

Зарганицей увѣровали въ русскую революцію, и французскіе финансовые круги отказались отъ размѣщенія новаго русскаго займа во Франціи.

18 февраля, въ вечернихъ петербургскихъ газетахъ появился манифестъ, призывавшій всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества на борьбу съ крамолой. Этотъ манифестъ былъ понятъ, какъ отказъ въ тѣхъ реформахъ, которыхъ требовали все настойчивѣе. Но на слѣдующее же утро былъ опубликованъ рескриптъ на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгина, содержавшій знаменательныя слова: „Я вознамѣрился — писалъ Государь — **привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній**". Это было обѣщаніемъ созывать совѣщательное народное представительство. Одновременно, особымъ указомъ, объявлялось, что всѣмъ русскимъ людямъ и организаціямъ предоставляется право сообщать Государю свои предположенія о желательныхъ реформахъ государственнаго устройства.

Этотъ актъ — писалъ А. С. Суворинъ въ „Новомъ Времени" — „мановеніемъ жезла развѣетъ смуту... Сегодня — счастливѣйшій день моей жизни". — „Бѣлый флагъ... символъ трусости и слабости"... — отзывалось со своей стороны „Освобожденіе". „Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавіе и оно рухнетъ"...

На почти забытомъ страною театрѣ военныхъ дѣйствій за это время происходили большія событія. Еще въ концѣ декабря трехмѣсячное затишье на фронтѣ было нарушено смѣлымъ набѣгомъ большого русскаго кавалерійскаго отряда, подъ командой ген. А. В. Мищенко, въ обходъ лѣваго крыла японцевъ, на 150 верстъ въ непріятельскій тылъ, до порта Инкоу. Японцы успѣли вызвать подкрѣпленія; желѣзную дорогу въ ихъ тылу разрушить не удалось; но все же русскіе сожгли большіе японскіе склады въ Инкоу и почти безъ потерь возвратились въ началѣ января на свои позиціи.

Русское командованіе предполагало использовать мѣсяцъ, остававшійся до прибытія японской арміи ген. Ноги изъ-подъ Портъ-Артура, для нанесенія противнику рѣшительнаго удара. Арміи стояли другъ противъ друга на фронтѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ, причемъ восточное крыло обѣихъ армій растягивалось по гористой мѣстности, центръ — на Шахэ — былъ сильно укрѣпленъ, а западное крыло стояло на плоской равнинѣ рѣки Ляохэ (и ея притока Хунхэ).

12 января — когда газеты въ Петербургѣ еще не выходили — II-я манчжурская армія подъ командой ген. Гриппенберга перешла въ на-

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ.
Предс. Кн. П. Д Долгоруковъ

Депутація общественныхъ дѣятелей представлявшаяся
6 Іюня 1905 г. Государю Императору въ Петергофѣ.

ступленіе на западной равнинѣ, охватывая лѣвое крыло японцевъ. Начался бой при Сандепу — самое „спорное" сраженіе за всю войну.

Русская армія въ этотъ моментъ имѣла несомнѣнное численное превосходство. Первые удары были нанесены врагу неожиданно. И всетаки сраженіе, продолжавшееся четыре дня, при 20-ти-градусномъ морозѣ, и стоившее русскимъ около 12.000 человѣкъ, а японцамъ — 10.000, ровно ни къ какимъ результатамъ не привело.

Большинство военныхъ авторитетовъ обвиняетъ въ этомъ Куропаткина, отдавшаго приказъ объ отступленіи, когда русскіе начинали одерживать верхъ. „Куропаткинъ безъ серьезныхъ основаній отказался отъ борьбы". — „Этотъ бой былъ проигранъ главнымъ образомъ командованіемъ" — говорятъ историки этихъ боевъ *). Самъ Куропаткинъ утверждалъ, что наступленіе было поведено съ самаго начала слишкомъ медленно, и что дальнѣйшее продолженіе боя только принесло бы ненужныя потери.

Командующій II-й манчжурской арміей, ген. О. К. Гриппенбергъ, настолько былъ возмущенъ приказомъ объ отступленіи („этотъ приказъ спасъ японцевъ!" писалъ онъ впослѣдствіи въ газетахъ), что реагировалъ необычнымъ образомъ: онъ просилъ Главнокомандующаго уволить его отъ командованія арміей „по разстройству здоровья".

На телеграфный запросъ Государя, съ требованіемъ „всей правды", ген. Гриппенбергъ отвѣтилъ, что по его глубокому убѣжденію съ нынѣшнимъ Главнокомандующимъ никакая побѣда невозможна. Ген. Гриппенбергу было разрѣшено прибыть въ Петербургъ съ докладомъ. Его отъѣздъ изъ арміи вызвалъ полемику въ печати: „Новое Время" стало на сторону Куропаткина и называло отъѣздъ Гриппенберга „дезертирствомъ"; наоборотъ, извѣстный военный авторитетъ, ген. М. И. Драгомировъ, горячо защищалъ б. командующаго II-й арміей.

На мѣсто ген. Гриппенберга былъ назначенъ командующій III-й арміей ген. А. В. Каульбарсъ, котораго въ свою очередь замѣнилъ ген. Бильдерлингъ (вскорѣ замѣненный ген. Батьяновымъ).

Куропаткинъ, между тѣмъ, продолжалъ обсуждать планы перехода въ наступленіе, пока прибытіе арміи ген. Ноги изъ подъ Портъ-Артура снова не выравнило положеніе въ пользу японцевъ.

На фронтѣ (съ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ) было сосредоточено свыше шестисотъ тысячъ бойцовъ — число, не превзойденное до тѣхъ поръ въ исторіи войнъ, если не считать полулегендарныхъ сраженій древности. Въ серединѣ февраля японцы начали атаковать восточное

*) Докладъ полк. Новицкаго въ Николаевской военной академіи; комментаріи герм. главнаго штаба къ русской оффиціальной исторіи войны; и т. д.

крыло русской арміи, угрожая глубокимъ обходомъ. Русскіе, въ общемъ, успѣшно оборонялись, когда обнаружилось на противоположномъ крылѣ, на равнинѣ къ западу отъ Мукдена, быстрое наступленіе большихъ японскихъ массъ: главная опасность оказалась на правомъ крылѣ. Задерживая русскій центръ на укрѣпленныхъ позиціяхъ къ югу отъ Мукдена, японцы стремились выйти къ желѣзной дорогѣ сѣвернѣе этого города и перерѣзать русскую коммуникаціонную линію. Въ то же время, имъ удалось вбить клинъ между центромъ и лѣвымъ крыломъ русскаго фронта (между III-й и I-й арміей). Тогда ихъ усилія сосредоточились на томъ, чтобы поймать въ гигантскій „мѣшокъ" около Мукдена II-ую и III-ю арміи. Клещи, оставлявшія внѣ своего обхвата только I-ую армію въ гористой мѣстности къ востоку, — грозили сомкнуться, когда Куропаткинъ отдалъ приказъ объ отступленіи.

Въ своихъ „Итогахъ войны", Главнокомандующій писалъ: „Отступи мы отъ Ляояна днемъ позже, Ляоянъ могъ обратиться для насъ въ Мукденъ; отступи мы отъ Мукдена днемъ раньше, Мукденъ могъ обратиться для насъ въ Ляоянъ"...

Отступленіе отъ Мукдена дѣйствительно прошло менѣе благополучно: правда, основныя массы II-й и III-й армій ушли во-время изъ японскихъ клещей, и когда кольцо сомкнулось, русскихъ войскъ внутри не оказалось. Но потери были очень велики; около 30.000 человѣкъ было взято въ плѣнъ; а II-я и III-я арміи были настолько разстроены боемъ, что пришлось отвести ихъ не до Тѣлина, какъ предполагалось раньше, а еще на нѣсколько десятковъ верстъ сѣвернѣе. Отступленіе прикрывала менѣе пострадавшая I-я армія ген. Линевича. Впрочемъ японцы, истощенные боемъ, почти не преслѣдовали.

Мукденскій бой былъ несомнѣннымъ пораженіемъ русской арміи. Она потеряла — по свѣдѣніямъ главнаго штаба — 89.500 человѣкъ (включая плѣнныхъ) — свыше четверти своего состава; японцы (по тѣмъ же свѣдѣніямъ) потеряли 67.500 человѣкъ *). Ей пришлось отступить почти на полтораста верстъ. Тѣмъ не менѣе, Мукденъ не былъ ни Седаномъ, ни Ватерлоо; русская армія осталась и послѣ него грозной боевой силой, а японцы были сильно истощены, несмотря на побѣду. Они въ послѣдній разъ воспользовались преимуществомъ своей болѣе ранней готовности — и все же не добились рѣшающаго результата. Разговоры о Мукденѣ, какъ о небываломъ и позорномъ раз-

*) По японскимъ свѣдѣніямъ, всего 41.000; установлено, однако, что японцы сознательно и систематически преуменьшали свои потери.

громѣ, объяснялись политическими соображеніями — желаніемъ доказать негодность русской власти.

25 февраля японцы заняли Мукденъ. 5 марта былъ опубликованъ приказъ Государя объ увольненіи Куропаткина съ поста Главнокомандующаго и о назначеніи на его мѣсто ген. Линевича. Куропаткинъ проявилъ большое смиреніе и самоотверженность: онъ просилъ разрѣшить ему остаться въ арміи, хотя бы на самомъ скромномъ посту. Государь назначилъ его командующимъ І-й арміей: Куропаткинъ и Линевичъ помѣнялись мѣстами.

„Солдаты до послѣдней минуты боготворили Куропаткина“ — писало „Новое Время“. Дѣйствительно, б. Главнокомандующій очень заботился о солдатѣ; армія была при немъ всегда сыта, одѣта, обута, но — „все было сдѣлано для тѣла солдата и ничего для души“, писалъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ П. Н. Красновъ: у Куропаткина не было „Божіей искры“ полководца, хотя его теорія отступленія по образцу 12-го года и была, какъ показали событія, во многомъ правильной.

Исходъ Мукденскаго боя былъ воспринятъ русскимъ обществомъ, какъ естественное слѣдствіе всего хода событій: удивилъ бы обратный результатъ. Толки о мирѣ начались и на страницахъ легальной печати, не исключая „Новаго Времени“.

Указомъ 12 декабря былъ намѣченъ рядъ реформъ — новый законъ о печати, расширеніе правъ „національныхъ меньшинствъ“ въ культурно-просвѣтительной области, свобода вѣроисповѣданій. Разработка этого послѣдняго вопроса повела къ постановкѣ на очередь реформы русской церкви.

Церковные круги, во главѣ съ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Антоніемъ, выдвинули проектъ преобразованій для установленія большей независимости церкви отъ государства. 17 марта въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ появилась записка группы 32 столичныхъ священниковъ. „Только свободно самоуправляющаяся церковь“ — говорилось въ ней — „можетъ обладать голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Что же будетъ, если свободою религіозной жизни, исповѣдыванія и проповѣдыванія своей правды будутъ пользоваться всѣ виды большаго или меньшаго религіознаго заблужденія, всѣ религіозные общества и союзы, — и только православная церковь, хранительница подлинной Христовой истины, одна будетъ оставаться лишенною равной и одинаковой съ ними свободы?“. Записка кончалась требованіемъ созыва помѣстнаго собора русской церкви.

Оберъ-прокуроръ Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, въ это время

фактически почти устранился отъ дѣлъ, не посѣщалъ засѣданій комитета министровъ, и былъ проникнутъ мрачнымъ безнадежнымъ настроеніемъ. „Я чувствую, что обезумѣвшая толпа несетъ меня съ собою въ бездну, которую я вижу передъ собой, и спасенья нѣтъ“ — писалъ онъ Витте, съ которымъ, по старой памяти, сохранялъ хорошія отношенія. „Я не въ силахъ опровергать цѣлое міровоззрѣніе“. Самоустраненіе властнаго оберъ-прокурора облегчало дѣло сторонниковъ реформы.

Сѵнодъ, на засѣданіи 22 марта, единогласно высказался за возстановленіе патріаршества и за созывъ въ Москвѣ всероссійскаго собора для выборовъ патріарха. Сѵнодъ долженъ былъ стать совѣщательнымъ органомъ при патріархѣ, каковымъ предполагалось избрать с.-петербургскаго митрополита Антонія (Вадковскаго).

Но протесты противъ этого плана раздались не только изъ окруженія оберъ-прокурора, но и со стороны видныхъ богослововъ, убѣжденныхъ сторонниковъ возстановленія приходскаго самоуправленія. „Требуется возродить церковь. Но это возрожденіе надо провести **правильными путями**, не повторяя самовластныхъ способовъ дѣйствія 1721 г.“, писалъ М. А. Новоселовъ, и, критикуя рѣшеніе Сѵнода, добавлялъ: „Поспѣшность поистинѣ поразительная, вызывающая представленіе скорѣе о т. н. Виттовой пляскѣ, чѣмъ о серьезномъ обсужденіи святого и великаго дѣла!“.

Передъ лицомъ разногласій въ церковной средѣ, Государь 31 марта положилъ на докладѣ Сѵнода слѣдующую резолюцію :„Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“.

Это не задержало введенія начала вѣротерпимости; оно было близко Государю съ раннихъ лѣтъ, только въ этой области онъ долгое время не желалъ дѣйствовать противъ своего учителя, К. П. Побѣдоносцева, вліяніе котораго, впрочемъ, и ограничивалось гл. обр. сферой церковныхъ вопросовъ. 17 апрѣля, на Пасху, былъ изданъ указъ о вѣротерпимости, предоставлявшій всякому совершеннолѣтнему русскому подданному право исповѣдывать любое христіанское вѣроученіе, отдававшій старообрядцамъ и сектантамъ ихъ молитвенные дома, и отмѣнявшій всѣ прошлые законы, противорѣчащіе этимъ

началамъ. На основаніи этого указа, сразу же вернулись къ уніатству десятки тысячъ крестьянъ въ Западномъ краѣ, только формально числившихся православными.

Между тѣмъ, 2-я тихоокеанская эскадра свыше двухъ мѣсяцевъ стояла въ береговыхъ водахъ Мадагаскара. Въ морскихъ кругахъ сознавали, что она слабѣе японской; газетная кампанія (въ которой наиболѣе видное участіе принималъ капитанъ Н. Л. Кладо), побудила снарядить 3-ю эскадру, состоявшую изъ стараго броненосца „Николай I", еще болѣе стараго бронированнаго крейсера „Владиміръ Мономахъ" и трехъ броненосцевъ береговой обороны, приспособленныхъ для плаванія въ Балтійскомъ морѣ. Адм. Рожественскій считалъ эти подкрѣпленія сомнительными, особенно въ виду малой скорости ихъ хода; но такъ какъ и въ его эскадрѣ было два-три не болѣе быстрыхъ судна, онъ не могъ убѣдительно возражать противъ ихъ отправки. 2 февраля 3-я эскадра вышла изъ Либавы подъ командой адм. Небогатова.

Дальнѣйшее движеніе русской эскадры на Дальній Востокъ представлялось огромнымъ рискомъ. Но ея отозваніе въ Балтійское море было бы всѣми понято, какъ отказъ отъ борьбы. Ни Государь, ни морской штабъ, ни самъ адм. З. П. Рожественскій не взяли на себя иниціативу этого шага. „Хотѣлось вѣрить въ чудо": эскадра обратно отозвана не была, и продолжала свой путь послѣ долгой стоянки у Мадагаскара. Въ первыхъ числахъ марта она „пропала безъ вѣсти". 28 марта телеграфъ сообщилъ неожиданную вѣсть: эскадра Рожественскаго въ полномъ составѣ проходитъ Малаккскій проливъ.

Это произвело большое впечатлѣніе — и заграницей, гдѣ въ особенности англичане по достоинству оцѣнили всѣ трудности блестяще совершеннаго перехода — и даже въ Россіи, гдѣ общее вниманіе было занято въ ту пору всевозможными проектами конституцій и избирательныхъ законовъ. На биржѣ сильно понизились курсы японскихъ бумагъ. „О, если бы Богъ даровалъ ей побѣду! — писалъ А. С. Суворинъ въ „Новомъ Времени" — „какъ бы Русь воспрянула, какъ отлетѣлъ бы отъ нея весь дымъ и чадъ, все это удушье, безтолковщина и безначалье"... Лѣвые круги встревожились: возможность русской побѣды нарушала всѣ ихъ представленія и расчеты.

Но это улучшеніе было обманчивымъ, такъ какъ основывалось на несбыточной надеждѣ побѣды 2-й эскадры. И количественно, и въ особенности качественно она была много слабѣе японскаго флота; лишенная базы, она была стѣснена въ свободѣ движеній; и къ тому

же самъ ея командующій не вѣрилъ въ успѣхъ. Надо, впрочемъ, сказать, что не только въ Россіи, но и заграницей многіе считали русскую побѣду возможной. Бюловъ писалъ объ этомъ Вильгельму II; президентъ Рузвельтъ считалъ, что „русская эскадра матеріально сильнѣе", и только расчитывалъ на духъ и боевую подготовку японскаго флота.

Около мѣсяца эскадра крейсировала у береговъ Индо-Китая. Французское правительство, не желая ссоры съ Англіей, требовало ея ухода; но мѣстныя морскія власти проявляли къ русскому флоту искреннюю союзническую предупредительность. 26 апрѣля, въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ 3-я эскадра присоединилась къ 2-ой. Въ этотъ день адм. Рожественскій издалъ приказъ по флоту: „Японцы безпредѣльно преданы Престолу и родинѣ, не сносятъ безчестья и умираютъ героями. Но и мы клялись передъ престоломъ Всевышняго. Господь укрѣпилъ духъ нашъ, помогъ одолѣть тяготы похода, доселѣ безпримѣрнаго. Господь укрѣпитъ и десницу нашу, благословитъ исполнить завѣтъ Государевъ, и кровью смыть горькій стыдъ Родины".

Русскій флотъ, направлявшійся въ единственный свой портъ — Владивостокъ (гдѣ еще стояло два крейсера и чинился третій), могъ выбрать болѣе долгій путь по Тихому океану или болѣе короткій — между материкомъ и Японіей — черезъ Корейскій проливъ. Адм. Рожественскій выбралъ второй путь. При обиліи и быстротѣ японскихъ развѣдочныхъ судовъ, все равно, почти не было шансовъ пройти незамѣченными.

14 мая русская эскадра вошла въ Корейскій (или Цусимскій) проливъ. Японцы въ туманѣ чуть ее не пропустили; ихъ развѣдчики наткнулись только на послѣднія русскія суда. Адмиралъ Того тотчасъ вышелъ наперерѣзъ русской эскадрѣ. Онъ отдалъ приказъ: „Отъ этого боя зависитъ все будущее Японіи". На этотъ разъ японцы не стремились беречь свои суда: даже если бы они одержали верхъ дорогой цѣной, — никакая новая эскадра еще нѣсколько лѣтъ не могла больше выйти изъ русскихъ гаваней.

Какъ только завязался бой, сразу сказалось превосходство японскаго флота. Меньше чѣмъ черезъ часъ затонулъ первый русскій броненосецъ „Ослябя". Эскадры сходились и расходились; бой тянулся до темноты; но къ ночи, послѣ геройскаго сопротивленія, погибли еще три (изъ четырехъ) новыхъ броненосцевъ *); два изъ нихъ — со всѣмъ экипажемъ. Адм. Рожественскій былъ тяжело раненъ осколкомъ снаряда и перевезенъ съ „Князя Суворова" на миноносецъ.

Ночью отъ минныхъ атакъ погибло еще нѣсколько русскихъ су-

*) „Князь Суворовъ", „Бородино", „Императоръ Александръ III".

довъ. На зарѣ 15 мая, отъ эскадры оставались лишь остатки. Отдѣльные корабли — „Свѣтлана“, „Адм. Ушаковъ“ — гибли одинъ за другимъ въ неравныхъ поединкахъ. Миноносецъ „Бѣдовый“, на которомъ находился раненый адм. Рожественскій, сдался. Послѣдняя группа судовъ — два эскадренныхъ броненосца, два броненосца береговой обороны — была окружена превосходными силами врага, и адм. Небогатовъ — по его словамъ, изъ желанія „спасти двѣ тысячи молодыхъ жизней“ — сдался японцамъ съ четырьмя судами.

Владивостока достигли только небольшой крейсеръ „Алмазъ“ и два миноносца; быстроходный „Изумрудъ“ разбился о камни къ сѣверу отъ Владивостока, а три другихъ крейсера, подъ командой адм. Энквиста, повернули на югъ и укрылись въ Манилѣ на Филипинскихъ островахъ. Флотъ былъ уничтоженъ цѣликомъ, тогда какъ японцы потеряли всего нѣсколько миноносцевъ. Русскіе моряки показали въ этомъ безнадежномъ бою большое геройство, но перевѣсъ противника оказался слишкомъ великъ.

Цусимскій бой произвелъ во всемъ мірѣ еще много болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ взятіе Портъ-Артура. Опредѣленностью своего результата, онъ создалъ представленіе о полномъ торжествѣ Японіи въ этой войнѣ. Между тѣмъ японцы имѣли преобладаніе на морѣ съ самаго начала, а послѣ боевъ 28 іюля и 1 августа ихъ господство въ водахъ Дальняго Востока было безраздѣльнымъ. Для исхода борьбы на манчжурскомъ фронтѣ ничего, такимъ образомъ, не измѣнилось.

Русское общество приняло вѣсти о Цусимѣ съ почти нескрываемымъ злорадствомъ. Оно, въ своемъ большинствѣ, уже привыкло разсматривать всѣ событія на войнѣ съ одной точки зрѣнія — поднимаютъ они или роняютъ престижъ правительства? Оно даже и власти приписывало такія же воззрѣнія: „Война уже давно ведется только потому, что побѣда нужна, отчаянно нужна **для спасенія самодержавія...** Вотъ съ какой миссіей шелъ на уничтоженіе флотъ Рожественскаго, вотъ ради чего сражается и идетъ навстрѣчу пораженіямъ (?) армія Линевича!!“, писало „Освобожденіе“.

Въ то время, какъ для Государя на первомъ планѣ была національная задача — доведеніе до успѣшнаго конца исторической борьбы — а т. н. освободительное движеніе представлялось Ему въ данный моментъ прежде всего **помѣхой** въ этомъ насущномъ **дѣлѣ** — русское общество, въ своемъ огромномъ большинствѣ, было всецѣло увлечено борьбой противъ власти во имя коренныхъ преобразованій всего строя.

Къ этому времени политическое возбужденіе охватило самые разнообразные круги. Появилось „Христіанское Братство Борьбы", съ религіозной точки зрѣнія освящавшее и оправдывавшее революцію: „мы ведемъ борьбу" — говорилось въ его воззваніи — „съ самымъ безбожнымъ проявленіемъ свѣтской власти — съ самодержавіемъ".

Тѣ „декадентскіе" круги, которые въ предвоенные годы оставались въ сторонѣ отъ политики и даже порою ѣдко осуждали интеллигентскую узость, теперь прониклись мистической вѣрой въ революціонную стихію, и „Новый Путь" сталъ помѣщать все болѣе рѣзкія политическія статьи. Поэтъ Вячеславъ Ивановъ въ стихахъ о Цусимѣ восклицалъ: „Огнемъ крестися, Русь! Въ огнѣ перегори... Въ рукѣ твоихъ вождей сокрушены кормила. — Се, въ небѣ кормчіе ведутъ тебя цари"...

Изъ цѣлаго ряда организацій „свободныхъ профессій" сложился Союзъ Союзовъ *), составившій какъ бы лѣвое крыло открытаго освободительнаго движенія. Однимъ изъ его главныхъ руководителей былъ проф. П. Н. Милюковъ, участникъ парижской конференціи 1904 г. (къ тому времени болѣе извѣстный въ качествѣ русскаго историка).

На земскомъ съѣздѣ, происходившемъ еще въ апрѣлѣ — побѣду опять одержало его лѣвое крыло, высказавшееся за всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право. Рѣшенія съѣздовъ предварительно обсуждались на особыхъ засѣданіяхъ земцевъ-конституціоналистовъ и затѣмъ уже проводились отъ имени всего земства.

Протесты отдѣльныхъ группъ правыхъ земцевъ (какъ заявленіе 20 московскихъ губернскихъ гласныхъ о „нежелательной партійности, выразившейся въ петербургскомъ частномъ совѣщаніи, слывущемъ повсюду подъ громкимъ, но не соотвѣтствующимъ истинѣ названіемъ общеземскаго съѣзда") проходили почти незамѣченными. Конечно, эти съѣзды не были правильно организованнымъ представительствомъ земства: но нельзя отрицать, что за весь періодъ наростанія революціонной волны эти „иниціативныя группы" не встрѣчали въ земской средѣ сколько-нибудь замѣтнаго сопротивленія, и въ общемъ выражали ея настроенія, хотя и придавая имъ болѣе радикальный уклонъ.

*) Всероссійскій Союзъ Союзовъ организовался въ началѣ мая. Составъ его мѣнялся. Первоначально въ него входили 14 союзовъ: писателей, инженеровъ, профессоровъ, преподавателей среднихъ школъ, низшихъ школъ, земцевъ, городскихъ гласныхъ, музыкантовъ, художниковъ, артистовъ, конторщиковъ, бухгалтеровъ, чиновниковъ, — и „всероссійскій крестьянскій союзъ". Все это были, по большей части, не организаціи цѣлыхъ профессіональныхъ слоевъ, а только „иниціативныя группы".

Умѣренные круги начали организовываться позже, и т. н. „шиповская группа“ такъ и осталась только меньшинствомъ на земскихъ съѣздахъ.

Вѣсти о Цусимѣ поразили Государя, до послѣдней минуты вѣрившаго въ успѣхъ. „На душѣ тяжело, больно, грустно“ — записалъ Онъ 18 мая. Пораженіе флота снова ставило на очередь вопросъ — возможно-ли продолжать войну? Въ этомъ начинали сомнѣваться въ ближайшемъ окруженіи Государя.

Заграницей Цусимскій бой вызвалъ извѣстный поворотъ настроенія. Америка почувствовала, что торжество Японіи на морѣ начинаетъ угрожать и ея интересамъ. Германскій императоръ, на основаніи тревожныхъ донесеній изъ Петербурга, рѣшилъ, что для русской монархіи, и даже для жизни самого Государя, возникаетъ серьезная опасность.

Въ письмѣ отъ 21 мая (3 іюня), Вильгельмъ II писалъ Государю: пораженіе флота „отнимаетъ всякую надежду на то, чтобы счастье повернулось въ твою сторону“. Война уже давно непопулярна. „Совмѣстимо-ли съ отвѣтственностью правителя упорствовать, и противъ ясно выраженной воли націи продолжать посылать ея сыновъ на смерть только ради своего личнаго дѣла, только потому, что онъ такъ понимаетъ національную честь. . . Національная честь сама по себѣ вещь прекрасная, но только если вся нація сама рѣшила ее защищать“... И Вильгельмъ II совѣтовалъ пойти на миръ.

Въ тотъ же день Вильгельмъ II вызвалъ американскаго посла Тоуэра и заявилъ ему: „положеніе въ Россіи настолько серьезно, что когда истина о послѣднемъ пораженіи станетъ извѣстна въ Петербургѣ, жизнь Царя подвергнется опасности и произойдутъ серьезные безпорядки“. Онъ просилъ поэтому президента Рузвельта, черезъ американскаго посла въ Петербургѣ, предложить Россіи свое посредничество.

Рузвельтъ 23 мая телеграфировалъ послу Мейеру, чтобы тотъ повидалъ самого Государя. Мейеръ 25 мая, около 2 ч. дня явился въ Царскосельскій дворецъ. Это былъ день рожденія Государыни, и посолъ, не желая нарушать семейнаго торжества, вошелъ черезъ боковой входъ и просилъ Государя объ экстренной аудіенціи. Государь согласился принять посла, несмотря на неурочную обстановку.

Мейеръ прочелъ инструкціи Рузвельта и произнесъ цѣлую рѣчь о необходимости скорѣйшаго заключенія мира. Государь почти все время молчалъ; только на одинъ изъ доводовъ посла — о томъ, что миръ легче заключить, пока нога непріятеля еще нигдѣ не ступила на

русскую землю — Онъ откликнулся сочувственно. Государь въ концѣ аудіенціи изъявилъ согласіе на переговоры, но только при условіи такого же предварительнаго согласія со стороны Японіи; никоимъ образомъ не должно было создаться представленіе, будто Россія проситъ мира. Посолъ, въ телеграммѣ Рузвельту, писалъ, что самообладаніе Государя произвело на него сильное впечатлѣніе.

Въ тотъ же день 25 мая состоялось подъ предсѣдательствомъ Государя военное совѣщаніе; въ немъ участвовали Великіе Князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи, военный министръ Сахаровъ, морской министръ Авеланъ, министръ Двора бар. Фредериксъ, командующій войсками Приамурскаго округа ген. Гродековъ, генералы Гриппенбергъ, Роопъ и Лобко (государственный контролеръ), адмиралы Дубасовъ и Алексѣевъ.

Государь поставилъ совѣщанію конкретные вопросы: 1) можно ли безъ флота отстоять Камчатку, Сахалинъ и устье Амура? 2) какое значеніе для исхода войны на этихъ отдаленныхъ участкахъ имѣла бы русская побѣда въ Манчжуріи? 3) слѣдуетъ ли приступить къ переговорамъ — хотя бы для того, чтобы узнать, каковы требованія Японіи?

За миръ наиболѣе опредѣленно высказались В. К. Владиміръ Александровичъ и адм. Алексѣевъ, бывшій намѣстникъ, настроенный чрезвычайно мрачно („духъ въ арміи подорванъ", говорилъ онъ). Ген. Гриппенбергъ только вспомнилъ свою старую обиду („Ваше Величество, подъ Сандепу побѣда была наша, только Главнокомандующій"...). Всѣ сходились на томъ, что Сахалинъ и Камчатку безъ флота защитить не удастся.

Первымъ противъ мира, основаннаго на пораженіи, выступилъ адм. Ф. В. Дубасовъ. Въ началѣ января онъ еще высказывался за прекращеніе войны *), теперь онъ говорилъ, что Россія не должна кончать войну на Мукденѣ и Цусимѣ. Послѣ энергичной рѣчи адм. Дубасова, противъ мира высказались ген. Сахаровъ и бар. Фредериксъ, а также ген. Роопъ, добавившій, однако, что для продолженія войны желательно созвать Земскій Соборъ.

*) Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Echo de Paris" (2 января) адм. Дубасовъ говорилъ, что послѣ взятія Портъ-Артура адм. Рожественскій едва ли можетъ расчитывать на побѣду. „Не задумываясь скажу, что мы идемъ къ близкому миру; мы оставимъ японцамъ Портъ-Артуръ и ту часть Манчжуріи, которую они занимаютъ". — „Россія создастъ себѣ сильный и неуязвимый флотъ, — заключалъ адмиралъ, — вотъ тогда мы сыграемъ вторую половину партіи, но имѣя на этотъ разъ всѣ козыри въ рукахъ".

Никакого рѣшенія принято не было; вопросъ о продолженіи войны остался открытымъ; Государь согласился на переговоры — хотя бы для того, чтобы узнать условія Японіи.

Рузвельтъ послѣ этого — нотой 26 мая, обращенной одновременно къ Россіи и Японіи — предложилъ „въ интересахъ человѣчества" сойтись для переговоровъ, чтобы положить предѣлъ „ужасающей и прискорбной борьбѣ". Японія 28 мая изъявила согласіе на переговоры; 29 мая предложеніе Рузвельта было опубликовано. Послѣ недолгаго спора о мѣстѣ созыва мирной конференціи, было рѣшено созвать ее въ Вашингтонѣ *).

Въ эти самые дни конфликтъ изъ-за Марокко между Германіей и Франціей едва не привелъ къ войнѣ. Но французскій Совѣтъ Министровъ предпочелъ отступить. Делькассэ подалъ въ отставку (24 мая); замѣнившій его премьеръ Рувье согласился на созывъ международной конференціи въ Алжезирасѣ для обсужденія марокскаго вопроса.

Если адм. Ф. В. Дубасовъ возмущался мыслью о томъ, что Россія можетъ кончить войну „на Мукденѣ и Цусимѣ", то широкіе круги русскаго общества **именно этого** и желали. Даже тѣ, кто не радовался пораженіямъ, считали, что изъ нихъ слѣдуетъ „извлечь пользу" для освободительнаго движенія. Требованія прекращенія войны стали открыто раздаваться вездѣ; и всѣ, кто пытались протестовать противъ мира, подвергались озлобленнымъ нападкамъ или осмѣянію.

Большое гражданское мужество проявилъ въ эти дни ген. А. Н. Куропаткинъ. Узнавъ, что въ общественныхъ кругахъ Москвы раздаются требованія прекращенія войны, онъ телеграфировалъ московскому предводителю дворянства кн. П. Н. Трубецкому: „Если москвичи не чувствуютъ себя въ силахъ послать намъ на помощь для скорѣйшаго одолѣнія врага своихъ лучшихъ сыновъ, то пусть они по крайней мѣрѣ не мѣшаютъ намъ исполнять свой долгъ на поляхъ Манчжуріи **до побѣднаго конца**".

„Низкое холопство", „гнусная продѣлка", „такимъ явно лживымъ лакейскимъ заявленіемъ Куропаткинъ окончательно погубилъ себя въ глазахъ земской Россіи" — восклицало „Освобожденіе". Заподазрѣвать искренность Куропаткина нѣтъ, конечно, никакихъ основаній: въ тѣ же самые дни (26 мая) онъ писалъ Витте: „Даже теперь, послѣ уничтоженія эскадры Рожественскаго, Россіи надо продолжать борьбу, и побѣда (японцевъ) на морѣ не должна насъ особенно тревожить,

*) Въ виду сильной лѣтней жары, конференція была перенесена въ болѣе сѣверный приморскій курортъ Портсмутъ.

ибо японцы и до сихъ поръ хозяйничали на морѣ... Но на сушѣ мы стоимъ тверже, чѣмъ стояли когда либо и имѣемъ много шансовъ выйти побѣдителями при новомъ кровопролитномъ столкновеніи... Японцы напрягли крайнія усилія... Они дошли до кульминаціоннаго пункта. Мы же еще только входимъ въ силу". Куропаткинъ писалъ, что съ великой радостью встрѣтилъ бы вѣсти о новомъ боѣ, такъ какъ вѣритъ въ успѣхъ русскаго оружія. „И неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть въ интеллигенцію Россіи чувство патріотизма?.. Пусть по крайней мѣрѣ не мѣшаютъ намъ продолжать и съ почетомъ окончить... трудное дѣло борьбы съ Японіей".

Витте на это отвѣчалъ (23 іюня) совершенно въ иномъ тонѣ: „Нужно пожертвовать всѣми нашими успѣхами, достигнутыми за послѣднія десятилѣтія... Мы не будемъ играть міровой роли — ну, съ этимъ нужно помириться". „Слѣдуетъ помнить — (писалъ около того же времени П. Н. Милюковъ) — что по необходимости наша любовь къ родинѣ принимаетъ иногда неожиданныя формы, и что ея кажущееся отсутствіе на самомъ дѣлѣ является у насъ наивысшимъ проявленіемъ подлиннаго патріотическаго чувства" *).

Куропаткинъ, однако, не былъ одинокъ въ своемъ мнѣніи о возможности русской побѣды. Такъ же оцѣнивали положеніе и многіе иностранные военные спеціалисты. „Японцы — писалъ въ началѣ іюня полк. Гэдке въ „Berliner Tageblatt" — достигли предѣла своихъ силъ. Они никогда не добьются лучшихъ условій мира, чѣмъ сейчасъ... Безъ нужды, побѣдоносная армія не проводитъ въ полной бездѣятельности цѣлыхъ три мѣсяца". И это убѣжденіе крѣпло по мѣрѣ того, какъ шли четвертый, пятый, шестой мѣсяцъ, а японская армія такъ и не сдвинулась съ позицій, занятыхъ ею послѣ Мукдена. Сибирская дорога пропускала уже до 18—20 поѣздовъ въ день. Постройка Кругобайкальской дороги была закончена. Подкрѣпленія ровнымъ потокомъ притекали изъ Россіи въ Манчжурію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Цусимскаго боя въ Москвѣ состоялись съѣзды Союза Союзовъ **) и земскихъ дѣятелей. Сначала собрались отдѣльно умѣренные (шиповцы) и конституціоналисты, но 24 мая обѣ земскія группы рѣшили устроить совмѣстный съѣздъ. Мнѣнія на немъ сталкивались порою довольно рѣзко. Умѣренные говорили,

*) Предисловіе къ книгѣ „Russia and its crisis", New York, 1905.

**) Союзъ Союзовъ въ своемъ воззваніи 25 мая прямо заявлялъ: „Всѣми силами, всѣми мѣрами добивайтесь немедленнаго устраненія захватившей власть(!) разбойничьей шайки, и поставьте на ея мѣсто Учредительное Собраніе".

что „недопустимо обнаруживать во время войны конфликтъ правительства съ народомъ", что „народъ не приметъ позорнаго мира"; послѣ бурныхъ преній было рѣшено обратиться съ адресомъ къ Государю и отправить къ Нему депутацію. Адресъ былъ принятъ въ редакціи, составленной кн. С. Н. Трубецкимъ: лѣвые, хотя ихъ было больше, желали добиться единогласія. „Сойдемся на этомъ блѣдномъ адресѣ", говорилъ кн. П. Д. Долгоруковъ. Крайнее лѣвое крыло съѣзда, опасаясь, что посылка депутаціи приведетъ къ примиренію съ властью, предложило — ѣхать къ Государю **всѣмъ съѣздомъ**. Однако, большинствомъ 104 противъ 90 съѣздъ высказался за посылку нормальной депутаціи. Было избрано 12 человѣкъ *), къ которымъ затѣмъ были присоединены авторъ адреса кн. С. Н. Трубецкой и представитель с.-петербургской думы М. П. Федоровъ.

Эта делегація была попыткой лойяльнаго обращенія къ власти; и адресъ съѣзда былъ не ультиматумомъ противнику, но и не вѣрноподданническимъ обращеніемъ, а чѣмъ то среднимъ между этими двумя противоположностями. Государь зналъ, что въ составѣ делегаціи, наряду съ людьми умѣренными, есть и непримиримые противники того строя, въ который Онъ вѣрилъ. Тѣмъ не менѣе Онъ рѣшилъ принять делегацію.

6 іюня, на фермѣ въ Петергофѣ состоялась эта историческая встрѣча — первая встрѣча русскаго Самодержца съ представителями оппозиціоннаго общества. Она прошла въ примирительныхъ тонахъ. Отъ имени делегаціи говорилъ кн. С. Н. Трубецкой. Его языкъ существенно отличался отъ тона съѣздовъ. „Мы знаемъ, Государь, — говорилъ онъ, — что Вамъ тяжелѣе насъ всѣхъ... Крамола сама по себѣ не опасна... Русскій народъ не утратилъ вѣру въ Царя и несокрушимую мощь Россіи... Но народъ смущенъ военными неудачами: народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ — и въ генералахъ, и въ совѣтчикахъ Вашихъ, и въ насъ, и въ господахъ вообще... Ненависть неумолимая и жестокая поднимается и растетъ, и она тѣмъ опаснѣе, что въ началѣ она облекается въ патріотическія формы".

Кн. Трубецкой заговорилъ затѣмъ о созывѣ народныхъ представителей. „Нужно, сказалъ онъ, чтобы всѣ Ваши подданные, равно и безъ различія, чувствовали себя гражданами русскими..., чтобы всѣ Ваши подданные, хотя бы чуждые намъ по вѣрѣ и крови, видѣли въ

*) Въ делегацію вошли (въ порядкѣ полученныхъ на съѣздѣ голосовъ): гр. П. А. Гейденъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, И. И. Петрункевичъ, Д. Н. Шиповъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, Ф. А. Головинъ, кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, Н. Н. Ковалевскій, Ю. А. Новосильцевъ, Ф. А. Родичевъ, кн. Д. И. Шаховской.

Россіи свое отечество, и въ Васъ — своего Государя. Какъ русскій Царь не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ или купцовъ, не Царь сословій, а Царь всея Руси, — такъ выборные люди отъ всего населенія должны служить не сословіямъ, а общегосударственнымъ интересамъ". „Государь, — заключилъ кн. Трубецкой, — возвращаясь къ формулѣ Святополкъ-Мирскаго, — на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи".

Государь, сочувственными кивками подчеркивавшій многія мѣста рѣчи кн. Трубецкого, привѣтливо отвѣчалъ, что Онъ не сомнѣвается въ горячей любви земскихъ людей къ родинѣ. „Я скорбѣлъ и скорблю о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя принесла Россіи война, и **которыя необходимо еще предвидѣть,** и о всѣхъ внутреннихъ нашихъ неурядицахъ. Отбросьте сомнѣнія: Моя Воля — воля Царская — созывать выборныхъ отъ народа — непреклонна. Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ. Я надѣюсь, вы будете содѣйствовать Мнѣ въ этой работѣ".

Въ адресѣ съѣзда упоминалось о необходимотси созыва народныхъ представителей для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, но ни у кого изъ делегатовъ (какъ выразился А. С. Суворинъ) „не повернулся языкъ" заговорить о прекращеніи войны, когда Государь упомянулъ о бѣдствіяхъ войны, „которыя еще необходимо предвидѣть". Казалось, общій языкъ былъ найденъ. Но на самомъ дѣлѣ, кн. С. Н. Трубецкой не выражалъ настроеній не только интеллигенціи, но даже и большинства организованныхъ земскихъ дѣятелей...

Легальная лѣвая печать вынуждена была ограничиться туманными язвительными намеками, но заграничные органы обрушились на кн. С. Н. Трубецкого. „Наборъ византійскихъ фразъ"... „въ этихъ плевелахъ словесныхъ изворотовъ трудно отыскать пшеницу" восклицалъ въ „Освобожденіи" нѣкій „старый земецъ" *).

Вскорѣ послѣ пріема 6 іюня, въ газетахъ появились первыя свѣдѣнія о проектѣ представительнаго собранія, который разрабатывался на основаніи рескрипта 18 февраля. Стало извѣстно, что рѣчь идетъ о совѣщательномъ органѣ, носящемъ названіе **Государственной Думы.** Старый терминъ „Земскій Соборъ", выдвигавшійся съ осени 1904 г., былъ оставленъ: условія слишкомъ измѣнились съ XVII вѣка для воскрешенія старыхъ формъ и старыхъ названій.

---

*) Псевдонимъ П. Н. Милюкова.

Государь принималъ въ іюнѣ и другія делегаціи — отъ Курскаго дворянскаго собранія, отъ 26 губернскихъ предводителей дворянства, отъ Союза русскихъ людей. Гр. А. А. Бобринскій и гр. Шереметевъ призывали Государя не отказываться отъ принципа сословныхъ выборовъ. Однако, по главному вопросу момента и въ заявленіи Союза русскихъ людей и въ запискѣ 26 предводителей дворянства говорилось почти то же, что въ рѣчи кн. С. Н. Трубецкого: „Государь, — писали 26 губернскихъ предводителей дворянства, — одно только можетъ утишить раздраженіе и успокоить общество — **немедленный приступъ къ созыву народныхъ представителей**".

Созывъ Государственной Думы былъ предрѣшенъ: Самъ Государь внутренне сомнѣвался въ полезности этого шага, но видя, насколько всеобщимъ становится это стремленіе, только старался обставить „опытъ" извѣстными предосторожностями, чтобы не открыть шлюзы передъ революціей.

Въ іюнѣ было нѣсколько революціонныхъ вспышекъ. Въ Лодзи, гдѣ съ начала года не прекращались забастовки и отдѣльныя убійства, 5 іюня произошло столкновеніе рабочей толпы съ войсками; убито было 12 человѣкъ. Ихъ похороны стали поводомъ для настоящаго возстанія. Польская соціалистическая партія и „бундъ" стали во главѣ движенія. Борьба на баррикадахъ, стрѣльба изъ домовъ продолжались четыре дня (съ 10 по 13 іюня). Десятки тысячъ мирныхъ гражданъ бѣжали изъ города. По неполнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, убито было свыше 150 человѣкъ, ранено около 200. Лодзинскія событія стоили больше жертвъ, чѣмъ 9 января.

Не успѣло кончиться возстаніе въ Лодзи, какъ начались рабочія волненія въ Одессѣ (12 іюня); объявлена была всеобщая забастовка; бастующіе задерживали поѣзда, высаживая изъ нихъ пассажировъ; районъ порта оказался во власти революціонной толпы.

14 іюня, на самомъ новомъ броненосцѣ Черноморскаго флота, „Потемкинъ-Таврическій", команда, подъ предлогомъ выдачи несвѣжаго мяса, возстала, звѣрски перебила большинство офицеровъ во главѣ съ командиромъ и, поднявъ красный флагъ, направила броненосецъ на Одессу, гдѣ въ то время какъ разъ происходили волненія.

15 іюня, „Потемкинъ" подъ краснымъ флагомъ появился въ одесскомъ порту. Положеніе стало угрожающимъ: тяжелыя морскія орудія могли разнести любое зданіе въ городѣ. Войска, оцѣпивъ кордономъ районъ порта, предотвратили дальнѣйшее распространеніе бунта; въ гавани, гдѣ не было власти, начались пожары и грабежи.

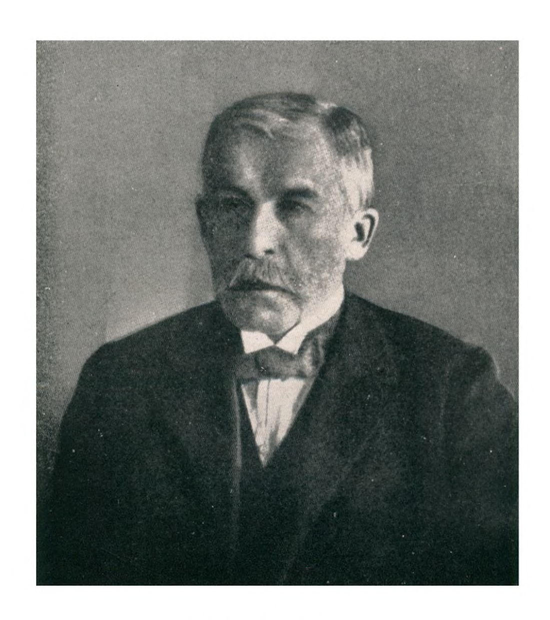
17 іюня, къ Одессѣ подошла Черноморская эскадра изъ четырехъ броненосцевъ. „Потемкинъ“, пользуясь своимъ болѣе быстрымъ ходомъ, прорѣзалъ строй эскадры, — и не только его при этомъ не обстрѣляли, но еще одинъ броненосецъ, „Георгій Побѣдоносецъ“, послѣдовалъ за нимъ. Офицеровъ — (кромѣ одного, который покончилъ съ собой) — отослали на берегъ на паровомъ катерѣ. Возникала небывалая „революціонная эскадра“, — кромѣ двухъ броненюсцевъ, въ ней состоялъ и одинъ миноносецъ.

Но уже 18 іюня среди матросовъ „Георгія“ началось отрезвленіе. Они не пошли такъ далеко, какъ потемкинцы; они не пролили крови. Имъ было легче вернуться на путь долга. Напрасно потемкинцы грозили пустить ко дну „Георгія“; его команда привела свой корабль въ Одесскій портъ и вступила въ сношенія съ военными властями. Уже 20 іюня офицеры вернулись на броненосецъ, а главные участники бунта (нѣсколько десятковъ человѣкъ) были арестованы.

„Потемкинъ“ еще странствовалъ нѣсколько дней по Черному морю, но онъ оказался на положеніи пиратскаго судна: всѣ гавани были ему закрыты. Только насиліемъ могъ онъ добывать себѣ уголь, воду и пищу. Попытка зайти въ Феодосію 22 іюня показала матросамъ безнадежность ихъ положенія: населеніе массами бѣжало за городъ, а солдаты, разсыпавшись цѣпями, обстрѣляли десантъ потемкинцевъ, вышедшій на берегъ за водой и углемъ. На одиннадцатый день съ начала бунта, 24 іюня, „Потемкинъ“ явился вторично въ румынскую гавань Констанцу; тамъ команда вышла на берегъ и сдалась румынскимъ властямъ, которыя обѣщали не выдавать ее. Раздѣливъ между собою судовую кассу, „потемкинцы“ разбрелись по Европѣ, а броненосецъ былъ возвращенъ русскимъ властямъ.

Іюньскіе бунты, при всей ихъ серьезности, въ то же время показали, что войско остается вѣрнымъ, и что мятежники, даже обладая такимъ мощнымъ орудіемъ, какъ лучшій броненосецъ черноморскаго флота, быстро „сдаютъ“ изъ-за внутренней неувѣренности въ своей правотѣ; въ этомъ отношеніи особенно характеренъ случай съ „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“.

28 іюня былъ убитъ московскій градоначальникъ гр. П. П. Шуваловъ: напоминала о себѣ боевая организація с.-р. Вообще же она находилась въ періодѣ упадка: въ концѣ февраля при случайномъ взрывѣ погибъ руководитель ея петербургской группы Швейцеръ, а въ самомъ центрѣ оказался „провокаторъ“ (Татаровъ), разстроившій цѣлый рядъ готовившихся покушеній.

П. Н. Дурново.

Генералъ Минъ.

Адмиралъ Дубасовъ.

Наряду съ революціонными вспышками происходили и инциденты „обратнаго характера". Уже кровавыя волненія въ Баку (въ февралѣ) были не выступленіемъ противъ власти, а междоусобицей татарскихъ и армянскихъ элементовъ города. 9 іюля въ Нижнемъ-Новгородѣ произошло столкновеніе революціонной демонстраціи съ толпой портовыхъ рабочихъ („крючниковъ"), которые разогнали демонстрантовъ, причемъ былъ одинъ убитый и 30—40 раненыхъ. Въ Балашовѣ (Саратовской губ.) толпа народу осадила зданіе, гдѣ собрались земцы и интеллигенція для обсужденія политическихъ резолюцій, и грозила съ ними расправиться. Губернаторъ, — П. А. Столыпинъ, — личнымъ вмѣшательствомъ успокоилъ толпу, въ своемъ объявленіи по этому поводу признавъ, что ею руководило „несомнѣнно оскорбленное, хотя и дико патріотическое чувство".

Государь слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ свое отношеніе къ такимъ „самочиннымъ" выступленіямъ противъ враговъ строя: „Революціонныя проявленія дольше не могутъ быть терпимы; вмѣстѣ съ тѣмъ не должны дозволяться самоуправныя дѣйствія толпы".

На манчжурскомъ фронтѣ продолжалось затишье. Происходили только мелкія стычки. Въ сѣверной Кореѣ вдоль берега медленно продвигался впередъ крупный японскій отрядъ, но еще и въ августѣ онъ находился въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ русской границы.

Японцы воспользовались своимъ господствомъ на морѣ и 21 іюня высадили на Сахалинѣ двѣ дивизіи. Русскихъ войскъ на островѣ было 3—4.000 человѣкъ, включая ополченіе изъ каторжанъ. Борьба была слишкомъ неравная; она растянулась почти на два мѣсяца только вслѣдствіе большихъ размѣровъ острова.

Созывъ конференціи для переговоровъ о мирѣ былъ намѣченъ на вторую половину іюля. Послѣ нѣкотораго колебанія, Государь назначилъ главнымъ русскимъ уполномоченнымъ С. Ю. Витте. Выборъ этотъ могъ показаться страннымъ ввиду почти открыто „пораженческой" позиціи бывшаго министра финансовъ. Но Государь учелъ, что Витте — человѣкъ талантливый, быстро осваивающійся съ возложенной на него ролью; кромѣ того, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ, было бы меньше нареканій, если бы разрывъ произошелъ при такомъ опредѣленномъ сторонникѣ мира, какъ Витте. Къ тому же, послѣднее слово Государь сохранялъ за собой.

Витте выѣхалъ изъ Петербурга 6 іюля. Проѣзжая черезъ Берлинъ, онъ видѣлся со своимъ другомъ, банкиромъ Мендельсономъ, и говорилъ ему, что Россіи, конечно, придется отдать Японіи Сахалинъ и

заплатить большую контрибуцію. Опасаясь сопротивленія со стороны Государя, онъ просилъ устроить такъ, чтобы германскій императоръ повліялъ на Него въ сторону уступокъ.

Государь, между тѣмъ, дѣлалъ все отъ Него зависѣвшее, чтобы **обезпечить возможность продолженія войны.** Онъ ловилъ всякое заявленіе противъ немедленнаго мира, выражалъ свое согласіе съ нимъ и свою благодарность. На телеграмму группы Оренбургскаго духовенства Онъ (18 іюля) отвѣтилъ: „Русскіе люди могутъ положиться на меня. Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго Великой Россіи мира". На телеграммѣ Хабаровской городской думы, просившей не заключать мира до побѣды, Государь начерталъ: „Всецѣло раздѣляю ваши чувства". Но Онъ въ то же время не могъ не видѣть, какъ малочисленны были эти резолюціи...

Заграничная русская печать упорно требовала немедленнаго мира. „Продолженіе войны будетъ стоить гораздо дороже той контрибуціи, о которой мы могли бы сговориться съ японцами... Государственный расчетъ предписываетъ намъ примириться съ уступкой Сахалина", писало „Освобожденіе". Ему вторила и легальная лѣвая печать, причемъ „Наша Жизнь" уже въ маѣ совѣтовала отдать японцамъ Сахалинъ, пока они его еще не заняли, а въ „Сынѣ Отечества" проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ разсуждалъ о томъ, что и Владивостокъ уступить въ сущности не болѣе позорно, нежели Портъ-Артуръ.

Только изъ арміи шли болѣе бодрыя вѣсти. Отдохнувъ, пополнившись молодыми силами, ощущая непрерывное наростаніе своей мощи, манчжурская армія была опять готова къ борьбѣ; солдатской массѣ внушали мысль, что для возвращенія домой надо разбить японцевъ — иначе придется опять отступать, а Сибирь велика, и войнѣ тогда конца не будетъ...

Государь произвелъ большія перемѣны въ руководящихъ кругахъ военнаго и морского вѣдомства: 23 іюня военный министръ ген. В. В. Сахаровъ былъ замѣненъ ген. А. Ф. Редигеромъ. 30 іюня — морской министръ адм. Авеланъ — адм. Бирилевымъ; начальникомъ генеральнаго штаба былъ назначенъ ген. Ф. Ф. Палицынъ. За лѣто были объявлены еще двѣ частныя мобилизаціи, прошедшія совершенно спокойно. Послѣ неудачи военнаго займа во Франціи, въ маѣ былъ заключенъ краткосрочный заемъ на 150 милл. въ Германіи, а 6 августа былъ выпущенъ внутренній заемъ на 200 милл. р. Золотой запасъ за первое полугодіе 1905 года еще возросъ на 41 милл. р.

7 іюля Государь послалъ Императору Вильгельму приглашеніе прибыть въ финскія шхеры. Этотъ вызовъ сильно заинтересовалъ

германскіе правящіе круги. Вильгельмъ II послѣдовалъ зову Государя, и 10—11 іюля состоялось свиданіе на рейдѣ Бьерке, на яхтѣ „Полярная звѣзда". Послѣ обмѣна мнѣніями о создавшемся международномъ положеніи, германскій Императоръ напомнилъ Государю о проектѣ русско-германскаго оборонительнаго союза, возникшемъ въ моментъ обостренія англо-русскихъ отношеній изъ-за инцидента въ Сѣверномъ морѣ, и указалъ, что съ новымъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Германіи стало гораздо легче ладить. Государь выразилъ удовлетвореніе по этому поводу, и сказалъ, что въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ заключенію договора. Вильгельмъ II тутъ же представилъ Государю свой проектъ соглашенія, и оба монарха скрѣпили его своими подписями. Желая подтвердить формальное значеніе этой бумаги, Вильгельмъ II далъ на ней расписаться своему адъютанту фонъ-Чиршки, а съ русской стороны, **не читая**, по предписанію Государя, свою подпись поставилъ морской министръ адм. Бирилевъ.

Бьеркскій договоръ устанавливалъ взаимное обязательство для Россіи и для Германіи **оказывать другъ другу поддержку въ случаѣ нападенія на нихъ въ Европѣ.** Особой статьей указывалось, что Россія предприметъ шаги для привлеченія Франціи къ этому союзу. Договоръ долженъ былъ вступить въ силу съ момента ратификаціи мирнаго договора между Россіей и Японіей. Остріе договора было явно направлено противъ Англіи.

Этотъ договоръ не стоялъ въ противорѣчіи съ франко-русскимъ союзомъ. Въ обоихъ случаяхъ рѣчь шла объ обязательствѣ оказывать поддержку **противъ нападенія.** Еще Императоръ Александръ III хотѣлъ внести въ франко-русскую военную конвенцію особую оговорку о томъ, что русскія обязательства отпадаютъ, если нападающей стороной является Франція, и французскій представитель ген. Буадеффръ въ отвѣтъ указалъ, что такое указаніе **излишне,** разъ весь договоръ носитъ **оборонительный** характеръ. (Обязательство оказывать помощь противъ **нападающей** стороны легло впослѣдствіи въ основу Локарнскаго договора и ряда другихъ). Когда поэтому Витте впослѣдствіи утверждалъ, будто Бьеркскій договоръ стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ франко-русскимъ союзомъ — это было либо проявленіемъ юридическаго невѣжества, либо намѣреннымъ искаженіемъ истины.

Разумѣется, этотъ шагъ не соотвѣтствовалъ настроеніямъ руководящихъ французскихъ круговъ; но едва ли можно было отрицать за русскимъ Царемъ право принимать мѣры для обезпеченія своего тыла, когда Франція — также на юридически безупречномъ основа-

ніи — такъ недавно вошла въ тѣсное соглашеніе съ союзницей Японіи, причемъ это безспорно отразилось и на русскихъ интересахъ во время морской войны.

Бьеркскій договоръ, какъ союзъ трехъ материковыхъ державъ противъ Англіи — вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя Государь неоднократно высказывалъ, начиная съ весны 1895 г. Но въ данный моментъ онъ имѣлъ еще одно, гораздо болѣе непосредственное значеніе. **Государь подготовлялъ возможность продолженія войны съ Японіей.** Союзный договоръ вступалъ въ силу только послѣ окончанія войны; это побуждало Германію желать пріемлемаго для Россіи мира. Но если-бы война все-таки возобновилась, то, при наличіи Бьеркскаго договора, нападеніе Германіи на Россію можно было считать исключеннымъ; Государь могъ расчитывать добиться и обязательства не нападать и на Францію, особенно послѣ перемѣнъ во французскомъ кабинетѣ.

Это открывало возможность переброски значительной части лучшихъ перволинейныхъ русскихъ военныхъ частей съ западной границы на манчжурскій фронтъ. Такая переброска, произведенная въ моментъ, когда у Японіи начинали истощаться кадры, могла сравнительно быстро рѣшить исходъ борьбы въ пользу Россіи.

Договоръ въ Бьерке былъ сохраненъ въ полной тайнѣ, — сначала даже отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ гр. Ламздорфа. Вильгельмъ II, однако, сообщилъ о немъ канцлеру Бюлову, и тотъ, считая договоръ невыгоднымъ для Германіи, неожиданно сталъ грозить своей отставкой (Бюловъ возражалъ противъ условія о помощи только „въ Европѣ“, такъ какъ считалъ, что въ случаѣ войны съ Англіей помощь Россіи должна была выразиться въ походѣ на Индію. Вильгельмъ II, со свойственной ему импульсивностью, отвѣтилъ канцлеру, что застрѣлится, если тотъ его оставитъ).

Въ началѣ іюля въ Москвѣ собрался четвертый земскій съѣздъ. На немъ впервые, въ лицѣ кн. Н. Ф. Касаткина-Ростовскаго, избраннаго курскимъ земствомъ, раздался голосъ правыхъ. Но огромное большинство съѣзда было настроено еще лѣвѣе, чѣмъ прежде. То, что было извѣстно о „Булыгинскомъ проектѣ“, не удовлетворяло конституціонные круги. Іюньскія вспышки не смутили земцевъ, а скорѣе убѣдили ихъ въ необходимости принять болѣе рѣзкій тонъ. „На реформу расчитывать нечего, говорилъ И. И. Петрункевичъ. — Мы можемъ расчитывать на себя и на народъ. Скажемъ же это народу. Не надо туманностей... Революція — фактъ. Мы должны ее отклонить отъ

кровавыхъ формъ... Итти съ петиціями надо не къ Царю, а къ народу". (Это заявленіе вызвало демонстративный уходъ со съѣзда трехъ правыхъ делегатовъ).

Съѣздъ постановилъ обратиться съ воззваніемъ къ народу, и рѣшилъ уполномочить свое бюро „въ случаѣ надобности, входить въ соглашеніе съ другими организаціями". Эта краткая формула вызвала больше всего преній, и прошла только 76-ю голосами противъ 52-хъ. Она открывала возможность соглашеній между земской организаціей и другими, открыто революціонными силами, въ первую очередь Союзомъ Союзовъ.

Государь былъ возмущенъ и встревоженъ такими рѣшеніями, принятыми черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ пріема делегаціи, — послѣ такъ лойяльно и искренне звучавшей рѣчи кн. Трубецкого. Онъ поручилъ сенатору Постовскому запросить руководителей земскихъ съѣздовъ — какъ понимать такое противорѣчіе между словами и дѣлами? Запрошенныя лица доказывали, что никакого противорѣчія нѣтъ, что обращеніе къ народу — только „новый шагъ на прежнемъ пути"; а фактически руководившая іюльскимъ съѣздомъ группа „земцевъ-конституціоналистовъ" прямо постановила: „посылка депутаціи 6 іюня не представляется актомъ земскихъ конституціоналистовъ, а актомъ коалиціоннаго съѣзда, и результатъ ея **ни въ чемъ не связываетъ насъ**".

Такимъ образомъ, когда Государь захотѣлъ снестись съ „земскими людьми", которые приходили къ Нему съ хорошими словами — вдругъ оказалось, что обращаться не къ кому. Это оставило горькій слѣдъ въ Его душѣ и создало въ Немъ убѣжденіе, что на эти круги „положиться нельзя". Между тѣмъ, сознательной неискренности тутъ не было ни съ чьей стороны: земскіе съѣзды не были организованной силой; они бывали только орудіемъ другихъ, болѣе сплоченныхъ группъ и прежде всего „Союза Освобожденія".

18 іюля въ Петергофѣ начались совѣщанія по поводу проекта Государственной Думы. Въ нихъ участвовало нѣсколько десятковъ человѣкъ — Великіе Князья, министры, наиболѣе видные члены Гос. Совѣта, нѣсколько сенаторовъ, а также извѣстный историкъ проф. В. О. Ключевскій. Предсѣдательствовалъ Государь. Когда статья была достаточно обсуждена, Государь объявлялъ, утверждаетъ ли Онъ ее или нѣтъ; это замѣняло голосованіе.

Наибольшіе споры вызвала статья, по которой проекты, отвергнутые Гос. Думой, не могли представляться на утвержденіе Государя: въ этомъ усмотрѣли ограниченіе царской власти; статья была измѣнена.

Во время преній объ избирательномъ законѣ, нѣкоторые члены совѣщанія настаивали на томъ, чтобы можно было избирать и неграмотныхъ, которые — элементъ благонадежный и говорятъ „эпическимъ языкомъ“, — на что министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, съ присущимъ ему сухимъ юморомъ, замѣтилъ: „Не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться желаніемъ выслушивать въ Думѣ эпическія рѣчи неграмотныхъ стариковъ... Они будутъ только пересказывать эпическимъ слогомъ то, что разскажутъ имъ другіе“. Требованіе грамотности для депутатовъ было сохранено.

Проектъ, обсуждавшійся въ Петергофѣ съ 19 по 26 іюля, былъ затѣмъ опубликованъ въ день Преображенія, и получилъ прозваніе „законъ 6 августа“ или „Булыгинской Думы“. Онъ устанавливалъ совѣщательное народное представительство, имѣющее право обсуждать проекты законовъ и государственную роспись, задавать вопросы правительству, и указывать на незаконныя дѣйствія властей путемъ непосредственнаго доклада своего предсѣдателя Государю. Наряду съ Думой сохранялся существующій Государственный Совѣтъ, какъ учрежденіе, имѣющее опытъ въ разработкѣ законовъ. Государь могъ издавать законы и вопреки заключеніямъ Думы и Совѣта; но обсужденіе проектовъ въ двухъ „палатахъ“ давало возможность выяснить отношеніе общества, и можно было ожидать, что безъ серьезныхъ основаній монархъ едва ли сталъ бы дѣйствовать противъ ясно выраженнаго мнѣнія выборныхъ отъ населенія.

Избирательный законъ былъ всецѣло основанъ на идеѣ лойяльности крестьянства. Всѣ крестьяне, а также землевладѣльцы, могли участвовать въ избраніи выборщиковъ, которые затѣмъ сходились для выбора депутатовъ. Въ городахъ, наоборотъ, избирательное право было очень ограниченнымъ; голосовать могли только домовладѣльцы и наиболѣе крупные плательщики квартирнаго налога. Рабочіе и интеллигенція были почти совершенно исключены.

„Привлекши безъ всякаго ценза огромную крестьянскую массу къ выборамъ въ Думу“ — писало „Освобожденіе“ — „самодержавная бюрократія признала, что народное представительство въ Россіи можетъ быть основано только на демократической основѣ“...

Законъ 6 августа не вызвалъ восторга почти ни въ комъ: большинство общества не мирилось съ совѣщательнымъ характеромъ Гос. Думы, а въ дворянскихъ кругахъ были недовольны отказомъ отъ сословнаго начала при выборахъ, и преобладаніемъ крестьянскихъ выборщиковъ. Нѣкоторые правые круги были также недовольны тѣмъ, что евреи допускались къ выборамъ на общемъ основаніи.

Государь надѣялся, что крестьянская Дума будетъ соотвѣтствовать тому истинному облику русскаго народа, въ который Онъ продолжалъ глубоко вѣрить.

Портсмутская конференція началась 27 іюля. На второмъ засѣданіи японцы представили свои условія. Они сводились къ слѣдующему: 1) признаніе японскаго преобладанія въ Кореѣ, 2) возвращеніе Манчжуріи Китаю и уводъ изъ нея русскихъ войскъ, 3) уступка Японіи Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова, 4) уступка южной вѣтки Китайской Восточной дороги (Харбинъ—Портъ-Артуръ), 5) уступка Сахалина и прилегающихъ острововъ, 6) возмѣщеніе военныхъ расходовъ Японіи (въ размѣрѣ не менѣе 1.200 милл. іенъ), 7) выдача русскихъ судовъ, укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ, 8) ограниченіе права Россіи держать флотъ на Д. Востокѣ, 9) предоставленіе японцамъ права рыбной ловли у русскаго побережья Тихаго океана. (Въ первоначальный текстъ, сообщавшійся Рузвельту, входило еще требованіе о срытіи укрѣпленій Владивостока).

Государь, давая Витте широкія полномочія, поставилъ, однако, два условія: ни гроша контрибуціи, ни пяди земли; самъ Витте считалъ, что слѣдуетъ пойти на гораздо большія уступки.

Опубликованіе японскихъ условій вызвало значительный поворотъ въ американскомъ общественномъ мнѣніи. Оказывалось, что не Россія, а Японія притязаетъ на захватъ Кореи, что Портъ-Артуръ она завоевала также для себя, а не ради „борьбы съ захватами". Президентъ Рузвельтъ, однако, считалъ японскія условія вполнѣ пріемлемыми.

Довольно быстро былъ принятъ рядъ пунктовъ: о Кореѣ (съ платонической оговоркой о правахъ корейскаго императора), о Портъ-Артурѣ (съ оговоркой — при условіи согласія на то Китая), объ эвакуаціи Манчжуріи (одновременно русскими и японскими войсками), о Китайской Восточной дорогѣ (рѣшено было, что японцы получатъ только участокъ до Куанчендзы, на 250 в. южнѣе Харбина, т. е. примѣрно до линіи, на которой остановились военныя дѣйствія). Не вызывалъ особыхъ споровъ и вопросъ о рыбной ловлѣ. Но по остальнымъ четыремъ пунктамъ русская делегація отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ.

Къ 5 августа опредѣлилось, что конференція зашла въ тупикъ. Тогда центръ дальнѣйшихъ переговоровъ былъ фактически перенесенъ изъ Портсмута въ Петергофъ.

Еще 7 августа Императоръ Вильгельмъ прислалъ Государю те-

леграмму, совѣтуя передать вопросъ о войнѣ и мирѣ на обсужденіе Государственной Думы: „Если бы она высказалась за миръ, то ты былъ бы уполномоченъ націей заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ въ Вашингтонѣ твоимъ делегатамъ... Никто въ твоей арміи, или странѣ, или въ остальномъ мірѣ не будетъ имѣть права тебя порицать... Если Дума сочтетъ предложеніе непріемлемымъ, то сама Россія чрезъ посредство Думы призываетъ тебя, своего Императора, продолжать борьбу, принимая на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія“...

Государь на это отвѣтилъ: „Ты знаешь, какъ я ненавижу кровопролитіе, но все же оно болѣе пріемлемо, нежели позорный миръ, когда вѣра въ себя, въ свое отечество была бы окончательно разбита... Я готовъ нести всю отвѣтственность самъ, потому что совѣсть моя чиста и я знаю, что большинство народа меня поддержитъ. Я вполнѣ сознаю всю громадную важность переживаемаго мною момента, но не могу дѣйствовать иначе“.

Государь вѣрилъ въ Россію и Онъ готовъ былъ продолжать войну; въ этомъ была Его сила. Онъ не считалъ, что Россія побѣждена, и, соглашаясь на мирные переговоры, всегда имѣлъ въ виду возможность ихъ разрыва. Было, однако, существенно, чтобы и въ Россіи, и заграницей отвѣтственность за разрывъ могла быть возложена на Японію. Вопросъ о контрибуціи было легко сдѣлать понятнымъ для массъ; уже въ деревняхъ — (какъ отмѣчало „Освобожденіе“) — земскіе начальники „агитировали“ такъ: „Если мы помиримся съ японцами, то они потребуютъ большую, огромную сумму, а платить будете вы. Значитъ налоги на все и подати увеличатся вдвое“... Крестьяне, „какъ одинъ человѣкъ захотѣли продолжать войну“...

Другія державы также не могли желать полученія японцами крупной контрибуціи. Финансисты, дававшіе Японіи деньги взаймы, конечно этого хотѣли; но правительства учитывали, что такая контрибуція въ значительной мѣрѣ пошла бы на увеличеніе японскихъ вооруженій. И на этотъ разъ — противъ кого?

Президентъ Рузвельтъ рѣшилъ добиться соглашенія. Онъ придумалъ компромиссъ: пусть Японія возьметъ себѣ южную половину Сахалина, а Россія уплатитъ ей значительную сумму за возвращеніе сѣверной части. Такимъ образомъ, Японія получитъ то, что ей нужно, а самолюбіе Россіи будетъ спасено.

10 августа, американскій посолъ Мейеръ снова явился къ Государю и въ двухчасовой бесѣдѣ убѣждалъ Его принять это предложеніе. Государь сказалъ, что Россія контрибуціи ни въ какой формѣ

платить не будетъ. Россія — не побѣжденная нація; она не находится въ положеніи Франціи 1870 года; если понадобится, Онъ самъ отправится на фронтъ. На доводы о возможности новыхъ утратъ, Государь отвѣтилъ: „А почему же японцы столько мѣсяцевъ на атакуютъ нашу армію?" Мейеръ указывалъ, что южная часть Сахалина была въ русскихъ рукахъ всего тридцать лѣтъ, что Россія безъ флота все равно не имѣетъ шансовъ вернуть островъ. Государь отвѣтилъ, что въ видѣ крайней уступки Онъ готовъ согласиться на отдачу южной части Сахалина, но японцы должны обязаться не укрѣплять ее, а сѣверную половину вернуть безъ всякаго вознагражденія.

Этой уступкой Государь хотѣлъ показать свою готовность пойти навстрѣчу американскому президенту; Онъ въ то же время имѣлъ подробныя свѣдѣнія о трудномъ финансовомъ положеніи Японіи, и повидимому былъ увѣренъ, что японцы никакъ не могутъ отказаться отъ контрибуціи.

То же считали и американцы. Рузвельтъ послалъ новую телеграмму Мейеру, предлагая ему указать Государю, что Россія рискуетъ потерять Владивостокъ и всю Восточную Сибирь; онъ обратился (14 августа) съ телеграммой къ Императору Вильгельму, прося его повлiять на Государя. Витте тоже считалъ, что слѣдуетъ согласиться на предложеніе Рузвельта и даже въ разговорѣ съ двумя видными журналистами (13 августа), предположительно указалъ, что Россія можетъ заплатить 200—300 милліоновъ долларовъ за возвращеніе Сѣвернаго Сахалина; на слѣдующій день онъ поспѣшилъ опровергнуть эту бесѣду: Государь оставался непреклоненъ.

На засѣданіи конференціи 16 августа, русская делегація огласила свое предложеніе. Она отказывала въ контрибуціи, соглашаясь только уплатить за содержаніе русскихъ плѣнныхъ въ Японіи; она соглашалась уступить южную часть Сахалина при условіи безвозмезднаго возвращенія сѣверной, и обязательства не возводить на островѣ укрѣпленій и гарантировать свободу плаванія по Лаперузову проливу. „Россійскіе уполномоченные имѣютъ честь заявить, по приказу своего Августѣйшаго Повелителя, что это — послѣдняя уступка, на которую Россія готова пойти съ единственной цѣлью придти къ соглашенію". Россія также отвергла выдачу судовъ, укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ и ограниченія своего флота на Д. Востокѣ.

Послѣ короткаго молчанія, главный японскій делегатъ Комура ровнымъ голосомъ сказалъ, что японское правительство, въ цѣляхъ возстановленія мира, принимаетъ эти условія!

Присутствующіе, — и въ томъ числѣ самъ Витте, — были оше

ломлены. Никто не ожидалъ, что японцы откажутся отъ контрибуціи и согласятся безвозмездно возвратить половину захваченнаго ими острова! Витте весьма быстро освоился съ положеніемъ и уже въ бесѣдѣ съ журналистами умѣло приписывалъ себѣ всю заслугу этого успѣха. Между тѣмъ, внезапное рѣшеніе японской делегаціи только показало, насколько Государь болѣе правильно оцѣнивалъ шансы сторонъ. Его готовность продолжать войну была реальной, въ то время какъ со стороны японцевъ было немало „блеффа". Японія была гораздо болѣе истощена, чѣмъ Россія. Она во много большей степени зависѣла отъ внѣшней поддержки. За годъ войны, русскій ввозъ сократился, японскій — необыкновенно возросъ. Война стоила Россіи около двухъ милліардовъ рублей, Японіи — почти столько же — около двухъ милліардовъ іенъ, но налоговое бремя въ связи съ военными расходами выросло въ Японіи на 85 проц., тогда какъ въ Россіи всего на 5 процентовъ. Изъ этого видно, какое огромное значеніе для японцевъ имѣла контрибуція и насколько имъ былъ нуженъ миръ, если они отъ нея все-таки отказались *).

Тотъ перевѣсъ въ военныхъ силахъ, который Японія имѣла въ началѣ войны, и который въ послѣдній разъ сказался послѣ взятія Портъ-Артура, былъ использованъ до конца — а русская армія разгромлена не была; она даже не отступила до Харбина, какъ въ началѣ войны предполагалъ Куропаткинъ; она стояла всего на 200—250 верстъ сѣвернѣе, чѣмъ годъ назадъ, а ея тыловыя сообщенія стали много лучше. Главнымъ „козыремъ" Японіи были внутреннія волненія въ Россіи; но быстрая ликвидація іюньскихъ вспышекъ и инциденты „обратнаго характера" показали, что нельзя съ увѣренностью расчитывать на успѣхъ русской смуты.

---

*) Извѣстный германскій экономистъ и государственный дѣятель К. Гельфферихъ пишетъ, въ своемъ изслѣдованіи о финансовой сторонѣ русско-японской войны, что къ ея окончанію русскій Гос. Банкъ могъ выпустить еще на 440 милл. бумажныхъ денегъ, такъ что Россія, безъ новыхъ займовъ и безъ пріостановки размѣна могла вести войну еще по крайней мѣрѣ полъ года; а если бы она рѣшилась, какъ въ 1854 г., какъ Франція въ 1870 г. (и какъ всѣ державы въ міровую войну) прибѣгнуть къ своему золотому запасу, его хватило бы по крайней мѣрѣ еще на годъ, тогда какъ Японія обладала въ восемь разъ меньшимъ запасомъ. „Нельзя не признать, что русскій государственный кредитъ держался удивительно хорошо въ тяжелыя времена восточно-азіатской войны и внутреннихъ потрясеній. Это не мнѣніе, о которомъ можно спорить, а безспорный фактъ, котораго не можетъ отрицать самый ослѣпленный фанатикъ... Въ области финансовой политики, у столь поносимой Россіи можно многому поучиться". (Karl Helfferich. Das Gel[illegible] im russisch-japanischen Krieg. Berlin. 1906).

При такихъ условіяхъ понятно, что японцы, поставленные передъ возможностью разрыва переговоровъ, поспѣшили схватиться за предложенную имъ половину Сахалина, и отказаться отъ всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ требованій.

Не такого мира ожидали упоенныя вѣстями о побѣдахъ японскія народныя массы. Когда условія договора были опубликованы, въ Японіи разразились сильнѣйшія волненія; города покрылись траурными флагами; на улицахъ воздвигались баррикады, жгли зданіе оффиціальной газеты „Кокуминъ"; но когда дѣло дошло до ратификаціи въ парламентѣ, — протесты смолкли: „Характеренъ же, въ самомъ дѣлѣ, фактъ, — заявилъ, защищая договоръ, японскій главнокомандующій Ояма — что послѣ цѣлаго года, побѣдоносно завершившагося для насъ „Мукденомъ", японская армія въ теченіе пяти съ половиной мѣсяцевъ не рѣшилась перейти въ наступленіе!"

Быть можетъ, если бы С. Ю. Витте былъ менѣе пессимистично настроенъ, и если бы онъ попытался оказать сопротивленіе раньше, на какомъ либо другомъ пунктѣ, приберегая его для послѣдней уступки, доказывающей „добрую волю" — можно было бы избѣжать и уступки южной половины Сахалина.

„Мало кто теперь считаетъ (писалъ въ 1925 г. американскій изслѣдователь эпохи, Т. Деннеттъ), что Японія была лишена плодовъ предстоявшихъ побѣдъ. Преобладаетъ обратное мнѣніе. Многіе полагаютъ, что Японія была истощена уже къ концу мая, и что только заключеніе мира спасло ее отъ крушенія или полнаго пораженія въ столкновеніи съ Россіей" *).

Такое же мнѣніе съ большой энергіей защищаетъ въ „Итогахъ войны" и А. Н. Куропаткинъ, едва ли лично заинтересованный въ томъ, чтобы предсказывать возможность побѣды смѣнившаго его ген. Линевича.

Для Государя внезапное согласіе японцевъ на Его условія было не менѣе неожиданнымъ, чѣмъ для участниковъ Портсмутской конференціи (съ тою разницей, что Онъ желалъ ихъ отклоненія). „Ночью пришла телеграмма отъ Витте, что переговоры о мирѣ приведены къ окончанію **). Весь день ходилъ, какъ въ дурманѣ", записалъ Онъ

*) Tyler Dennett. Roosevelt and the russo-japanese war. New York, 1925. (p. 297).

**) Телеграмма эта гласила: „Японія приняла Ваши требованія относительно мирныхъ условій и такимъ образомъ миръ будетъ возстановленъ благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ и въ точности согласно предначертаніямъ Вашего Величества. Россія остается на Дальнемъ Востокѣ великой державой, каковой она была до днесь и останется вовѣки".

17 августа. — „Сегодня только началъ осваиваться съ мыслью, что миръ будетъ заключенъ, и что это вѣроятно хорошо, потому что должно быть такъ"... отмѣчалъ Онъ на слѣдующій день.

Въ своемъ дневникѣ Великій Князь Константинъ Константиновичъ 22 августа записалъ (со словъ Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны): „Государь, посылая Витте въ Америку, былъ настолько увѣренъ въ непріемлемости нашихъ условій, что не допускалъ и возможности мира. Но когда Японія приняла наши условія, ничего не оставалось, какъ заключить миръ... Теперь, по выраженію видѣвшей Его и Императрицу Александру Федоровну Оли, они точно въ воду опущены. Наша дѣйствующая армія увеличивалась, военное счастье наконецъ могло намъ улыбнуться"...

Государь сдѣлалъ все отъ Него зависѣвшее для доведенія войны до непостыднаго конца. Внутреннія смуты въ сильной степени парализовали русскую мощь. Отказаться вообще отъ веденія переговоровъ было невозможно и по международнымъ и по внутреннимъ условіямъ. Начавъ переговоры, нельзя было отказать въ уступкѣ Портъ-Артура или Кореи (которую Россія соглашалась уступить и до войны!). Президентъ Рузвельтъ, Императоръ Вильгельмъ, русскій уполномоченный Витте — всѣ требовали дальнѣйшихъ уступокъ, и только Государь своей твердостью предотвратилъ худшія условія мира.

Россія войну не выиграла; но не все было потеряно: Японія ощутила мощь Россіи въ тотъ самый моментъ, когда она уже готовилась пожать плоды своихъ успѣховъ. Россія осталась великой азіатской державой, чего бы не было, если бы она, для избѣжанія войны, малодушно отступила въ 1903 г. передъ японскими домогательствами. Принесенныя жертвы не были напрасными.

Еще долгіе годы Японія — обезсиленная борьбой въ гораздо большей степени нежели Россія, — не могла возобновить свое поступательное движеніе въ Азіи: для этого понадобились революція въ Китаѣ, міровая война, и русская революція...

Къ послѣднимъ мѣсяцамъ войны, когда Государю приходилось одновременно вести борьбу и противъ внѣшнихъ, и противъ внутреннихъ враговъ, вполнѣ примѣнимы слова Посошкова, сказанныя два вѣка ранѣе о другомъ Царѣ, который вошелъ въ исторію съ именемъ Великаго, хотя и ему не удалось достигнуть всѣхъ поставленныхъ имъ цѣлей: „Великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ: то како дѣло его споро будетъ?".

Императоръ Николай II, хотя и „милліоны подъ гору тянули“, „успѣлъ“ закончить войну такъ, что Россія осталась въ Азіи великой державой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ростъ волненій послѣ заключенія мира. — Надежды на Витте. — Митинги въ университетахъ. — Осложненія съ Бьеркскимъ договоромъ.

Всеобщая забастовка. — Условія Витте. — Остановка жизни; растущее недовольство забастовкой; народные протесты въ Москвѣ, Твери. — Общее требованіе уступокъ при дворѣ. — Манифестъ 17 октября и назначеніе Витте. — Революціонныя манифестаціи и отвѣтная волна „погромовъ": Кіевъ, Одесса, Нѣжинъ, Томскъ и т. д. — Бездѣйствіе центральной власти. — Революція на окраинахъ. — Военные бунты (Кронштадтъ, Владивостокъ). — Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и безцензурная печать. — Вторая всеобщая забастовка. — Безсиліе земскихъ круговъ. — Ликвидація Бьеркскаго договора.

Бунтъ въ Севастополѣ (лейт. Шмидтъ). — Почтовая забастовка; протестъ населенія. — Союзъ русскаго народа. — Самоупоеніе революціонныхъ партій. — Гвардейскіе полки въ Царскомъ Селѣ. — „Манифестъ" Совѣта Рабочихъ депутатовъ; арестъ Совѣта. — Третья всеобщая забастовка. — Московское возстаніе. Новый избирательный законъ. — Ликвидація революціи въ Сибири: отрядъ ген. Меллеръ-Закомельскаго.

Кризисъ интеллигенціи; разочарованія и сѣтованія. — Аграрный вопросъ (проектъ Кутлера). — Предсоборное присутствіе. — Законъ 20 февраля. — Заемъ во Франціи. — Выборы въ I-ю Думу. — Основные Законы 26 апрѣля 1906 г. — Отставка Витте.

Война была кончена, но страна не вздохнула облегченно хотя бы уже потому, что тяготы войны ощущались очень слабо. Россія —

(какъ отмѣчаетъ „Британская энциклопедія") — использовала свою военную мощь только на одну десятую. Частичныя мобилизаціи коснулись всего одного милліона *) призывныхъ изъ 145-милліоннаго населенія Россіи.

Условія мира не были для Россіи выигрышными, — но общество ждало много худшихъ. „Освобожденіе" прямо писало, что заключенъ „чрезвычайно льготный миръ" и объясняло это умѣряющимъ вліяніемъ Англіи. „Сынъ Отечества", еще недавно принимавшій и контрибуцію и отдачу всего Сахалина, теперь писалъ, что условія мира невыгодны, такъ какъ „бюрократія неспособна заключить выгодный миръ". „Новое Время" (25. VIII) замѣчало: „При нѣкоторой большей выдержкѣ Россія могла бы достигнуть несравненно болѣе выгодныхъ условій и во всякомъ случаѣ сохранить Сахалинъ цѣликомъ".

Въ арміи Портсмутскій договоръ произвелъ тяжелое впечатлѣніе. „Ни одна изъ испытанныхъ нами неудачъ не подѣйствовала на нашу армію такимъ вреднымъ образомъ, какъ этотъ преждевременный, ранѣе побѣды, миръ", пишетъ Куропаткинъ.

Въ общемъ, миръ не давалъ почвы ни для ликованій, ни для возмущенія, и Россія, въ водоворотѣ событій, необыкновенно быстро забыла о войнѣ.

Революціонныя партіи дѣятельно готовились къ борьбѣ; начало прибывать и оружіе изъ заграницы. 26 августа на мель около финскаго побережья у Якобстада сѣлъ пароходъ „Джонъ Графтонъ"; команда взорвала его и разсѣялась; но часть груза — 1780 ружей швейцарскаго образца, 97 ящиковъ взрывчатыхъ веществъ — попала въ руки властей. „Скверное дѣло", — помѣтилъ Государь на рапортѣ объ этой „находкѣ". „Джонъ Графтонъ" былъ едва ли единственнымъ судномъ, доставлявшимъ вооруженіе для финской и русской революціи.

Въ концѣ августа въ Закавказьѣ возникли снова кровавыя междоусобія между татарами и армянами. Въ Баку было убито и ранено свыше 300 человѣкъ. Сгорѣло болѣе двухъ третей нефтяныхъ вышекъ, нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ нефти; добыча сократилась болѣе чѣмъ вдвое; это былъ серьезный ударъ русскому народному хозяйству. Много болѣе кровавыми были событія въ небольшомъ городѣ Шушѣ, гдѣ однихъ убитыхъ насчитывали свыше шестисотъ, и сгорѣла значительная часть домовъ.

Годъ былъ неурожайный для 23 губерній. Ожидалось, что пр дется опять въ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь населе мѣстностей, постигнутыхъ недородомъ.

*) 1.012.000 человѣкъ.

Первая половина сентября была періодомъ затишья. Государь, въ первый разъ послѣ долгаго времени, провелъ двѣ недѣли въ шхерахъ со своей семьей, вдали отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ. Императрица Марія Өеодоровна уѣхала въ Данію, гдѣ доживалъ послѣдніе мѣсяцы ея престарѣлый отецъ Король Христіанъ IX.

Закономъ 27 августа была дарована широкая автономія высшимъ учебнымъ заведеніямъ: весь внутренній распорядокъ передавался въ руки коллегіи профессоровъ и выборныхъ ими ректоровъ.

На земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, 13—15 сентября, засѣдавшемъ на этотъ разъ открыто и безпрепятственно, было постановлено продолжить борьбу за расширеніе правъ народнаго представительства и за всеобщее голосованіе; но выдвигавшійся слѣва лозунгъ бойкота „Думы 6 августа" былъ отвергнутъ. Самой яркой чертой съѣзда было появленіе польскихъ делегатовъ. Послѣ іюльскаго съѣзда, бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей вошло въ соглашеніе съ польскими націоналистами; на съѣздъ была внесена резолюція о широкой автономіи Польши. Противъ этого энергично возражалъ только А. И. Гучковъ — впервые получившій извѣстность въ широкихъ кругахъ именно этимъ своимъ выступленіемъ. Съѣздъ принялъ автономію большинствомъ 172 противъ 1; но московскіе купцы отправили къ Гучкову особую делегацію, чтобы его благодарить.

15 сентября возвратился изъ Портсмута С. Ю. Витте. Всюду заграницей его шумно чествовали, приписывая сравнительно благопіятныя условія мира его дипломатическому искусству. Витте всегда умѣлъ поддерживать хорошія отношенія съ иностранной печатью и съ банковскими кругами — прочныя связи установились еще въ тѣ времена, когда онъ былъ министромъ финансовъ — и мастерская реклама неизмѣнно сопутствовала всѣмъ его выступленіямъ.

Въ Россіи также ждали отъ него много. Репутація оппозиціонности, пріобрѣтенная за послѣдніе два года, отчасти мирила съ нимъ „общественность", тогда какъ безспорныя достиженія эпохи его руководства русскими финансами создали ему славу крупнаго государственнаго человѣка. Успѣхъ въ Портсмутѣ еще укрѣпилъ и возвеличилъ эту репутацію: „Всѣ имена затмѣваетъ Витте", писалъ „Русскій Вѣстникъ". Государь милостиво встрѣтилъ русскаго уполномоченнаго и пожаловалъ ему титулъ графа. Злые языки потомъ называли его „графомъ Полусахалинскимъ"

Занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начались въ непривычныхъ условіяхъ автономіи. Начальствомъ были теперь выборные

ректоры: кн. С. Н. Трубецкой въ Москвѣ, проф. И. И. Боргманъ въ С.-Петербургѣ и т. д. Студенты безпрепятственно устраивали сходки по вопросу о томъ, можно ли начинать учиться (въ февралѣ, вѣдь рѣшено было бастовать „до учредительнаго собранія"). Революціонныя партіи, въ первую очередь с.-д., воспользовались создавшимся положеніемъ. Онѣ начали превращать студенческія сходки — въ народные митинги. Контроля не было; посторонніе свободно проникали въ университеты, предоставленные въ вѣдѣніе профессуры. На митингахъ обсуждались всѣ политическіе вопросы дня: студентамъ говорили — не захотите же вы пользоваться одни свободой собраній? Не станете же вы закрывать двери передъ народной массой? Попутно выдвигались требованія о томъ, чтобы ужъ не профессура, а студенты распоряжались въ университетахъ. Въ Петербургѣ былъ объявленъ „бойкотъ" семи профессорамъ „за реакціонное направленіе"; сходка постановила не допускать ихъ лекцій. Это вызвало протесты не только въ „Новомъ Времени", но и въ „Освобожденіи". П. Б. Струве писалъ: „Нельзя ни за кѣмъ, даже за студентами, признать права на привлеченіе къ суду за образъ мыслей... Я не желаю въ этомъ подчиняться никакому участку, все равно, чѣмъ бы онъ ни былъ украшенъ — двуглавымъ орломъ или фригійской шапкой, и ведетъ ли его зерцало свое происхожденіе отъ Петра Великаго или Карла Маркса".

Кн. С. Н. Трубецкой, сознававшій, что автономія создаетъ обязанности и передъ властью, объявилъ, что, въ случаѣ допущенія постороннихъ въ аудиторіи, Университетъ будетъ закрытъ — и дѣйствительно закрылъ его 20 сентября. „Я гарантирую вамъ свободу вашихъ собраній, сказалъ онъ студентамъ, — но какъ ректоръ, какъ профессоръ, какъ общественный дѣятель, я утверждаю, что университетъ теперь не можетъ быть общественнымъ собраніемъ". Это произвело на студентовъ нѣкоторое впечатлѣніе. Часть курсовыхъ собраній высказалось за возобновленіе занятій безъ митинговъ. Кн. С. Н. Трубецкой отправился въ С.-Петербургъ, желая убѣдить власть издать общій законъ о свободѣ собраній, чтобы отвлечь „политику" отъ университетскихъ стѣнъ. На совѣщаніи у министра народнаго просвѣщенія, 29 сентября, ему стало дурно; и въ тотъ же вечеръ онъ скончался отъ сердечнаго припадка. Тѣло кн. С. Н. Трубецкого провожали на Николаевскій вокзалъ въ Петербургѣ высшіе представители власти, и Государь прислалъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ орхидей, а въ Москвѣ — похороны перваго выборнаго ректора были использованы для революціонной демонстраціи, завершившейся рядомъ уличныхъ столкновеній съ полиціей.

Вскорѣ послѣ заключенія Портсмутскаго мира, Государь освѣдомилъ министра иностранныхъ дѣлъ о Бьеркскомъ договорѣ. Гр. Ламздорфъ былъ смущенъ его содержаніемъ; онъ указалъ, что Франція едва ли пойдетъ на такое тройственное соглашеніе и затребовалъ отъ русскаго посла въ Парижѣ, Нелидова, заключеніе о непріемлемости сближенія съ Германіей для французскихъ политическихъ круговъ. Неожиданнымъ союзникомъ гр. Ламздорфа въ этомъ вопросѣ оказался Витте, всегда проповѣдовавшій — и до и послѣ этого инцидента — именно такой союзъ „материковыхъ державъ" *).

Государь 24 сентября написалъ императору Вильгельму. „Черезъ нѣсколько дней миръ будетъ ратификованъ. Нашъ Бьеркскій договоръ долженъ былъ бы вступить въ силу... Если Франція откажется присоединиться, смыслъ ст. І-й радикально мѣняется. У меня тогда не было при себѣ всѣхъ документовъ. Наши отношенія съ Франціей исключаютъ возможность столкновенія съ ней... Если она откажется, редакція договора должна быть измѣнена".

Государь, такимъ образомъ, желалъ сохранить самый договоръ, но считалъ нужнымъ внести въ него оговорку. На какой случай? Очевидно, рѣчь шла о весьма мало вѣроятномъ въ ту эпоху „казусѣ" французскаго нападенія на Германію. Россія въ такомъ случаѣ, конечно, не обязана была поддерживать Францію; но въ то же время близкія и довѣрительныя отношенія между штабами, сложившіяся въ результатѣ военныхъ конвенцій, не позволяли ей выступить и противъ Франціи. Такъ какъ въ Бьерке рѣчь шла о союзѣ противъ Англіи, такая чисто теоретическая возможность была оставлена въ сторонѣ; но это давало противникамъ договора „зацѣпку" для критики.

Витте въ то же самое время (25 сентября) писалъ гр. Эйленбургу о своей „полной солидарности" съ Бьерке, и о томъ, что надо только „устранить нѣкоторыя препятствія".

Митинги въ университетахъ были только частью того возбужденія, которое начало нарастать со второй половины сентября. Въ Москвѣ одна за другой разыгрывались забастовки — то въ типографіяхъ, то въ пекарняхъ, то на различныхъ заводахъ. Бастующіе устраивали уличныя шествія. 22, 24 сентября были столкновенія съ полиціей. Въ С.-Петербургѣ, гдѣ стояли гвардейскіе полки, волненія не выливались

---

*) Баронъ М. А. Таубе, разбирающій этотъ вопросъ въ своей книгѣ „На пути къ великой катастрофѣ", высказываетъ правдоподобное предположеніе, что Витте этимъ хотѣлъ пріобрѣсти симпатіи В. К. Николая Николаевича, относившагося къ Бьеркскому договору опредѣленно отрицательно.

на улицу; но во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ происходили многотысячные митинги; толпы рабочихъ наполняли аудиторіи; революціонные ораторы выступали открыто, и толпы упивались доселѣ неслыханными „запретными" рѣчами.

Въ то же время, въ высшихъ правительственныхъ кругахъ шли частныя совѣщанія о созданіи объединеннаго правительства въ виду предстоящаго открытія Г. Думы. Витте на нихъ заявлялъ себя сторонникомъ конституціонной реформы и надменно громилъ всѣхъ, кто пытался ему возражать. Особенно рѣзкія столкновенія у него были съ В. Н. Коковцовымъ. Значительное большинство высшей „бюрократіи склонялось на сторону Витте. Эти настроенія на „верхахъ" быстро дѣлались извѣстными въ обществѣ, въ кругахъ Союза Освобожденія и Союза Союзовъ, и увеличивали самоувѣренность противниковъ власти. Тамъ — не хотѣли дожидаться Гос. Думы, считая, что избирательный законъ обезпечиваетъ правительству „покорное" крестьянское большинство. Лозунгъ бойкота Думы былъ весьма популяренъ среди интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что ни она, ни рабочіе не имѣли права голоса; но отказъ идти въ Думу означалъ переходъ на другіе пути борьбы. Революціонныя и оппозиціонныя партіи въ этотъ моментъ сходились на общей цѣли созыва Учредительнаго Собранія для установленія россійской конституціи, и на желательности выступить до созыва Думы, назначеннаго на середину января. Выступить — но какъ? Хотя революціонныя партіи и располагали нѣкоторымъ количествомъ оружія, вооруженное возстаніе казалось безнадежнымъ, а терроръ, какъ будто, исчерпалъ свои возможности.

При такихъ условіяхъ та коалиція партій, группъ и организацій, которая составляла т. н. освободительное движеніе, примѣнила новое орудіе борьбы, еще неиспробованное, хотя и входившее въ программу соціалистическихъ партій Запада: всеобщую политическую забастовку.

Это движеніе не имѣло „единаго командованія"; но сила его была въ томъ, что при единствѣ ближайшей цѣли, каждая составная часть была проникнута рѣшимостью: кто бы и какъ бы ни началъ — всѣ должны поддержать. Поэтому, когда движеніе началось, его размахъ и значеніе разглядѣли не сразу; но всѣ въ него „вложились" и при атмосферѣ общаго сочувствія оно быстро выросло въ грозную силу, обладавшую огромной психологической заразительностью.

Крупныя событія начались неожиданно и развернулись крайне быстро. 7 октября забастовали служащіе Московско-Казанской желѣзной дороги. На слѣдующій день стали Ярославская, Курская, Нижегородская, Рязанско-Уральская дороги. Забастовщики валили те-

леграфные столбы, чтобы остановить движеніе тамъ, гдѣ находились желающіе работать. Желѣзнодорожники, повинуясь своему руководящему центру, прекращали работу, **не предъявляя никакихъ требованій.** „Когда всѣ дороги станутъ — говорили они — тогда мы ихъ предъявимъ". 10 октября стала и Николаевская дорога: Москва была отрѣзана отъ внѣшняго міра. Движеніе останавливалось и въ провинціи. Того же 10 октября въ Москвѣ была объявлена всеобщая забастовка.

11 октября делегаты ж.-д. съѣзда явились къ Витте и предъявили ему требованія бастующихъ: 1) Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія; 2) отмѣна усиленной охраны и военнаго положенія; 3) свобода стачекъ, союзовъ и собраній; 4) 8-часовой день на желѣзныхъ дорогахъ. Витте отвѣтилъ, что Учредительное Собраніе не представляется ему желательнымъ („въ Америкѣ капиталисты скупаютъ голоса"), тогда какъ остальныя требованія — пріемлемы („военное положеніе — анахронизмъ", замѣтилъ онъ).

Рабочіе обращались къ Витте; онъ самъ говорилъ какъ бы отъ имени власти. Это объяснялось не столько оффиціальнымъ положеніемъ предсѣдателя комитета министровъ, сколько общимъ мнѣніемъ о томъ, что онъ — будущій глава правительства.

Какъ только начались забастовки, Витте поручилъ своему постоянному сотруднику Гурлянду составить программную записку. Эта записка (отъ 9 октября) разумѣется сильно отличалась отъ „Самодержавія и земства". Въ тонахъ, доходящихъ до лиризма, она прославляла „освободительное движеніе", которое то „теплится, какъ раскаленный уголь въ грудѣ золы", то „вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ". Корни его — говорилось дальше — „въ Новгородѣ, во Псковѣ, въ Запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья" (Стенька Разинъ!) и „говоря вообще, въ природѣ всякаго человѣка"... „Цѣль поставлена обществомъ, значеніе ея велико и совершенно несокрушимо, ибо въ этой цѣли есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунгъ „свобода" долженъ стать лозунгомъ правительственной дѣятельности. Другого исхода для спасенія государства нѣтъ... Ходъ историческаго прогресса неудержимъ... Выбора нѣтъ: или стать во главѣ охватившаго страну движенія, или отдать ее на растерзаніе стихійныхъ силъ. Казни и потоки крови только ускорятъ взрывъ".

Исходя изъ этихъ утвержденій, Витте предлагалъ: отмѣну всѣхъ исключительныхъ положеній; введеніе „свободъ" и равноправія всѣхъ

гражданъ; „конституцію въ смыслѣ общенія Царя съ народомъ на почвѣ раздѣленія законодательной власти, бюджетнаго права и контроля за дѣйствіями администраціи“; расширеніе избирательнаго права; автономію Польши и Грузіи, и рядъ другихъ реформъ, вплоть до „экспропріаціи частной земельной собственности“.

Передъ тѣмъ, какъ вручить эту записку Государю, Витте все же добавилъ къ ней, что есть и другой исходъ — „идти противъ теченія“; но самъ онъ за выполненіе такого плана не берется. Программа Витте въ общемъ была списана съ резолюцій двухъ послѣднихъ земскихъ съѣздовъ. Витте настаивалъ на томъ, чтобы Государь, назначая его главою объединеннаго правительства, принялъ эту программу.

Витте передалъ Государю свою записку 10 октября. Всеобщая забастовка, между тѣмъ, захватила и Петербургъ. Параличъ путей сообщенія распространялся на всю Россію. Въ Москвѣ не дѣйствовалъ водопроводъ, закрылись аптеки, не работали городскія бойни. Все новыя группы населенія бросались въ водоворотъ забастовки. Даже ученики среднихъ учебныхъ заведеній отказывались заниматься, устраивали уличныя шествія. Въ Харьковѣ уже 12 октября произошли вооруженныя столкновенія толпы съ войсками. Первая въ міровой исторіи всеобщая политическая забастовка развивалась стихійно, ускользая изъ-подъ руководства отдѣльныхъ группъ.

„Московскія Вѣдомости“ требовали военной диктатуры. На это кн. Мещерскій возражалъ, что диктатура — фактическое упраздненіе царской власти, причемъ нѣтъ гарантій, что диктаторъ самъ не подпадетъ подъ вліяніе либеральнаго напора: „Выступать противъ силы свершающейся надъ Россіей судьбы Донъ Кихотомъ было бы смѣшно“... *). — „Идея царской власти гораздо больше можетъ быть потрясена репрессіями, чѣмъ узаконеніемъ свободы“, заявляло „Новое Время“ **). А умѣренно-либеральное „Слово“ ***) призывало власть пойти навстрѣчу тѣмъ, кто „желаетъ лишь разумной свободы“: „Мы медлимъ. Мы медлили, пока накрапывалъ дождь, полагая, что тучи разойдутся; мы медлили, когда уже начинался ливень, и медлимъ теперь, подъ глухой гулъ надвигающейся бури. Уже хлынули обратно прегражденныя воды; народъ „зритъ Божій гнѣвъ“... — „Вотъ она — началась революція“, восклицалъ А. А. Столыпинъ ****).

14 октября въ послѣдній разъ вышли газеты и въ С.-Петербургѣ.

---

*) „Гражданинъ“, 10 октября.

**) „Новое Время“, 11 октября.

***) „Слово“, 13 октября.

****) „Новое Время“, 14 октября.

Во всей Россiи едва ли не одинъ „Кiевлянинъ", имѣвшiй свой штатъ убѣжденныхъ правыхъ наборщиковъ, продолжалъ выходить вопреки всеобщей забастовкѣ.

Государь 13 октября телеграфировалъ гр. Витте изъ Петергофа въ Петербургъ: „Поручаю вамъ объединить дѣятельность министровъ, которымъ ставлю цѣлью возстановить порядокъ повсемѣстно". Петербургскому генералъ-губернатору Д. Ф. Трепову были въ то же время подчинены войска петербургскаго военнаго округа. Возлагая на Д. Ф. Трепова поддержанiе внѣшняго порядка, Государь въ то же время искалъ политическаго выхода изъ положенiя. Указомъ 14 октября была проведена та мѣра, о которой наканунѣ своей смерти просилъ кн. С. Н. Трубецкой: чтобы прекратить митинги въ университетахъ, разрѣшены были собранiя въ нѣсколькихъ большихъ городскихъ залахъ. Митинги, однако. продолжались вездѣ и въ этихъ залахъ, и въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ...

Витте медлилъ принять назначенiе; онъ настаивалъ на томъ, чтобы Государь принялъ его программу. Онъ хотѣлъ связать свою судьбу съ либеральной реформой, — быть можетъ, онъ расчитывалъ, получивъ назначенiе отъ Государя, опереться въ дальнѣйшемъ на другiя силы и стать уже несмѣняемымъ. Когда Государь отвѣтилъ, что такiя серьезныя реформы требуютъ торжественнаго провозглашенiя путемъ манифеста, Витте былъ этимъ недоволенъ и пытался даже возражать. Онъ предпочелъ бы, чтобы реформы вошли въ общее сознанiе, не какъ рѣшенiе Царя, а какъ „программа Витте".

Желѣзнодорожная забастовка тянулась уже нѣсколько дней. Министры вынуждены были ѣздить къ Государю въ Петергофъ на пароходѣ. 15 октября состоялось опять продолжительное совѣщанiе; Витте еще разъ выдвигалъ выборъ — диктатура или конституцiя. Великiй Князь Николай Николаевичъ, только что прiѣхавшiй изъ своего имѣнiя подъ Тулой черезъ охваченную забастовкой страну, рѣшительно сталъ на сторону Витте. Уже обсуждался проектъ манифеста, написанный кн. А. Д. Оболенскимъ, обѣщавшiй „свободы" и законодательныя права для Г. Думы. Но послѣ многочасовой бесѣды, Государь въ заключенiе только сказалъ: „Я подумаю".

Въ этотъ день, въ коляскѣ, прiѣхалъ изъ Петербурга въ Петергофъ, по вызову Государя, б. министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ. Разставшись съ Витте, Государь приступилъ къ совѣщанiю съ его старымъ оппонентомъ, который со своей стороны составлялъ другой проектъ манифеста.

16 октября было днемъ неопредѣленности. Ходили слухи, что

программа Витте отвергнута, что премьеромъ назначается Горемыкинъ или гр. А. П. Игнатьевъ. Въ Петербургѣ было темно — электричество не дѣйствовало, улицы были пустынны.

„Наступили грозные, тихіе дни — писалъ Государь своей матери — именно тихіе, потому что на улицахъ былъ полный порядокъ, а каждый зналъ, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а тѣ не начинали. Чувство было какъ бываетъ лѣтомъ передъ сильной грозой! Нервы у всѣхъ были натянуты до невозможности, и конечно, такое положеніе не могло долго продолжаться"...

За предѣлами столицы шли сложные сдвиги. Забастовка несомнѣнно отражала стихійно нароставшее настроеніе; но она больно ударяла по самымъ жизненнымъ интересамъ населенія и въ первую очередь — городской бѣдноты. На рынкахъ не было продуктовъ; въ мясныхъ не было мяса. Молока не хватало и для дѣтей. А тутъ еще бастовали аптеки, изъ водопровода (въ Москвѣ) не шла вода. Когда такое состояніе длилось около недѣли, у обывателя стало пробуждаться раздраженіе, направленное отнюдь не противъ власти. Врага начинали видѣть въ „забастовщикахъ" и корень зла въ „подстрекателяхъ" — прежде всего въ студентахъ и въ евреяхъ. Приказчики и торговцы изъ Охотнаго ряда, лотки которыхъ опустѣли отъ прекращенія подвоза, одними изъ первыхъ ополчились на забастовщиковъ, и уже 14—15 октября въ Москвѣ происходили уличныя столкновенія — не демонстрантовъ съ полиціей, а народной толпы, „черной сотни", какъ ихъ называли противники, съ забастовщиками всѣхъ видовъ Студентовъ избивали на улицахъ. Они забаррикадировались отъ толпы въ зданіи университета. Рубились деревья университетскаго сада; жгли костры во дворѣ, чтобы грѣться долгой октябрьской ночью. Власти, въ недоумѣніи, не препятствовали ни студенческимъ баррикадамъ, ни движенію уличной толпы.

Перемѣна настроенія уже сказывалась въ Москвѣ очень явственно. 16 октября во всѣхъ церквахъ было прочитано обращеніе митрополита Владиміра, призывавшаго народъ къ борьбѣ со смутой. Съ утра 17-го началъ дѣйствовать водопроводъ; заработали бойни; поползли по улицамъ конки. Служащіе трехъ желѣзныхъ дорогъ — Казанской, Ярославской, Нижегородской — постановили прекратить забастовку. Раздавались протесты и со стороны земствъ. Такъ, Елецкое земское собраніе приняло резолюцію: „Сытые бастуютъ, обездоленное населеніе черноземныхъ губерній должно будетъ потомъ оплачивать забастовку. Пусть тѣ, кто не хотятъ работать, уходятъ съ желѣзныхъ дорогъ и очистятъ мѣсто нуждающимся въ работѣ крестьянамъ".

Въ Твери, вечеромъ 17 октября, уличная толпа осадила зданіе губернской управы, гдѣ собрались земскіе служащіе для обсужденія вопроса о забастовкѣ, подожгла домъ и била выходившихъ изъ него служащихъ, не отличая тѣхъ, кто призывалъ къ забастовкѣ, отъ тѣхъ, кто противъ нея возражалъ.

Въ другихъ концахъ Россіи, гдѣ забастовка началась позже, она еще разрасталась. Никто, при этомъ, не зналъ, что дѣлается въ ближайшемъ городѣ. Не было газетъ. „Земля полнилась слухами" одинъ невѣроятнѣе другого.

Въ Петербургѣ, съ 14 октября, началъ дѣйствовать совѣтъ рабочихъ депутатовъ, состоявшій изъ выборныхъ отъ заводовъ и изъ представителей революціонныхъ партій. 16 октября, делегація совѣта уже явилась съ требованіемъ въ петербургскую городскую думу. „Намъ нужны средства для продолженія стачки — ассигнуйте городскія средства на это!" — говорилъ большевикъ Радинъ. „Намъ нужно оружіе для завоеванія и отстаиванія свободы — отпустите средства на организацію пролетарской милиціи!". Дума, однако, отвергла требованія „совѣта", несмотря на свистъ и ревъ толпы, наполнявшей хоры.

17 октября былъ выпущенъ первый номеръ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ".

16-го и 17-го Государь продолжалъ свои совѣщанія. Но вокругъ него не было борьбы направленій. Проектъ манифеста, составленный И. Л. Горемыкинымъ, не былъ противоположностью проекта кн. Оболенскаго и Витте; онъ такъ же возвѣщалъ, что населенію даруются „гражданскія права, основанныя на неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти и слова, а также право собраній и союзовъ по опредѣленію закона"; такъ же обѣщалъ расширеніе избирательнаго права; о Г. Думѣ въ немъ говорилось нѣсколько менѣе опредѣленно: „повелѣваемъ въ незыблемую основу подлежащихъ внесенію въ Г. Думу законодательныхъ предположеній принять **даруемыя Нами нынѣ** населенію государства Нашего **права народнаго представительства**". Въ неясной формѣ это было обѣщаніемъ внести въ будущую Думу проектъ дальнѣйшаго расширенія ея правъ.

Государь однако остановился на другомъ проектѣ, имѣвшемъ преимущество ясности и отчетливости. Можно было вообще не издавать въ данный моментъ манифеста, а ограничиться борьбой съ революціоннымъ движеніемъ; но въ случаѣ изданія, было существенно, чтобы онъ произвелъ впечатлѣніе опредѣленнаго рѣшенія. Государь объ этомъ писалъ: „Представлялось избрать одинъ изъ двухъ путей: назначить энергичнаго военнаго человѣка и всѣми силами постараться

раздавить крамолу; затѣмъ была бы передышка, и снова пришлось бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствовать силой; но это стоило бы потоковъ крови и въ концѣ концовъ привело бы къ теперешнему положенію, т. е. авторитетъ власти былъ бы показанъ, но результатъ оставался бы тотъ же самый... Другой путь — предоставленіе гражданскихъ правъ населенію... Кромѣ того, обязательство проводить всякій законопроектъ черезъ Г. Думу — это, въ сущности, и есть конституція".

Государь, принимая свое рѣшеніе, думалъ, такимъ образомъ, не объ устраненіи **непосредственной** опасности, — Онъ считалъ, что власть могла силою подавить движеніе — а о томъ, какъ **дальше** строить русскую жизнь при обнаружившемся разладѣ между властью и широкими кругами — огромнымъ большинствомъ общества, если и не большинствомъ народа.

На послѣднемъ совѣщаніи съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и министромъ двора бар. Фредериксомъ, Государь окончательно высказался за второй путь. Витте былъ вызванъ въ Петергофъ и въ 5 часовъ дня, 17 октября, манифестъ былъ подписанъ.

„Почти всѣ, къ кому я обращался съ вопросомъ, отвѣчали мнѣ такъ же, какъ Витте, и находили, что другого выхода нѣтъ", писалъ Государь, называя свой шагъ „страшнымъ рѣшеніемъ", которое Онъ „тѣмъ не менѣе принялъ совершенно сознательно". — „Послѣ такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги намъ, усмири Россію".

Манифестъ 17 октября гласилъ:

„Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей, великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная — Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единства Державы Нашей.

„Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ предначертываемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

„На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

„1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

„2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

„3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

„Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ“.

Одновременно былъ опубликованъ всеподданнѣйшій докладъ Витте, въ сильно смягченной формѣ воспроизводившій положеніе его записки отъ 9 октября, съ помѣткою Государя „Принять къ руководству“. Въ немъ указывалось, что необходимо „духовное единеніе съ благоразумнымъ большинствомъ общества“. — „Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества“, — говорилось въ заключеніе. „Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства“.

Государь и въ этотъ моментъ не слагалъ съ себя отвѣтственности: Онъ сохранялъ за собою право **послѣдняго рѣшенія**; но на первыхъ порахъ онъ предоставилъ Витте самыя широкія полномочія, поручивъ ему выборъ министровъ и только оставивъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи министерства военное, морское и иностранныхъ дѣлъ.

Манифестъ сталъ извѣстенъ въ С.-Петербургѣ и заграницей уже къ вечеру 17-го октября; Витте поспѣшилъ его распространить. Для революціонныхъ партій онъ былъ большой неожиданностью. Они чувствовали, что забастовка ускользаетъ у нихъ изъ рукъ, что въ народѣ нарастаетъ сопротивленіе. У нихъ не было ощущенія побѣды. Изданіе манифеста о свободахъ и о законодательныхъ правахъ Думы вызвало въ ихъ рядахъ полное недоумѣніе. Что это — хитроумный маневръ или капитуляція? Для послѣдней, казалось, основаній не было.

Это особенно остро ощущалъ петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и первымъ его движеніемъ было — не прекращать забастовки, не вѣрить власти. „Данъ Витте, но оставленъ Треповъ" — писали „Извѣстія Совѣта" (перомъ Л. Троцкаго). — „Пролетаріатъ не хочетъ ни полицейскаго хулигана Трепова, ни либеральнаго маклера Витте, ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Онъ не желаетъ нагайки, завернутой въ пергаментъ конституціи" *).

Но во всей провинціи манифестъ произвелъ огромное впечатлѣніе. Вдали отъ столицы, революціонеры приняли его за полную капитуляцію власти, тогда какъ въ широкой массѣ преобладало ощущеніе: слава Богу, теперь конецъ забастовкамъ и смутѣ, — „Царь далъ свободу", болѣе нечего требовать. Эту свободу понимали по разному, представляли себѣ весьма туманно; но народныя толпы, вышедшія на улицу съ царскими портретами и національными флагами **праздновали** изданіе манифеста, а не протестовали противъ него.

Появленіе на улицахъ толпъ, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга по настроенію — тѣхъ, кто праздновалъ Царскую милость, и тѣхъ, кто торжествовалъ побѣду надъ Царской властью — было главной причиной той бурной вспышки гражданской войны, которую затѣмъ называли „волной погромовъ", „выступленіемъ черной сотни", и т. д. Въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, гдѣ наиболѣе видную роль въ революціонномъ движеніи играли евреи, вспышка народнаго гнѣва обратилась противъ нихъ; но и тамъ, гдѣ евреевъ почти совсѣмъ не было, развертывалась та же картина.

18 октября даже въ Петербургѣ состоялись демонстраціи двухъ родовъ, — съ національными и съ красными флагами, и дѣло доходило до драки. Въ Москвѣ, гдѣ революціонная волна уже шла на убыль, забастовщики обрадовались благовидному предлогу прекратить борьбу. Демонстрація съ красными флагами направилась ко дворцу ген.-губернатора П. П. Дурново, который говорилъ ей съ балкона привѣтственную рѣчь.

Но въ провинціи почти вездѣ картина была одна и та же: въ Кіевѣ, въ Кременчугѣ, въ Одессѣ, и т. д. 18 октября происходили революціонныя демонстраціи: люди съ красными флагами праздновали свою побѣду, поносили власть, рвали царскіе портреты въ городскихъ

*) П. Н. Милюковъ, на банкетѣ вечеромъ 17 октября, также высказался о манифестѣ скептически: „Вмѣсто горячей торжествующей рѣчи я вылилъ на окружающую меня и успѣвшую повеселѣть толпу цѣлый ушатъ холодной воды. Да, говорилъ я, это успѣхъ и успѣхъ большой. Но вѣдь не первый! Это новый этапъ борьбы". („Роковые годы", Русскія Записки, 1939 г., январь).

зданіяхъ, устраивали сборы „на гробъ Николаю II“ *), призывали народъ къ дальнѣйшей борьбѣ. На слѣдующій день поднялись другія толпы, одушевленныя тѣмъ же „оскорбленнымъ, хотя и дико патріотическимъ чувствомъ“, какъ демонстранты въ Нижнемъ и Балашовѣ; и эти толпы вездѣ оказались сильнѣе и многочисленнѣе. Къ толпѣ затѣмъ примѣшались уголовные элементы; были и грабежи, но въ основѣ движенія былъ протестъ противъ революціи. Когда междоусобица приняла форму еврейскаго погрома, — революціонеры начали взывать къ властямъ о защитѣ.

Въ Нѣжинѣ, гдѣ центромъ революціонныхъ манифестацій явился Филологическій институтъ, толпа въ нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень собралась 21 октября у собора, направилась къ зданію института, потребовала, чтобы студенты пошли за нею съ царскимъ портретомъ, и заставила студентовъ и встрѣченныхъ по пути евреевъ стать передъ соборомъ на колѣни и принести присягу „не бунтовать, Царя поважать“.

Въ Томскѣ, на другомъ концѣ Россіи, послѣ революціонной демонстраціи съ красными флагами, многочисленная толпа 20 октября осадила демонстрантовъ въ зданіи городского театра; тѣ отстрѣливались; театръ былъ подожженъ, и въ пожарѣ погибло около 200 человѣкъ. Въ Симферополѣ, въ Ростовѣ-на-Дону, въ Саратовѣ и Казани (гдѣ губернаторъ Хомутовъ сначала совершенно растерялся и обѣщалъ-было разоружить полицію и увести изъ города войска), въ Полтавѣ и Ярославлѣ, Тулѣ и Кишиневѣ, — всѣхъ городовъ не перечесть — прокатилась народная анти-революціонная волна, всюду бывшая отвѣтомъ на выходки торжествующихъ лѣвыхъ партій, — жестокая, какъ всякое стихійное народное движеніе.

Эта волна прокатилась и быстро схлынула, въ какіе нибудь два-три дня: съ 18—19 по 20—21-е.

Нелѣпы утвержденія, будто это движеніе было „организовано полиціей“. Безсильная передъ всякимъ разливомъ стихійныхъ силъ, какъ показали всѣ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, полиція абсолютно была неспособна, если бы даже и захотѣла, вызвать по всей Россіи массовое народное движеніе. „Не черная сотня, а черные милліоны“, восклицалъ въ „Новомъ Времени“ А. А. Столыпинъ. Это поняли и болѣе вдумчивые сторонники революціи; въ „Русскомъ Богатствѣ“ С. Елпатьевскій указывалъ, что человѣкъ съ низовъ „остался человѣкомъ старой любви къ отечеству и народной гордости... старое міровоз-

*) Объ этомъ разсказывалъ въ первой Думѣ депутатъ отъ гор. Екатеринослава, Способный.

зрѣніе, складывавшееся столѣтіями, не устраняется изъ жизни сразу ни бомбами, ни прокламаціями, ни японскими снарядами. И здѣсь въ Петербургѣ пусть люди не празднуютъ еще побѣды!.. Побѣды еще нѣтъ... темный человѣкъ стоитъ на распутьи русскихъ дорогъ и колеблется, куда ему идти"...

„Кіевлянинъ" 19 октября писалъ: „Кровь несчастныхъ жертвъ, весь ужасъ стихійнаго разгула — падаетъ на голову тѣхъ безумцевъ, которые вызвали взрывъ и такъ безумно оскорбили народную святыню... Не говорите, что русскій народъ — рабъ. Это великій и любящій народъ. Вы не понимаете его вѣры, вы не понимаете его любви, какъ онъ не понимаетъ васъ. Но вы заставили его понять, что значитъ революціонное насиліе, вы заставили его понять, что вы предаете поруганію его святѣйшія вѣрованія. И его ненависть противъ оскорбителей разразилась въ погромѣ евреевъ, которыхъ онъ счелъ вашими соучастниками".

Въ Москвѣ, 20 октября происходили грандіозныя похороны Баумана — безвѣстнаго ветеринара-соціалиста, котораго 18 октября убилъ желѣзнымъ ломомъ мастеровой Михалинъ, бросившійся на „человѣка съ краснымъ флагомъ". Это былъ смотръ революціонныхъ силъ и первыя въ Россіи „гражданскія похороны". Стотысячная толпа съ пѣніемъ „Марсельезы" и „Похороннаго марша" двигалась рядами, съ несчетными красными флагами; порядокъ поддерживали боевыя дружины. Но съ тротуаровъ за шествіемъ слѣдили враждебныя группы и революціонеры чувствовали себя неспокойно. На обратномъ пути, уже вечеромъ, дружинникамъ въ неосвѣщенной улицѣ у манежа почудилась засада „черной сотни", и они открыли огонь. Помѣщавшіеся въ манежѣ казаки, рѣшивъ что на нихъ нападаютъ, выскочили изъ зданія и начали отвѣчать залпами. Дружинники разсѣялись, — было 6 убитыхъ и около сотни раненыхъ.

Власти во время этихъ событій какъ будто и не было. Столкновенія происходили между толпами, а не съ войсками или полиціей. Только въ Минскѣ (18 октября) солдаты стрѣляли въ наступавшихъ на нихъ демонстрантовъ. Зато въ Петербургѣ, въ самомъ центрѣ, народной толпѣ — ни лѣвой, ни правой — не дали вообще овладѣть улицей. 18 октября, когда толпа пыталась освободить студентовъ, задержанныхъ въ зданіи Технологическаго института въ связи съ взрывомъ бомбы, брошенной въ казачій патруль, военное начальство энергичными мѣрами разсѣяло нападавшихъ. Семеновскій полкъ, которымъ командовалъ энергичный и мужественный человѣкъ, полковникъ Г. А. Минъ, выстроился на Загородномъ проспектѣ, и однимъ

своимъ присутствіемъ въ корнѣ пресѣкъ революціонныя поползновенія *). Въ Петербургѣ поэтому число жертвъ было гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ захотѣлъ было, по московскому примѣру, устроить „похороны жертвъ" но Д. Ф. Треповъ отвѣтилъ объявленіемъ о томъ, что „когда одна часть населенія готова съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ дѣйствій другой части" такія шествія допущены быть не могутъ — и Совѣтъ, по предложенію „самого" Троцкаго, постановилъ отмѣнить демонстрацію.

Забастовка прекратилась; уличныя волненія затихли; и дней черезъ пять послѣ изданія манифеста 17 октября стало наконецъ возможно отдать себѣ отчетъ въ совершившемся. Преобладало впечатлѣніе: освободительное движеніе одержало большую побѣду. „Начальство ушло" — какъ выразился В. В. Розановъ. Грань между запретнымъ и дозволеннымъ стерлась. Революціонныя партіи собирались открыто, обсуждали вопросы о пропагандѣ въ войскахъ и о вооруженномъ возстаніи. Цензура совершенно отпала, и одна за другою стали появляться газеты крайнихъ партій. „Новое Время", устами Меньшикова, прославляло „борцовъ за свободу". Сvнодъ постановилъ осудить посланіе митрополита Владиміра, призывавшее народъ къ борьбѣ съ крамолой. Вышло въ отставку восемь министровъ и главноуправляющихъ **) — не столько изъ-за несоотвѣтствія „новому курсу", сколько для того, чтобы освободить мѣста для кандидатовъ графа Витте; было добавочно создано новое министерство

*) По этому поводу произошелъ любопытный разговоръ между Витте и полк. Миномъ. Премьеръ, по просьбѣ „общественныхъ круговъ", обратился къ нему по телефону съ предложеніемъ „не заграждать улицъ" „Я не имѣю права вмѣшиваться въ распоряженіе вашего начальства, и говорю вамъ, не какъ первый министръ, а какъ русскій гражданинъ, любящій свое отечество Г. А. Минъ отвѣтилъ: „Съ вами говоритъ русскій гражданинъ, любящій свое отечество такъ же какъ вы, если не больше... Я не могу допустить, чтобы часть моего полка была окружена толпой и отрѣзана отъ казармъ... Самое лучшее, графъ, если вы сами явились бы на площадь. Вы такъ умѣете владѣть толпою, говорить съ ними: успокойте ее, убѣдите разойтись... Какъ это будетъ торжественно и полезно". Витте, разумѣется, не послѣдовалъ такому приглашенію, и въ заключеніе сказалъ: „Дѣйствуйте такъ, какъ найдете нужнымъ".

**) К. П. Побѣдоносцевъ (оберъ-прок. Сvнода); В. Н. Коковцовъ (мин. финансовъ); ген. Глазовъ (мин. народн. просвѣщенія); кн. Хилковъ (мин. путей сообщенія); П. Х. Шванебахъ (упр. землеустройствомъ и земледѣліемъ); ген. Лобко (госуд. контролеръ); А. Г. Булыгинъ (мин. внутр. дѣлъ); В. К. Александръ Михайловичъ (торг. мореплаваніе).

торговли. Д. Ф. Треповъ перемѣнилъ должность петербургскаго генераль-губернатора на менѣе видный, но особо отвѣтственный въ эти дни постъ дворцоваго коменданта, вѣдающаго личной безопасностью Государя и Царской семьи.

Манифестъ 17 октября создалъ совершенно новое положеніе. Онъ раздробилъ единый революціонный потокъ на отдѣльныя, порою сталкивающіяся струи; онъ пробудилъ народныя силы, вѣрныя Царской власти, воочію показавъ имъ, насколько положеніе серьезно. Въ моментъ его изданія, даже справа его критиковали только очень немногіе.

Но первые же дни зато показали полное крушеніе того человѣка, въ которомъ многіе готовы были видѣть спасителя Россіи: графъ Витте жестоко ошибся во всѣхъ своихъ расчетахъ.

А. Н. Куропаткинъ писалъ въ своемъ дневникѣ, 23 октября, при первомъ извѣстіи, дошедшемъ до него о манифестѣ: „Сергѣй Витте торжествуетъ. Такъ отомстить, какъ онъ отомстилъ Государю, даже и ему не всегда представлялось возможнымъ". Но 23 октября графъ Витте уже едва ли торжествовалъ. Того „благоразумнаго большинства", того „политическаго такта", о которыхъ онъ писалъ, не оказалось и въ поминѣ. Въ русскомъ хаосѣ новый премьеръ не находилъ поддержки ни въ комъ. Уже 18 октября, бесѣдуя съ представителями петербургскихъ газетъ, Витте просилъ ихъ: „Вы, господа, постарайтесь, чтобы Государь увидѣлъ, что отъ добрыхъ мѣръ есть результаты. Вотъ лучшій путь. На немъ вы меня поддержите". Въ отвѣтъ онъ слышалъ только новыя требованія — „удалите войска", „организуйте народную милицію", „амнистію", „отмѣна смертной казни". 22 октября у Витте были представители земцевъ, программу которыхъ онъ принималъ, для которыхъ „освободилъ" министерскіе портфели: они теперь настаивали на Учредительномъ Собраніи. Витте въ отчаяніи, какъ говорятъ, воскликнулъ: „Если бы при теперешнихъ обстоятельствахъ во главѣ правительства стоялъ Христосъ, то и ему не повѣрили бы!"... *).

При Дворѣ и особенно въ военнныхъ кругахъ дѣйствія Витте рѣзко критиковались съ другой стороны. Указывали, что его программа никого не удовлетворила, что она только увеличила смуту. „Странно, что такой умный человѣкъ ошибся въ своихъ расчетахъ на скорое успокоеніе" — писалъ Государь. И оставляя политическую сторону въ рукахъ Витте, Государь самъ принялъ мѣры для того, чтобы

*) „Новое Время", 24 октября.

охранить полицейскій и военный аппаратъ отъ грозившаго распада. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ (23 октября) П. Н. Дурново; командованіе войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа было возложено (27 октября) на Великаго Князя Николая Николаевича, за эти нѣсколько дней сильно разочаровавшагося въ Витте.

Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій манифеста 17 октября было быстрое развитіе революціоннаго движенія на окраинахъ. Въ Царствѣ Польскомъ начались массовыя демонстраціи въ пользу широкой автономіи, а то и независимости. Въ Финляндіи всеобщая забастовка охватила въ два-три дня всю страну и генералъ-губернаторъ кн. И. М. Оболенскій, боясь попасть въ плѣнъ, переѣхалъ изъ Гельсингфорса на броненосецъ „Слава", стоявшій у Свеаборга.

Въ отношеніи Финляндіи Государь счелъ необходимымъ уступить. Манифестомъ 22 октября было пріостановлено дѣйствіе всѣхъ законовъ, оспаривавшихся финляндцами, начиная съ манифеста 3 февраля 1899 г.: „Разсмотрѣвъ окончательно петицію сейма отъ 31 декабря 1904 г., Мы признали ее заслуживающей вниманія", говорилось въ новомъ манифестѣ. На 7 декабря созывался финскій чрезвычайный сеймъ: финляндская конституція была возстановлена въ прежнемъ видѣ.

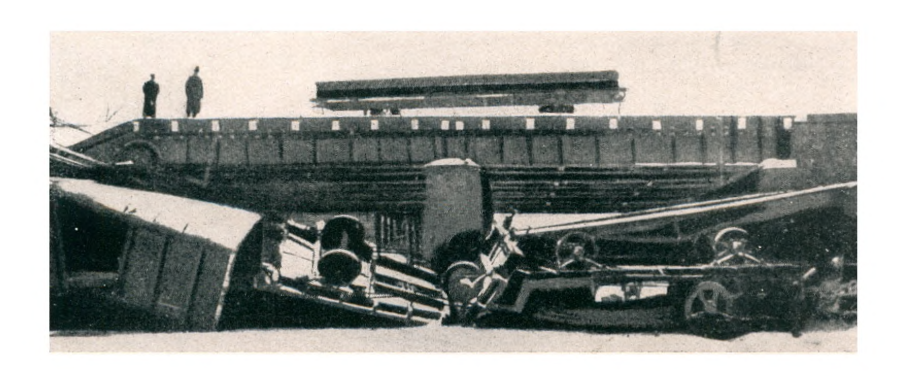
Только успѣло „Новое Время" — 25 октября — отмѣтить „маленькій намекъ на успокоеніе" — начало занятій въ гимназіяхъ, какъ въ Кронштадтѣ возникли безпорядки: матросы нѣсколькихъ экипажей взбунтовались, разсыпались по городу, и начались убійства, грабежи и поголовное пьянство. Два дня Кронштадтъ былъ во власти пьяной матросской толпы. Утромъ 27-го прибыли два батальона Преображенскаго полка и, поступивъ подъ команду ген. Н. І. Иванова, быстро возстановили порядокъ: перепившіеся матросы не оказали сопротивленія.

30-го октября такія же событія разыгрались на другомъ концѣ Россіи — во Владивостокѣ, съ тою разницей, что бунтовали толпы запасныхъ, ждавшихъ отправки на родину. Грабежи и пьяный разгулъ сопровождались избіеніемъ китайцевъ и корейцевъ. Городъ, за два дня безпорядковъ, сильно пострадалъ. Пьяная толпа отбушевала и успокоилась.

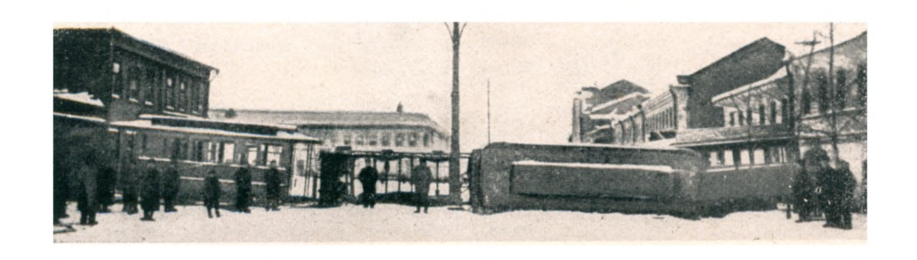
Земцы отказались войти въ кабинетъ Витте, и приготовленныя для нихъ „вакансіи" были, къ концу октября, заполнены либеральными чиновниками по выбору премьера *).

*) Назначены были: кн. А. Д. Оболенскій (оберъ-прокуроръ Синода); К. С. Немѣшаевъ (пути сообщенія); гр. И. И. Толстой (народное просвѣщеніе); И. П. Шиповъ (финансы); Н. Н. Кутлеръ (земледѣліе); В. И. Тимирязевъ (торговля);

Барикады въ Москвѣ.

Барикада сооруженная изъ вагоновъ у Курскаго желѣзно-дорожнаго моста на Золоторожской ул.

Барикада изъ вагоновъ конно-желѣзной дороги на Лѣсной ул.

Параллельно со старымъ аппаратомъ власти быстро начало вырастать новое „начальство". Совѣтъ рабочихъ депутатовъ отдавалъ приказы, которыхъ слушались. Союзъ наборщиковъ учредилъ свою цензуру, отказываясь выпускать газеты, соблюдающія старые законы; онъ не соглашался печатать воззванія правыхъ группъ и наложилъ вето даже на печатаніе программы „Союза 17 октября" *), новой умѣренной организаціи, ядромъ которой была „шиповская" группа земскаго союза, усилившаяся рядомъ видныхъ дѣятелей, считавшихъ, что цѣль движенія достигнута съ изданіемъ манифеста. Новое „начальство" держало себя все болѣе властно; оно на нѣсколько часовъ силою захватывало частныя типографіи, чтобы печатать свои „Извѣстія". Его поддерживали новыя газеты, открыто революціонныя, какъ „Новая Жизнь" и „Начало", и прежнія крайнія, теперь „превзойденныя" — „Сынъ Отечества" и „Наша Жизнь", и т. д. „Новая Жизнь" „декадента" Минскаго и Максима Горькаго была органомъ с.-д. большевиковъ; въ ней участвовали многіе современные поэты — Минскій, Бальмонтъ, Андрей Бѣлый. Минскій писалъ стихи на девизъ Интернаціонала **), а Бальмонтъ восклицалъ: „Рабочій, только на тебя — Надежда всей Россіи".

31 октября — черезъ двѣ недѣли послѣ манифеста — послѣдовалъ первый актъ твердой власти, касавшійся пока только одной окраины: было объявлено военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ. „Правительство не потерпитъ посягательства на цѣлость государства", гласило сообщеніе, перечислявшее рядъ фактовъ смуты въ Польшѣ.

„Читая это правительственное сообщеніе" — писалъ Д. И. Пихно въ „Кіевлянинѣ" (31 октября) — „не спроситъ ли читатель невольно: да развѣ въ русскихъ городахъ не то же дѣлалось? . . Развѣ такія же вспышки самой дикой революціонной оргіи не послѣдовали немедленно за манифестомъ 17 октября? . . Вся смута послѣднихъ двухъ лѣтъ, и ужасная междоусобица послѣднихъ дней, и всѣ смуты окраинъ возникли отъ того, что наше русское знамя заколебалось и склонилось... Графъ! ни вы, никто въ мірѣ не можетъ замѣнить этого знамени. Его нужно вновь поднять высоко, высоко, чтобы вся русская земля въ Ев-

---

Д. А. Философовъ (госуд. контроль). Изъ нихъ только кн. А. Д. Оболенскій сыгралъ извѣстную роль при попыткѣ созыва Церковнаго Собора.

*) Въ этой программѣ м. п. говорилось о неосуществимости 8-ми часового рабочаго дня.

**) „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь... Кто не съ нами, тотъ нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть"

ропѣ и Азіи его увидѣла и преклонилась передъ нимъ... Тогда всѣ стихійныя бури смирятся".

Революціонныя партіи отвѣтили на военное положеніе въ Польшѣ новой всеобщей забастовкой. Они присоединили еще требованіе объ отмѣнѣ смертной казни для участниковъ бунта въ Кронштадтѣ, желая внушить солдатамъ и матросамъ, что въ случаѣ возстанія они найдутъ себѣ заступниковъ. Забастовка началась 2 ноября съ требованіемъ снятія военнаго положенія въ Польшѣ и отмѣны смертной казни для „кронштадцевъ".

Графъ Витте по этому поводу выпустилъ воззваніе: „Братцы рабочіе, станьте на работу, бросьте смуту, пожалѣйте вашихъ женъ и дѣтей. Не слушайте дурныхъ совѣтовъ. Дайте время, все возможное для васъ будетъ сдѣлано. Послушайте человѣка, къ вамъ расположеннаго и желающаго вамъ добра. Графъ Витте".

„Пролетаріи ни въ какомъ родствѣ съ графомъ Витте не состоятъ... Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не нуждается въ расположеніи царскихъ временщиковъ", отвѣчалъ на это петербургскій совѣтъ.

Но вторая забастовка, объявленная по частному поводу, не создала стихійнаго движенія. Желѣзныя дороги послушно стали; газеты на четыре дня прекратили свой выходъ; но даже на петербургскихъ заводахъ работало около половины обычнаго состава.

5 ноября правительство дало бастующимъ удобный предлогъ для прекращенія забастовки: оно издало сообщеніе, разъясняющее, что „кронштадцамъ" казнь не грозитъ (ихъ будутъ судить не за бунтъ, а за пьяное буйство и грабежи), и обѣщающее снять военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ, какъ только наступитъ успокоеніе. „Скажемъ прямо" — говорилъ Троцкій въ петербургскомъ совѣтѣ — „мы все равно должны были бы призвать петербургскихъ рабочихъ къ прекращенію забастовки... Видно, что вездѣ въ Россіи политическая манифестація идетъ на убыль"...

Витте возлагалъ большія надежды на Земскій Съѣздъ, открывшійся въ Москвѣ 6 ноября. На немъ раздались и рѣчи о необходимости сотрудничать съ властью „Наверху получилось такое впечатлѣніе — говорилъ кн. Е. Н. Трубецкой, — что манифестомъ недовольны ни революціонеры, ни прогрессивные земцы". А. И. Гучковъ настаивалъ на необходимости дать отпоръ революціи. Но съѣздъ такъ и не счелъ возможнымъ высказаться за поддержку кабинета Витте, даже въ условной формѣ, предложенной П. Б. Струве (поддержка — если правительство приметъ програму съѣзда).

Въ печати начали высказывать нелестныя для Витте предположенія. „Если завтра эти молодцы арестуютъ гр. Витте и посадятъ его въ казематъ Петропавловской крѣпости, вмѣстѣ съ собственными его министрами, я нимало не удивлюсь“, писалъ А. С. Суворинъ *). Бездѣйствіе правительства порою объясняли хитроумнымъ планомъ: „Я допускаю — писалъ М. С. Меньшиковъ **) — что гр. Витте потворствуетъ революціи, но затѣмъ лишь, чтобы ее вѣрнѣе убить... Не правительство первое страдаетъ отъ анархіи, а общество. Отъ повышенія цѣны мяса вдвое и втрое страдаютъ не министры... Тотъ же народъ, тѣ же рабочіе... начнутъ облаву на революцію, и она будетъ убита, какъ хищный звѣрь, выпущенный изъ клѣтки“.

Государь (10 ноября) писалъ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ: „Всѣ боятся дѣйствовать смѣло, мнѣ приходится всегда заставлять ихъ и самого Витте быть рѣшительнѣе... Ты мнѣ пишешь, милая мама, чтобы я оказывалъ довѣріе Витте. Могу тебя увѣрить, что съ моей стороны дѣлается все, чтобы облегчить его трудное положеніе... Но не могу скрыть отъ тебя нѣкотораго разочарованія въ Витте. Всѣ думали, что онъ страшно энергичный и деспотичный человѣкъ и что онъ примется сразу за водвореніе порядка прежде всего“... Между тѣмъ, дѣйствія кабинета Витте создаютъ „странное впечатлѣніе какой то боязни и нерѣшительности“ ***).

За эти дни Государь, предоставивъ Витте внутреннюю политику, возобновилъ переписку съ Вильгельмомъ II о Бьеркскомъ договорѣ. „Мало шансовъ — писалъ Онъ 27 октября — привлечь къ нашему союзу Францію. Россія не имѣетъ основаній бросать свою старую союзницу или производить надъ ней насиліе. Поэтому слѣдуетъ добавить слѣдующую декларацію: „въ виду затрудненій, препятствующихъ немедленному присоединенію французскаго правительства, симъ поясняется, что ст. I-ая договора не подлежитъ примѣненію въ случаѣ войны съ Франціей, и что взаимныя обязательства соединяющія по-

*) „Новое Время“ 6 ноября.

**) „Новое Время“, 11 ноября.

***) С. Е. Крыжановскій, которому гр. Витте какъ разъ въ эти дни поручилъ составленіе проектовъ новыхъ законовъ, даетъ о немъ такой отзывъ: „Въ головѣ его былъ хаосъ, множество порывовъ, желаніе всѣмъ угодить, и никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Вообще вся его личность производила впечатлѣніе, не вязавшееся съ его репутаціей. Можетъ быть въ финансовой сферѣ, гдѣ онъ чувствовалъ почву подъ ногами, онъ и былъ на высотѣ, но въ дѣлахъ политики и управленія производилъ скорѣе впечатлѣніе авантюриста, чѣмъ государственнаго дѣятеля“. (С. Е. Крыжановскій. Воспоминанія. Берлинъ. 1938).

слѣднюю съ Россіей, будутъ полностью сохранены впредь до заключенія соглашенія втроемъ"

Вильгельмъ II настаивалъ однако на сохраненіи первоначальнаго текста. Онъ утверждалъ, что договоръ юридически уже дѣйствителенъ. Это, по меньшей мѣрѣ, было спорно: всегда при заключеніи договоровъ бываютъ двѣ стадіи; личное участіе монарха въ составленіи текста договора („парафированіи") не устраняетъ необходимость болѣе торжественнаго акта ратификаціи. Само германское правительство, пока Бюловъ возражалъ противъ подписаннаго въ Бьерке текста, считало себя въ правѣ потребовать измѣненій текста. Но теперь оно заняло непримиримую позицію, настаивая на томъ, что никакія оговорки недопустимы. Съ точки зрѣнія добрыхъ отношеній между Россіей и Германіей это было несомнѣнной ошибкой: настаивая на прежнемъ текстѣ ради чисто теоретической возможности, правительство Вильгельма II фактически уничтожало договоръ, устанавливавшій германо-русскую солидарность противъ Англіи. Государь счелъ, что съ отказомъ Германіи принять дополнительную статью отпадаетъ и весь договоръ. Года черезъ два съ этой точкой зрѣнія вынуждена была согласиться и Германія.

Еще засѣдалъ въ Москвѣ земскій съѣздъ, когда въ Севастополѣ начались волненія, особенно серьезныя потому, что въ нихъ участвовали части арміи и флота. 11 ноября возстали морскія команды на берегу. На ихъ сторону перешла часть Брестскаго пѣхотнаго полка. Среди флота замѣчалось броженіе. Прибывшій на слѣдующій день корпусный командиръ, ген. баронъ А. Н. Меллеръ-Закомельскій, привелъ къ повиновенію Брестскій полкъ, но матросы не сдавались. 13-го на крейсерѣ „Очаковъ" былъ поднятъ красный флагъ. 14-го вечеромъ отставной лейтенантъ флота, Н. П. Шмидтъ, принялъ на себя руководство движеніемъ. Онъ поднялъ на „Очаковѣ" сигналъ „Командую эскадрой. Шмидтъ"; послалъ Государю телеграмму о томъ, что Черноморскій флотъ „отказываетъ въ повиновеніи правительству" и отправилъ, чтобы призвать къ возстанію остальныя войска, своихъ посланцевъ на берегъ. Когда они были задержаны, Шмидтъ распорядился перестать давать пищу плѣннымъ офицерамъ, пока его эмиссаровъ не освободятъ.

Но бунтъ, казавшійся грознымъ, опять разсыпался при первыхъ же пушечныхъ выстрѣлахъ.Крейсеръ „Очаковъ" охваченный огнемъ, поднялъ бѣлый флагъ. Остальныя суда покорились безъ борьбы Шмидтъ былъ задержанъ и впослѣдствіи разстрѣлянъ по приговору

морского суда. Брестскій полкъ, сначала бунтовавшій, принялъ, подъ командой полк. Думбадзе, дѣятельное участіе въ овладѣніи послѣднимъ оплотомъ мятежниковъ — морскими казармами на берегу. Къ утру 16-го все было кончено. Севастопольскій бунтъ стоилъ около 30 человѣкъ убитыми и 70 ранеными съ обѣихъ сторонъ.

Въ тотъ же самый день, 16 ноября, началась почтово-телеграфная забастовка. Почтовые служащіе, ссылаясь на манифестъ 17 октября, пожелали основать профессіональный союзъ. Имъ отвѣтили, что союзы государственныхъ служащихъ не допускаются и заграницей, и предложили подождать до разрѣшенія этого вопроса Г. Думой. Въ отвѣтъ, съѣздъ почтовыхъ и телеграфныхъ служащихъ, съ одобренія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, объявилъ всероссійскую забастовку. Она вызвала отрицательное отношеніе со стороны широкихъ круговъ. Самые либеральные элементы недоумѣвали, зачѣмъ наносить такой ударъ всему хозяйству страны по частному вопросу, не представляющему особой срочности. Проф. Ф. Ф.Мартенсъ опубликовалъ въ газетахъ воззваніе, призывавшее бороться со стачкой „не словомъ, а дѣломъ". Сотни добровольцевъ явились въ петербургскій почтамтъ, чтобы разбирать и разносить корреспонденцію. Мѣстами то же происходило и въ провинціи. Почтовая забастовка вызвала активное движеніе протеста, которое довольно быстро съ нею справилось: уже 23 ноября забастовка въ Петербургѣ кончилась; служащіе были приняты обратно — съ мѣсячнымъ вычетомъ изъ жалованья въ видѣ штрафа. Въ провинціи она мѣстами длилась нѣсколько дольше.

Въ эти же дни начали организовываться правыя теченія, стоявшія за сохраненіе — или возстановленіе — неограниченной царской власти: въ Москвѣ — монархическая партія, во главѣ съ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей" В. А. Грингмутомъ, въ С.-Петербургѣ — „Союзъ Русскаго Народа", во главѣ съ д-ромъ А. И. Дубровинымъ, устроившій 21 ноября въ Михайловскомъ манежѣ свой первый митингъ, привлекшій толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ томъ же смыслѣ высказался и съѣздъ Союза землевладѣльцевъ, засѣдавшій въ Москвѣ около 20 ноября; съѣздъ постановилъ просить Государя „замѣнить нынѣшнее правительство другимъ, т. к. настоящее не въ силахъ установить твердую власть и справиться со смутой".

Неудачи отдѣльныхъ вспышекъ не смущали революціонныя партіи. „Начало" заявляло: „Революція дѣйствуетъ со стихійной мудростью и стихійной жестокостью самой природы. Когда ей нужно достигнуть какого-нибудь результата, она дѣлаетъ десятки и сотни опы-

товъ: рядъ частныхъ пораженій и неудачъ она превращаетъ въ ступени своей побѣды" *).

„Русская революція — сигналъ, призывной набатъ", — писала „Новая Жизнь". — „Изъ Петербурга въ Парижъ, изъ Парижа въ Берлинъ и Вѣну все быстрѣе и огромнѣе помчится революціонный смерчъ... И куда дѣнетесь вы отъ него, трусливыя крысы русской буржуазіи?.. Въ Турцію, Персію, Тибетъ, въ пустыни Сахары, въ ущелья Кордильеровъ?.. Великая революція со временемъ проникнетъ и туда, ибо она есть владыка міра, вся вселенная принадлежитъ ей отъ вершины Гималайскихъ горъ до нѣдръ Везувія" **).

Военные бунты вызывали въ лѣвой печати шумные восторги: „Кронштадтъ, Владивостокъ, Севастополь, Воронежъ, Кіевъ, Ревель ***)... И огненной змѣей бѣжитъ по всей Россіи, отъ гарнизона къ гарнизону, побѣдный кличъ: армія присоединяется къ революціонному народу! Одно военное возмущеніе за другимъ! Одна кровавая баня за другой! Не умирающему абсолютизму остановить лавину революціи. Она докатится до конца" ****).

Центральный Комитетъ партіи соціалъ-революціонеровъ въ ноябрѣ 1905 г. вынесъ рѣшеніе о прекращеніи индивидуальнаго террора и о переходѣ къ инымъ, массовымъ методамъ борьбы. Число террористическихъ актовъ отъ этого, впрочемъ, нисколько не уменьшилось.

Увлеченные собственными рѣчами и статьями, соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры, повидимому, совершенно не ощущали, какъ почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ, какъ въ народныхъ массахъ, на второмъ мѣсяцѣ „свободъ", нарастаетъ утомленіе, пресыщеніе революціей. Въ отвѣтъ на арестъ своего предсѣдателя Хрусталева-Носаря, петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, на засѣданіи 26 ноября, постановилъ готовиться къ вооруженному возстанію.

Вѣсти о „свободахъ" вызвали движеніе и въ деревнѣ. Мѣстами начались аграрныя волненія, особенно сильныя въ Черниговской, Саратовской и Тамбовской губ. Государь отправилъ въ эти губерніи генералъ адъютантовъ — Сахарова, адм. Дубасова и Пантелѣева. Появленіе войскъ оказалось достаточно, чтобы безпорядки прекратились; силу примѣнять не пришлось. Тѣмъ не менѣе, ген. В. В. Сахаровъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера въ домѣ саратовскаго губер-

---

*) „Начало", 23-XI.

**) „Новая Жизнь", 26.XI.

***) Въ послѣднихъ трехъ городахъ были быстро ликвидированныя вспышки бунта въ воинскихъ частяхъ.

****) „Новая Жизнь", 24.XI.

натора Столыпина, нѣкоей Анастасіей Биценко*) Вопреки распространенному мнѣнію, террористы вообще не столько „мстили за жестокости", сколько планомѣрно убивали всѣхъ энергичныхъ и исполнительныхъ представителей власти, чтобы облегчить торжество революціи.

Наиболѣе серьезныя формы аграрное движеніе приняло въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ къ нему примѣшивались національная вражда латышей къ помѣщикамъ-нѣмцамъ и сильное вліяніе соціалъ-демократіи. Лифляндія, а затѣмъ и Курляндія были сплошь охвачены возстаніемъ; собирались съѣзды латышскихъ революціонныхъ общинъ. Разгромлено было 573 имѣнія; убытки исчислялись въ 12 милл. рублей Борьба принимала жестокія формы: въ городѣ Туккумѣ, въ ночь на 30 ноября, латыши напали на спящихъ драгунъ, перерѣзали человѣкъ двадцать и подожгли домъ, гдѣ они спали. Такое же неожиданное нападеніе на русскихъ солдатъ было сдѣлано въ Ригѣ, на фабрикѣ „Проводникъ"; 11 драгунъ было убито. Для ликвидаціи возстанія было объявлено военное положеніе; изъ Петербурга прислали подкрѣпленія; но ликвидація революціоннаго движенія въ Прибалтикѣ потребовала немало жертвъ и растянулась долѣе, чѣмъ на мѣсяцъ.

Государь въ ноябрѣ былъ занятъ укрѣпленіемъ связи съ войскомъ. Съ 21 ноября, полки гвардіи, начиная съ Семеновскаго полка, стали поочередно прибывать въ Царское Село. Государь съ Государыней и маленькимъ Наслѣдникомъ приходилъ въ собраніе офицеровъ; Онъ принималъ парады, обращался къ полкамъ съ привѣтственными рѣчами. Гвардейскіе полки, послѣ стройныхъ торжествъ въ Царскомъ Селѣ, возвращались въ Петербургъ съ его забастовками, революціонными листками, дерзкими каррикатурами, — и этотъ контрастъ еще болѣе укрѣплялъ ихъ въ вѣрности Царю и въ ненависти къ революціи. Статсъ-секретарь Половцовъ пишетъ, что въ ноябрѣ гвардейское офицерство требовало ареста Витте и объявленія диктатуры, а В. К. Николай Николаевичъ ихъ отъ этого удерживалъ, обѣщая, что, въ случаѣ необходимости, онъ станетъ самъ во главѣ такого движенія. Изъ непосредственнаго общенія съ Государемъ, гвардейское офицерство имѣло случай убѣдиться, что Онъ былъ и остается Хозяиномъ Земли Русской.

1 декабря къ Государю впервые явились делегаты правыхъ: монархической партіи (В. А. Грингмутъ), Союза русскихъ людей (кн. Щербатовъ), Союза землевладѣльцевъ (Н. А. Павловъ, Чемодуровъ и др.) Эта встрѣча не была удачной: исходя изъ ложнаго пред-

*) А. Биценко послѣ революціи 1917 года участвовала въ делегаціи совѣтской власти при переговорахъ въ Брестъ-Литовскѣ.

ставленія о томъ, будто на Государя легко вліять, нѣкоторые делегаты приняли рѣзкій тонъ и чуть не требовали, чтобы Государь Самъ подтвердилъ имъ неприкосновенность Царской власти.

Государь отвѣтилъ: „Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, **какъ только по предначертанному Мною пути...** Манифестъ, данный Мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе Моей непреклонной и непреложной воли, и актъ, не подлежащій измѣненію"...

Государь не считалъ допустимымъ, чтобы Его именемъ пользовались для борьбы противъ назначеннаго Имъ правительства; правые делегаты ушли неудовлетворенными. Совершенно иначе прошелъ второй пріемъ — 23 декабря. Депутація Союза Русскаго Народа, съ А. И. Дубровинымъ и П. Ф. Булацелемъ во главѣ, состояла въ большинствѣ изъ рабочихъ, извозчиковъ, крестьянъ. „Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ созыва Г. Думы, которая дала бы возможность намъ, русскому народу, избрать уполномоченныхъ, преданныхъ Тебѣ, Государь, и Отечеству", говорилъ А. И. Дубровинъ. Государь согласился принять знаки Союза для Себя и Наслѣдника, и сказалъ: „Объединяйтесь, русскіе люди, Я расчитываю на васъ".

„Правы ли мы, Государь, оставаясь вѣрными самодержавію?" — спросилъ одинъ изъ делегатовъ. Государь на это отвѣтилъ нѣсколько загадочной фразой: „Скоро, скоро возсіяетъ солнце правды надъ землею Русской и тогда всѣ сомнѣнія исчезнутъ" *).

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ „готовилъ" вооруженное возстаніе; но его руководители знали, что присутствіе гвардейскихъ полковъ дѣлаетъ всякую попытку въ Петербургѣ совершенно безнадежной. Онъ поэтому избралъ для начала другой методъ — ударъ по государственнымъ финансамъ.

2 декабря въ восьми петербургскихъ газетахъ появился „Манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ". Изображая мрачными красками положеніе страны, Совѣтъ приходилъ къ выводу: „Надо отрѣзать у правительства послѣдній источникъ существованія — финансовые доходы". Для этого народъ призывался: 1) отказываться отъ платежа налоговъ; 2) требовать при всѣхъ сдѣлкахъ уплаты золотомъ или полноцѣнной серебряной монетой; 3) брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ, требуя уплаты всей суммы золотомъ, 4) не допускать уплаты по займамъ, которые правительство заключило, „когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ".

---

*) Эта бесѣда была опубликована позже — правая газета „Объединеніе", напечатавшая ее, была привлечена къ суду за нарушеніе правилъ придворной цензуры, но содержаніе рѣчи опровергнуто не было.

Такимъ образомъ, прдполагалось распылить золотой запасъ Государственнаго банка, чтобы обезцѣнить бумажный рубль, и въ то же время лишить власть возможности заключать заграничные займы.

Но власть на этотъ разъ отвѣтила быстрымъ ударомъ. Всѣ газеты, напечатавшія „манифестъ", были въ тотъ же день закрыты, а на слѣдующій день, 3 декабря, былъ арестованъ и весь Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Конечно, у него имѣлись „замѣстители", президіумъ Совѣта еще собирался, выносилъ резолюціи; но исторія Совѣта, какъ властнаго учрежденія, какъ „второго начальства", кончилась съ этимъ арестомъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезла революціонная безцензурная печать.

Крайнія партіи почувствовали, что параличъ власти кончается, и рѣшили дать генеральный бой: всеобщую забастовку, переходящую въ вооруженное возстаніе, расчитанную на присоединеніе войска къ возставшимъ. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для начала движенія была признана Москва, гдѣ генералъ-губернаторъ П. П. Дурново своимъ полнымъ бездѣйствіемъ облегчалъ дѣятельность революціонныхъ организацій; къ тому же, въ войскахъ московскаго гарнизона (особенно въ Ростовскомъ полку) происходило броженіе; солдаты „предъявляли требованія" командирамъ, отказывались повиноваться.

5 декабря въ Москву прибылъ новый генералъ-губернаторъ, адмиралъ Ф. В. Дубасовъ. Принимая представителей администраціи, онъ произнесъ знаменательную рѣчь: „Въ этой самой Москвѣ, гдѣ билось сердце Россіи горячей любовью къ родинѣ, свила себѣ гнѣздо преступная пропаганда. Москва стала сборищемъ и разсадникомъ людей, дерзко возстающихъ для разрушенія основъ порядка... При такихъ условіяхъ, мое назначеніе на постъ московскаго генералъ-губернатора пріобрѣтаетъ особый характеръ. Это — **назначеніе на боевой постъ...** Я убѣжденъ въ побѣдѣ надъ крамолой, которую можно побѣдить не только залпами и штыками, но нравственнымъ воздѣйствіемъ лучшихъ общественныхъ силъ... Теперь крамола обращается къ законной власти съ дерзкими требованіями, бросаетъ дерзкій вызовъ съ поднятымъ оружіемъ. Вотъ почему я не поколеблюсь ни на одну минуту и употреблю самыя крайнія мѣры: и буду дѣйствовать, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ".

Въ тотъ же день закончились безпорядки въ Ростовскомъ полку: солдаты „качали" своего командира и кричали ему „ура".

6 декабря былъ изданъ „приказъ о революціи", какъ выразилось „Новое Время": на 12 ч. дня, 8 декабря, объявлена была всеобщая забастовка. „Пролетаріатъ не удовлетворится никакими частичными

перемѣщеніями политическихъ фигуръ правительственнаго персонала. Онъ не прекращаетъ стачки до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣстныя власти не сдадутъ своихъ полномочій выбранному отъ мѣстнаго населенія органу временнаго революціоннаго управленія", говорилось въ воззваніи, подписанномъ: партіей с.-д., партіей с. р., союзомъ желѣзнодорожниковъ, почтово-телеграфнымъ союзомъ и московскимъ и петербургскимъ Совѣтами Рабочихъ Депутатовъ. Тщетно П. Н. Милюковъ въ своей газетѣ предостерегалъ крайнія партіи отъ такого рискованнаго шага.

Въ Царскомъ Селѣ съ 5 по 9 декабря происходили совѣщанія о новомъ избирательномъ законѣ. Какъ и на лѣтнихъ петергофскихъ совѣщаніяхъ, резолюція Государя замѣняла голосованіе. Приглашенные въ качествѣ представителей умѣренной общественности А. И. Гучковъ и Д. Н. Шиповъ отстаивали всеобщее избирательное право, но сочувствія не встрѣтили. Государь не хотѣлъ „ломать" избирательный законъ 6 августа, а только дополнилъ его присоединеніемъ новыхъ слоевъ населенія. Рѣшено было предоставить рабочимъ 206 мѣстъ выборщиковъ *), избираемыхъ отдѣльно, а въ городахъ предоставить право голоса всѣмъ частнымъ и государственнымъ служащимъ, а также всѣмъ квартиронанимателямъ (для С.-Петербурга напр. это было увеличеніе числа избирателей примѣрно съ 10.000 до 100.000).

Третья всеобщая забастовка началась въ назначенный срокъ 8-го декабря, но сразу же обозначился ея неуспѣхъ. Многія желѣзныя дороги прямо отказались къ ней примкнуть. Въ Петербургѣ бастовала только незначительная часть рабочихъ. „Приказали начать забастовку, а не слушаются!" — иронически замѣчало „Новое Время" 9 декабря, и уже на слѣдующій день сообщало: „Всероссійская забастовка провалилась самымъ плачевнымъ образомъ"

Все же, дороги московскаго узла забастовали, (кромѣ Николаевской, которая усиленно охранялась войсками), и революціонныя партіи, собравшія въ Москвѣ около двухъ тысячъ вооруженныхъ дружинниковъ, рѣшили продолжать выступленіе по намѣченному плану.

Задачей было добиться перехода войскъ на сторону революціи. Но выступленіе начиналось въ атмосферѣ народнаго равнодушія: не чувствовалось ни малѣйшей „психологической заразы". Штабъ боевыхъ дружинъ поэтому рѣшилъ повести партизанскую войну на территоріи старой столицы. Дружинникамъ были даны слѣдующія

*) Это составляло 3,4 проц. общаго ихъ числа.

„техническія указанія“ *): „Дѣйствуйте небольшими отрядами Противъ сотни казаковъ ставьте одного-двухъ стрѣлковъ Попасть въ сотню легче, чѣмъ въ одного, особенно если этотъ одинъ неожиданно стрѣляетъ и неизвѣстно куда исчезаетъ... Пусть нашими крѣпостями будутъ проходные дворы и всѣ мѣста, изъ которыхъ легко стрѣлять и легко уйти“

Расчетъ былъ таковъ: солдаты будутъ стрѣлять, попадая не въ скрывшихся дружинниковъ, а въ мирное населеніе; это озлобитъ его, и побудитъ примкнуть къ возстанію.

По всему городу строились баррикады — по большей части изъ опрокинутыхъ саней или телѣгъ, и выломанныхъ воротъ, съ фундаментомъ изъ снѣга. Баррикадъ было много, но ихъ вообще не защищали; онѣ должны были только задерживать движеніе войскъ, и облегчать возможность обстрѣла изъ оконъ.

Такая тактика позволяла вести борьбу, почти не неся потерь: дружинники стрѣляли въ войска и тотчасъ скрывались въ лабиринтѣ внутреннихъ дворовъ. Они подстрѣливали отдѣльныхъ городовыхъ, стоявшихъ на посту. Власти не сразу справились съ этой формой борьбы. Зато драгуны и казаки, которые сначала дѣйствовали неохотно, озлобились и съ подлиннымъ азартомъ гонялись по городу за неуловимымъ противникомъ. „Можно ли считать мужествомъ стрѣльбу изъ-за угла, изъ подворотни, изъ форточки?“ — писалъ въ „Новомъ Времени“ (23 дек.) „Москвичъ“: „Выстрѣлить... а затѣмъ удирать черезъ заборы и проходные дворы, заставляя за свою храбрость расчитываться мирныхъ гражданъ жизнью и кровью — куда какое мужество и героизмъ, не поддающійся описанію“.

Былъ изданъ приказъ, предписывающій дворникамъ держать ворота на запорѣ. Дружины отвѣтили контръ-приказомъ: дворниковъ, запирающихъ ворота, избивать, а при повтореніи — убивать. Нѣсколько домовъ, изъ оконъ которыхъ стрѣляли, подверглись артиллерійскому обстрѣлу.

Возстаніе не разгоралось, но и партизанская война не прекращалась. Она тянулась съ 9-го по 14-ое декабря — среди казаковъ и драгунъ начало сказываться физическое утомленіе — когда адм. Дубасовъ обратился по прямому проводу въ Царское Село къ Государю. Онъ объяснилъ положеніе и подчеркнулъ, какое значеніе имѣетъ исходъ борьбы въ Москвѣ. Государь отдалъ приказъ отправить на подмогу лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.

---

*) Л. Троцкій. 1905-й годъ.

Утомленіе ощущалось въ войскахъ, но и обывателю надоѣла стрѣльба, дружинники все меньше находили доброхотныхъ помощниковъ при постройкѣ баррикадъ, все чаще наталкивались на опредѣленную враждебность, на добровольную милицію, организованную союзомъ русскихъ людей. Прибытіе 15 декабря Семеновскаго полка въ Москву окончательно рѣшило судьбу революціоннаго выступленія. Дружинники стали отходить за городъ. Передъ уходомъ, они еще явились на квартиру начальника охраннаго отрѣленія Войлошникова и разстрѣляли его, несмотря на мольбы его дѣтей.

„Главной „коммуникаціонной линіей" революціонеровъ была Московско-Казанская дорога. Отрядъ Семеновцевъ, съ полк. Риманомъ во главѣ, двинулся вдоль этой дороги, занимая станціи и разстрѣливая захваченныхъ съ оружіемъ дружинниковъ. Въ городѣ стрѣльба затихла. Только въ рабочемъ кварталѣ Прѣсня, высоко поднимающемся надъ извилиной Москвы-рѣки, революціонеры держались на два-три дня дольше. Наконецъ 18 декабря, послѣ артиллерійскаго обстрѣла, и Прѣсня была занята — безъ боя — отрядомъ семеновцевъ. Энергія адм. Ф. В. Дубасова и ген. Г. А. Мина сломила безъ большихъ жертвъ попытку вооруженнаго возстанія: за десять дней борьбы, общее число убитыхъ и раненыхъ не превысило двухъ тысячъ.

Всеобщая забастовка кончилась фактически раньше прекращенія борьбы въ Москвѣ. 19 декабря еще вспыхнуло возстаніе въ Ростовѣ-на-Дону, но черезъ два дня и оно было подавлено.

Послѣ этого оставалось только возстановить порядокъ на окраинахъ. Самую серьезную проблему представляла Сибирь. Съ первой всеобщей забастовки Сибирская дорога находилась фактически въ управленіи стачечныхъ комитетовъ. На дорогѣ образовалось нѣсколько революціонныхъ опорныхъ пунктовъ. Молва пріумножила ихъ силу и значеніе. Было извѣстно, что забастовщики пропускаютъ поѣзда съ запасными, возвращающимися изъ Манчжуріи, но по дорогѣ подвергаютъ ихъ революціонной „обработкѣ". Командованіе на Д. Востокѣ растерялось. Ген. Линевичъ вошелъ въ соглашеніе со стачечнымъ комитетомъ для эвакуаціи запасныхъ. Питаясь смутными слухами о русской революціи, манчжурская армія глухо волновалась. Происходили офицерскіе и солдатскіе митинги.

„Реакція выдвигаетъ Игнатьева и ломитъ Витте", записывалъ Куропаткинъ 23 декабря въ своемъ дневникѣ. „Николай Николаевичъ добивается военной диктатуры". Ген. Линевичъ — въ бесѣдѣ съ Куропаткинымъ — „не признаетъ нужнымъ бороться противъ крайнихъ

партій. Нѣсколько разъ повторялъ, что порядокъ не будетъ возстановленъ въ Россіи, пока не явится свой Наполеонъ, способный сломить все и всѣхъ... Ужъ не мнитъ ли онъ себя?"...

28 декабря, командованіе манчжурской арміей получило черезъ Шанхай телеграмму Государя отъ 14 декабря, возлагающую на ген. Ренненкампфа возстановленіе порядка на Сибирской, Забайкальской и Китайской ж. д. Ген. Линевичъ и Куропаткинъ были смущены: сначала возникла мысль „пустить Ренненкампфа въ качествѣ туриста"... Куропаткинъ считалъ нужнымъ, чтобы дѣятельность Ренненкампфа „регламентировалась постановленіями Г. Думы (?)". Но трудно было не исполнить прямой приказъ Государя.

Въ это время Государь нашелъ болѣе быстраго исполнителя. Ген. Меллеръ-Закомельскій принялъ порученіе — очистить отъ революціонеровъ Великій Сибирскій путь. Въ ночь на Новый Годъ, съ отрядомъ всего въ двѣсти человѣкъ, подобраннымъ изъ варшавскихъ гвардейскихъ частей, онъ выѣхалъ изъ Москвы на экстренномъ поѣздѣ. Такое предпріятіе могло показаться безуміемъ: говорили, что въ Читѣ многотысячное революціонное войско, что запасные, возвращающіеся изъ Манчжуріи — а въ пути ихъ были десятки тысячъ — утратили всякую дисциплину. Но горсть людей съ рѣшительнымъ командиромъ оказалась сильнѣе анархической стихіи. .

Меллеръ-Закомельскій дѣйствовалъ круто: встрѣтивъ на ст. Узловой первый поѣздъ съ распустившимися запасными, онъ вывелъ свой отрядъ, выстроилъ половину его на платформѣ, а другая часть обходила вагоны и прикладами выгоняла солдатъ, размѣстившихся въ офицерскихъ купэ. Когда на одной станціи въ вагонъ его поѣзда проникли два агитатора, они были выброшены на полномъ ходу. Двухъ-трехъ такихъ фактовъ, разнесенныхъ телеграфомъ, было достаточно, чтобы слѣдующіе встрѣчные поѣзда съ запасными уже сами „приводили себя въ порядокъ", и попытокъ агитировать среди чиновъ отряда больше не было.

На станціи Иланской революціонная толпа заперлась въ ж. д. депо и пробовала отстрѣливаться. Отрядъ Меллеръ-Закомельскаго отвѣчалъ правильными залпами; 19 было убито, 70 ранено, остальные сдались. Послѣ этого попытокъ сопротивленія уже не было. На двухъ станціяхъ были разстрѣляны стачечные комитеты. Отрядъ въ двѣсти человѣкъ быстро продвигался по Сибири, и революціонеры, не думая о сопротивленіи, спѣшили скрыться съ его пути. Страхъ передъ отрядомъ Меллеръ-Закомельскаго былъ такъ великъ, что Чита, — гдѣ красные господствовали почти три мѣсяца, гдѣ мѣстный губернаторъ

Холщевниковъ называлъ соціалъ-демократовъ „партіей порядка“, гдѣ въ рукахъ революціоннаго комитета были вагоны съ 30.000 ружей, — поспѣшила безъ боя сдаться ген. Ренненкампфу, подходившему съ востока, отъ манчжурской границы, чтобы не попасть въ руки „страшнаго“ отряда. Экспедиція ген. Меллеръ-Закомельскаго показала, какъ порою суровость, примѣненная во-время, можетъ предотвратить большія кровопролитія.

Чита сдалась 20 января. Сибирскій путь былъ свободенъ. Генералы Куропаткинъ и Линевичъ, не совершившіе ничего противозаконнаго, но не сумѣвшіе справиться съ положеніемъ, были смѣщены въ началѣ февраля приказомъ Государя. Командующимъ войсками на Д. Востокѣ былъ назначенъ ген. Гродековъ. 9 февраля ген. Меллеръ-Закомельскій уже представлялъ Государю свой отрядъ въ Царскомъ Селѣ.

Русское общество въ декабрѣ пережило глубокій психологическій кризисъ. Третья всеобщая забастовка и попытка возстанія въ Москвѣ далеко не встрѣчали всеобщаго сочувствія интеллигенціи. Повелительный тонъ революціонныхъ органовъ начиналъ раздражать; насильническій характеръ крайнихъ партій вызывалъ отталкиваніе. П. Б. Струве въ „Полярной Звѣздѣ“ писалъ (15 декабря): „Мы заклятые враги всякаго насилія, исходитъ ли оно отъ власти или отъ анархіи“.

Еще смѣлѣе критиковалъ поведеніе общества кн. Гр. Н. Трубецкой: „Какъ была осуществлена свобода слова? .. Правда, въ критикѣ и осужденіи правительства никто не стѣснялся. Заслуги ораторовъ и публицистовъ въ этомъ отношеніи были, однако, невелики, потому что противъ поверженнаго льва отваживаются, какъ извѣстно, и не очень храбрыя животныя... Но противъ новой силы, которой всѣ повѣрили и поклонились, потому что въ рукахъ ея сверкнула давно знакомая, любезная сердцу обывателя палка — много ли нашлось отважныхъ и смѣлыхъ рѣчей?.. Не чувствовалось-ли... что вмѣсто старой поношенной ливреи люди съ какой-то странной поспѣшностью и самодовольствомъ торопятся облечься въ новенькіе холопскіе доспѣхи, и на голову надвинуть номерной картузъ, на которомъ красуется надпись „свобода“?“.

Д. С. Мережковскій выступилъ со статьею „Грядущій Хамъ“, направленной противъ грозящаго царства черни, хотя онъ тутъ же пытался оговорить, что этого „Хама“ онъ усматриваетъ — въ „черной сотнѣ“.

Но когда революціонное движеніе потерпѣло полный крахъ, когда

„начальство вернулось“ и жизнь вошла опять въ колею, русское общество также вернулось къ своей обычной роли, и принялось жалѣть побѣжденныхъ революціонеровъ и страстно возмущаться дѣйствіями власти. Умѣренный „Вѣстникъ Европы“ писалъ о „превышеніи самообороны“; болѣе лѣвые органы изо дня въ день выступали съ „обличительными матеріалами“, возмущаясь разстрѣлами дружинниковъ и разгромомъ домовъ, какъ будто не революціонеры въ теченіе цѣлой недѣли охотились изъ-за угла за полицейскими и солдатами.

Общество жадно подхватывало всякое обличеніе. Во время аграрныхъ безпорядковъ въ Полтавской губерніи, въ селѣ Сорочинцы, толпою крестьянъ былъ убитъ стражникъ. Пріѣхавшій для слѣдствія совѣтникъ Филоновъ велѣлъ крестьянамъ стать на колѣни и покаяться. Эта форма репрессіи вызвала страстное обличительное письмо извѣстнаго писателя В. Г. Короленко въ мѣстной газетѣ „Полтавщина“; черезъ нѣсколько дней Филоновъ былъ убитъ неизвѣстнымъ. Самъ Короленко послѣ этого смущенно писалъ о „вмѣшательствѣ, котораго я не могъ ни желать, ни предвидѣть“...

Еще болѣе нашумѣло „дѣло Спиридоновой“. Совѣтникъ губернскаго правленія Луженовскій, ѣздившій прекращать аграрные безпорядки въ Тамбовской губ., былъ смертельно раненъ пулей въ животъ на вокзалѣ въ Тамбовѣ. Стрѣляла въ него М. Спиридонова, дѣвушка лѣтъ 18-ти; возмущенная толпа сильно ее избила; ее повезли въ тюрьму. Оттуда она прислала письмо бредового характера, обвиняя арестовавшихъ ее офицеровъ во всяческихъ истязаніяхъ и оскорбленіяхъ. Произведенное слѣдствіе не подтвердило этихъ обвиненій, и сама Спиридонова на судѣ уже не повторяла ихъ. „Какъ можно было галлюцинаціи больного, тяжело ушибленнаго человѣка печатать въ качествѣ важнаго обвинительнаго матеріала?“ — основательно спрашивали „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Но какъ и въ дѣлѣ Филонова, эти „обличенія“ стоили человѣческихъ жизней: оба офицера, которыхъ называла Спиридонова, были убиты въ ближайшіе мѣсяцы; убійцы ихъ скрылись безслѣдно. Вообще въ началѣ 1906 года необыкновенно увеличилось число террористическихъ актовъ.

Къ концу 1905 г. финансовое положеніе власти было нелегкимъ Налоги почти не поступали. Золотой запасъ Гос. Банка сильно сократился; не столько манифестъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, сколько паника, охватившая состоятельные круги, была тому причиной. В. Н. Коковцову было поручено проѣхать во Францію, чтобы получить внѣшній заемъ. Такое порученіе въ разгаръ московскихъ событій

могло казаться безнадежнымъ. Но Государь учитывалъ и событія, происходившія за предѣлами Россіи. Въ началѣ 1906 г. должна была собраться Алжезирасская конференція. Франціи была нужна дипломатическая поддержка. Одного слова Государя о томъ, что Россія поддержитъ Францію въ марокккскомъ вопросѣ, оказалось достаточно, чтобы французскій премьеръ Рувье приложилъ всѣ усилія для удовлетворенія финансовыхъ нуждъ союзнаго правительства. Россія получила краткосрочный кредитъ въ 150 милл. р., съ обѣщаніемъ большого займа по окончаніи марокккскаго кризиса.

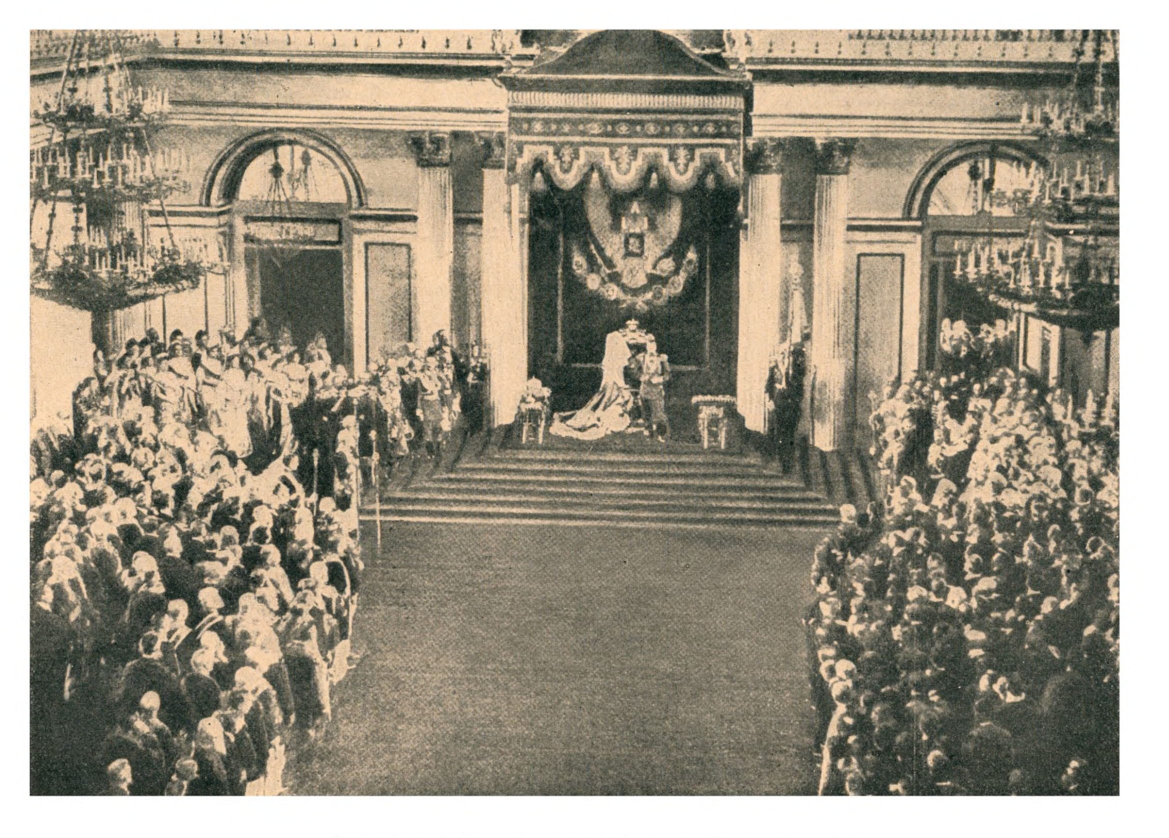
Графъ Витте номинально оставался у власти еще свыше четырехъ мѣсяцевъ послѣ декабрьской побѣды надъ революціей; но руководство событіями съ начала декабря фактически снова перешло въ руки Государя. Это сказывалось во всѣхъ областяхъ. Военныя и полицейскія власти дѣйствовали совершенно независимо отъ Совѣта министровъ, и самъ премьеръ, отказавшись отъ самостоятельной политики, „плылъ по теченію".

„Витте, послѣ московскихъ событій, рѣзко измѣнился" — писалъ Государь Своей матери 12 января. — „Теперь онъ хочетъ всѣхъ вѣшать и разстрѣливать. Я никогда не видѣлъ такого хамелеона... Благодаря этому свойству своего характера, почти никто ему больше не вѣритъ, онъ окончательно потопилъ себя въ глазахъ всѣхъ... Мнѣ очень нравится новый министръ юстиціи Акимовъ... Дурново дѣйствуетъ прекрасно... Остальные министры — люди sans importance!".

17 декабря Государь принялъ трехъ митрополитовъ и бесѣдовалъ съ ними о созывѣ церковнаго собора. 27 декабря Онъ обратился съ рескриптомъ къ с.-петербургскому митрополиту Антонію. Напомнивъ, что еще весною возникала мысль о созывѣ Собора, Государь писалъ: „Нынѣ я признаю вполнѣ благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной церкви... Предлагаю вамъ опредѣлить время созванія этого собора".

Для подготовки созыва образовано было предсоборное присутствіе, приступившее къ работамъ 6 марта. Въ немъ участвовало человѣкъ пятьдесятъ, въ томъ числѣ десять іерарховъ. Оно раздѣлилось на семь отдѣловъ, вѣдавшихъ различными вопросами. Предсѣдательствовалъ Митрополитъ Антоній. Видное участіе въ работахъ принималъ оберъ-прокуроръ Сунода, кн. А. Д. Оболенскій.

Въ январѣ 1906 г., Государю довелось снова подойти къ больному вопросу русской жизни, поставленному на очередь четыре года передъ тѣмъ, но отодвинутому войной и революціонной смутой: къ земельному вопросу. Еще манифестомъ 3 ноября 1905 г. были отмѣнены

Открытіе 1-ой Государственной Думы въ Зимнемъ дворцѣ.
27 Апрѣля 1906 г.

выкупные платежи — единственный крупный прямой налогъ, лежавшій на деревнѣ. Въ обществѣ ходили слухи о томъ, будто Государь, передъ выборами въ Г. Думу, намѣренъ обѣщать крестьянамъ помѣщичьи земли (въ видѣ наказанія земцамъ за участіе въ смутѣ) и этимъ пріобрѣсти поддержку крестьянъ въ борьбѣ съ „освободительнымъ движеніемъ". Такіе замыслы были совершенно чужды Государю: Онъ и не помышлялъ „покупать голоса крестьянъ" путемъ нарушенія права частной собственности. Къ тому же, Онъ полагалъ, что выходъ — не въ сокращеніи частной земельной собственности, а скорѣе въ ея распространеніи и на крестьянъ.

Принимая 18 января депутацію крестьянъ Курской губ., Государь сказалъ: „Всякое право собственности неприкосновенно; то, что принадлежитъ помѣщику, принадлежитъ ему; то, что принадлежитъ крестьянину, принадлежитъ ему. Земля, находящаяся во владѣніи помѣщика, принадлежитъ ему на томъ же неотъемлемомъ правѣ, какъ и ваша земля принадлежитъ вамъ".

Междувѣдомственное совѣщаніе во второй половинѣ января отвергло проектъ главноуправляющаго вѣдомствомъ земледѣлія, Н. Н. Кутлера, предусматривавшій принудительное отчужденіе арендуемыхъ земель; Н. Н. Кутлеръ подалъ въ отставку.

Позиція Государя въ аграрномъ вопросѣ была государственной, открытой и честной, но передъ „крестьянскими" выборами въ Г. Думу она давала противникамъ власти опасное демагогическое орудіе въ руки.

Революціонныя партіи ушли „въ подполье". Изъ Союза Освобожденія, земскихъ конституціоналистовъ и части элемента „Союза Союзовъ" сложилась конституціонно-демократическая партія. Ея учредительный съѣздъ происходилъ во время первой всеобщей забастовки; въ ноябрѣ и декабрѣ она не играла никакой роли, и только отливъ революціи выдвинулъ к.-д на первый планъ. На съѣздѣ въ началѣ января партія высказалась за конституціонную и парламентарную монархію (вопросъ этотъ въ октябрѣ былъ оставленъ открытымъ) и рѣшила готовиться къ выборамъ въ Г. Думу, въ отличіе отъ болѣе лѣвыхъ группъ, призывавшихъ къ бойкоту.

Въ началѣ февраля собрался съѣздъ союза 17 октября. На немъ обнаружилось, что провинція значительно правѣе либеральнаго центра; и въ то время, какъ ораторы центральнаго комитета, М. А. Стаховичъ, А. И. Гучковъ, критиковали дѣйствія власти и требовали отмѣны исключительныхъ положеній, провинція реагировала совсѣмъ иначе. „Мы тѣмъ самымъ подпишемъ разрѣшеніе на вторую револю-

цію!" — воскликнулъ минскій делегатъ Чигиревъ. — „Только при военномъ положеніи мирные граждане вздохнули свободно" — говорили другіе. Резолюція объ отмѣнѣ чрезвычайныхъ положеній собрала 142 голоса противъ 140 и Центральный Комитетъ, для избѣжанія раскола, предпочелъ отъ нея отказаться. Зато другая резолюція съѣзда — о созывѣ Гос. Думы не позже конца апрѣля — получила быстрое удовлетвореніе: 14 февраля открытіе Думы было назначено на 27 апрѣля.

20 февраля изданъ былъ манифестъ, развивавшій, дополнявшій — и вводившій въ извѣстныя рамки — общіе принципы, провозглашенные 17 октября. Въ немъ указывалось, что за Государемъ остаются всѣ права, кромѣ тѣхъ, которыя Онъ раздѣляетъ съ Гос. Думой и Гос. Совѣтомъ, состоящимъ наполовину изъ назначенныхъ, наполовину изъ выборныхъ членовъ. „Не есть ли безспорно заключенное въ манифестѣ 20 февраля юридическое подтвержденіе того, что самодержавіе упразднено — пріятный сюрпризъ?" — писалъ П. Б. Струве въ „Полярной Звѣздѣ".

4 марта были обнародованы временныя правила о союзахъ и собраніяхъ. Существеннымъ ограниченіемъ правъ Гос. Думы были бюджетныя правила 8 марта. Они устанавливали, что цѣлый рядъ частей бюджета считается, какъ выражались тогда, „забронированнымъ". Платежи по государственному долгу, бюджетъ министерства Двора, военный и морской бюджеты могли измѣняться только въ законодательномъ порядкѣ, т. е. съ согласія Думы и Совѣта и съ утвержденія Государя. По тѣмъ же правиламъ, при расхожденіи между Думой и Совѣтомъ принималась цифра, болѣе близкая къ прошлогодней смѣтѣ. Въ случаѣ неутвержденія въ срокъ или отклоненія бюджета, въ силѣ оставалась смѣта предыдущаго года.

Вопросъ о смыслѣ слова **самодержавіе** оживленно обсуждался въ печати Одни толковали его какъ неограниченность, другіе, ссылаясь на исторію, говорили, что это означаетъ лишь внѣшнюю независимость отъ какой либо другой державы.

Принимая 16 февраля депутацію Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партіи, Государь сказалъ: „Передайте всѣмъ уполномочившимъ васъ, что реформы, Мною возвѣщенныя 17 октября, будутъ осуществлены неизмѣнно, и права, которыя Мною даны одинаково всему населенію, неотъемлемы; **Самодержавіе же Мое останется такимъ, какъ оно было встарь".**

Русское Собраніе выпустило особый листокъ, излагавшій его точку зрѣнія: „Могутъ когда нибудь наступить обстоятельства, при

которыхъ Русскій Царь будетъ нравственно обязанъ для блага своего народа дѣйствовать помимо Гос. Думы и даже отмѣнить манифестъ 17 октября... Пусть никто не пытается превращать этотъ манифестъ въ обязательство извнѣ наложенное на Царя, и придавать ему форму какого либо договора или двусторонняго акта"

Алжезирасская конференція была благополучно доведена до конца, и В. Н. Коковцовъ снова прибылъ (въ мартѣ) въ Парижъ для заключенія большого займа (на милліардъ рублей) для ликвидаціи военныхъ счетовъ (гл. обр. — на погашеніе краткосрочныхъ займовъ) и для покрытія дефицита революціоннаго года. Лѣвые круги вели кампанію противъ этого займа; пріѣзжали въ Парижъ съ тою же цѣлью и русскіе либералы; но ихъ усилія не имѣли никакого успѣха, и они потомъ не любили объ этомъ вспоминать. Французское правительство считалось съ реальнымъ фактомъ отлива революціи и было заинтересовано въ укрѣпленіи франко-русскаго союза, сильно расшатаннаго событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ; Алжезирасская конференція показала, насколько цѣнной является русская поддержка. Поэтому, хотя кабинетъ Рувье смѣнился кабинетомъ Саррьена въ самый разгаръ переговоровъ, даже новый министръ внутреннихъ дѣлъ Клемансо не подумалъ возражать противъ займа, и заявилъ русскому послу, что выпады противъ „царизма" на столбцахъ его газеты не слѣдуетъ „принимать близко къ сердцу": мало ли что пишутъ безотвѣтственные журналисты!

Заемъ былъ выпущенъ въ апрѣлѣ; онъ имѣлъ большой успѣхъ въ публикѣ. „Плюю тебѣ въ глаза, прекрасная Франція!" — возмущенно восклицалъ Максимъ Горькій.

Выборы въ Гос. Думу начались въ мартѣ. Первые результаты не давали ясной картины; но чѣмъ дальше шли выборы, тѣмъ явственнѣе опредѣлялась побѣда партіи к.-д. Она оказалась самой лѣвой на этихъ выборахъ и привлекла къ себѣ всю безпартійную недовольную массу. Умѣренныя группы, возглавлявшіяся Союзомъ 17 октября, и правые подъ названіемъ „монархистовъ" или „союза русскаго народа", оказались не въ состояніи конкуррировать съ нею.

Въ Петербургѣ к.-д. собрали 40.000 голосовъ, умѣренный блокъ — 18.000, монархисты — 3.000; въ Москвѣ к.-д. имѣли 26.000, октябристы — 12.000, монархисты 2.000. Тѣ же результаты получались почти во всей провинціи; только въ городахъ юго-запада процентъ монархистовъ былъ значительно больше, но и тамъ, при помощи еврейскихъ и польскихъ голосовъ, большинство получили к.-д.

Когда выборщики съѣхались въ губернскіе города, то выяснилось, что крестьяне имѣютъ двѣ тенденціи: провести въ Думу какъ можно больше своихъ депутатовъ — и поддерживать тѣхъ, кто обѣщаетъ имъ „землю". Почти всѣ губерніи послали въ Гос. Думу к.-д. и безпартійныхъ крестьянъ — (которые въ большинствѣ затѣмъ оказались „лѣвѣе к.-д.", въ составѣ „трудовой группы"). Правые и умѣренные проходили только въ видѣ исключенія. Невольно вставалъ вопросъ: куда же растаяли многотысячныя толпы, возставшія въ октябрѣ противъ революціоннаго движенія? На съѣздѣ монархистовъ въ Москвѣ, въ началѣ апрѣля, обсуждали этотъ вопросъ, но отвѣта не нашли. Вѣрнѣе всего, что причинъ было нѣсколько: часть — всѣ тѣ, кто не имѣлъ отдѣльной квартиры — осталась за предѣлами избирательнаго закона; другіе не интересовались выборами; наконецъ, весьма многіе возмущались революціонными выходками, но ничего не имѣли противъ „заманчивыхъ перспективъ", рисовавшихся „кадетскими" ораторами. Какъ бы то ни было, выборы въ Первую Думу были тяжкимъ разочарованіемъ и для власти, и для умѣренныхъ и правыхъ партій.

Въ началѣ апрѣля въ Царскомъ Селѣ происходило обсужденіе проекта основныхъ законовъ. Въ немъ повторялись положенія манифеста 20 февраля; существенной чертой было то, что пересмотръ Основныхъ Законовъ допускался только **по почину Государя.** Составъ совѣщанія былъ обычный. Самымъ спорнымъ вопросомъ оказалась 4-я статья проекта: „Императору Всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть". Въ прежнемъ текстѣ стояло „самодержавная и **неограниченная**".

Государь (въ совѣщаніи 9 апрѣля) высказался по этому поводу: „Вотъ — главнѣйшій вопросъ... Цѣлый мѣсяцъ я держалъ этотъ проектъ у себя. Меня все время мучаетъ чувство, имѣю ли я передъ моими предками право измѣнить предѣлы власти, которую я отъ нихъ получилъ... Актъ 17 октября данъ мною вполнѣ сознательно и я твердо рѣшилъ довести его до конца. Но я не убѣжденъ въ необходимости при этомъ отречься отъ правъ и измѣнить опредѣленіе верховной власти, существующее въ статьѣ 1 Основныхъ Законовъ уже 109 лѣтъ. Можетъ быть обвиненіе въ неискренности, — не къ правительству, но ко мнѣ лично? Принимаю на себя укоры, — но съ чьей они стороны? Увѣренъ, что 80 проц. народа будутъ со мною. Это дѣло моей совѣсти и я рѣшу его самъ".

Заявленіе Государя вызвало необычайное волненіе въ совѣщаніи:

„**Витте.** Этимъ вопросомъ разрѣшается все будущее Россіи...

Государь. Да.

Витте. Если Ваше Величество считаете, что не можете отречься отъ неограниченной власти, то нельзя писать ничего другого. Тогда нельзя и переиздавать основные законы.

Гр. Паленъ. Я не сочувствовалъ 17-му октября, но оно есть. Вамъ, Государь, было угодно ограничить свою власть.

М. Г. Акимовъ. Если сказать „неограниченный" — это значитъ бросить перчатку. Если изданные законы губятъ Россію, то Вамъ придется сдѣлать coup d'Etat. Но теперь сказать это нельзя".

Члены Гос. Совѣта **Сабуровъ,** графъ **Сольскій** и **Фришъ** высказались въ томъ же смыслѣ.

„**В. К. Николай Николаевичъ.** Манифестомъ 17 октября слово „неограниченный" В. И. В. уже вычеркнули.

П. Н. Дурново. Послѣ актовъ 17 октября и 20 февраля, неограниченная монархія перестала существовать.

Кн. А. Д. Оболенскій. Вычеркнувъ „неограниченный", оставить „самодержавный".

Государь. Свое рѣшеніе я скажу потомъ".

Обсужденіе проекта продолжалось 11 и 13 апрѣля. Когда оно закончилось, гр. Сольскій обратился къ Государю съ вопросомъ: „Какъ изволите приказать — сохранить или исключить слово неограниченный?

Государь. Я рѣшилъ остановиться на редакціи совѣта министровъ.

Гр. Сольскій. Слѣдовательно, исключить слово „неограниченный"?

Государь. Да — исключить".

21 апрѣля открылся съѣздъ к.-д. партіи. Обсуждалась тактика въ Г. Думѣ. Шла борьба между лѣвыми и болѣе умѣренными. Во время съѣзда была получена телеграмма о покушеніи на адм. Дубасова: часть съѣзда разразилась аплодисментами. Оказалось, по счастью, что адм. Дубасовъ невредимъ; но убиты были его адъютантъ гр. Коновницынъ и бросившій бомбу.

23 апрѣля была опубликована отставка Витте. Его преемникомъ назначался И. Л. Горемыкинъ. Одновременно съ Витте ушли не только „его" министры, но и П. Н. Дурново, и даже министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Ламздорфъ. Гос. Думу долженъ былъ встрѣтить совершенно новый составъ правительства.

Либеральный журналъ „Свобода и Культура" помѣстилъ „политическій некрологъ" б. премьера: „Графъ Витте — совсѣмъ не реак-

ціонеръ, а просто человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій... Для того, чтобы занять первое мѣсто, онъ долженъ былъ заявить себя въ октябрѣ рѣшительнымъ сторонникомъ общей реформы. Для того, чтобы укрѣпить свое положеніе онъ не призадумался затѣмъ заключить тѣсный союзъ съ П. Н. Дурново. Если бы въ высшихъ сферахъ созрѣло твердое намѣреніе вернуться вспять къ неограниченному самодержавію, и предпріятіе не было бы, по мнѣнію гр. Витте, обречено на быстрое крушеніе — онъ, конечно, не преминулъ бы стать во главѣ такого дѣла... И послѣ всего, что случилось, это единственная роль, которая могла бы возвратить снова гр. Витте къ власти".

Эти слова были пророческими — гр. Витте не разъ затѣмъ выдвигалъ себя на такую роль; но онъ встрѣтилъ неодолимое препятствіе: „Нѣтъ, никогда, **пока я живъ,** не поручу я этому человѣку самаго маленькаго дѣла! Довольно съ меня прошлогодняго опыта", — писалъ Государь Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (2. XI. 1906).

Новые Основные Законы, съ такимъ трудомъ прошедшіе черезъ горнило царскосельскаго совѣщанія, были опубликованы 26 апрѣля. Съѣздъ, к.-д., въ своемъ заключительномъ засѣданіи, принялъ, по предложенію П. Н. Милюкова, рѣзкую резолюцію: „Наканунѣ открытія Гос. Думы правительство рѣшило бросить русскому народу новый вызовъ. Гос. Думу, средоточіе надеждъ изстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократическаго правительства. Никакія преграды, создаваемыя правительствомъ, не удержатъ народныхъ избранниковъ отъ исполненія задачъ, которыя возложилъ на нихъ народъ".

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Открытіе І-й Думы; ея составъ; слово Государя; требованія амнистіи. — Пренія объ отвѣтномъ адресѣ; отклоненіе поправки Стаховича объ осужденіи террора. — Декларація кабинета Горемыкина. — Борьба вокругъ вопроса о смертной казни. — Погромъ въ Бѣлостокѣ. — Толки о думскомъ кабинетѣ. — Обращеніе Думы къ странѣ по аграрному вопросу. — Роспускъ І-й Думы.

Выборгское воззваніе. — Правительство Столыпина. — Бунты (Свеаборгъ, Кронштадтъ). — „Кровавое воскресенье" въ Варшавѣ. — Взрывъ на Аптекарскомъ островѣ. — Программа реформъ и военно-полевые суды. — Гучковъ и Столыпинъ. — Переломъ настроенія. — Разложеніе террора.

Эра реформъ: законъ о равноправіи крестьянъ; созданіе земельнаго фонда; законъ 9 ноября 1906 г. о выходѣ изъ общины.

Выборы во ІІ-ю Думу. — Успѣхи лѣвыхъ и правыхъ. — Декларація кабинета Столыпина; „не запугаете". — Земельный вопросъ въ Думѣ. — Зурабовскій инцидентъ. — Военный заговоръ съ участіемъ депутатовъ с.-д. — Роспускъ ІІ Думы.

Новый избирательный законъ. — Манифестъ 3 іюня 1907 г. о „доведеніи до конца дѣла преобразованія".

Въ день открытія первой Государственной Думы въ „Новомъ Времени" появилась необычная статья: „Государь страдалъ", — говорилось въ ней. „На Немъ много отразилось. Мыши изъ подполья разбѣжались, — поѣли сыра и были таковы. А Государь — Онъ все остается, и на Немъ мучительнѣе, чѣмъ на комъ-либо, отразилось все происшедшее за 1904, 1905, 1906-й года..."

Дѣйствительно, для Государя эти годы были исключительно тяжелыми по великой отвѣтственности, лежавшей на Немъ, и по той борьбѣ, и внѣшней и внутренней, которую Ему пришлось пережить. Его рѣшенія неизмѣнно вызывали нападки — зачастую съ противоположныхъ сторонъ. Безотвѣтственные критики обвиняли Его въ слабости; противники власти, вкладывая свой собственный смыслъ въ слова Его указовъ и манифеста, утверждали, что данныя обѣщанія не были исполнены. Но мятежъ былъ подавленъ и Дума была созвана.

„Государю виднѣе" — писало далѣе „Новое Время". — „Да, тронъ выше всего и много видно съ него, чего не видно съ креселъ и стульевъ, трибунъ и кафедръ... Государь знаетъ гораздо больше каждаго изъ насъ. Возблагодаримъ Его. А если и не сумѣетъ теперешнее поколѣніе,въ торопливости мятущихся дней, оцѣнить величіе и индивидуальность подвига Государя, то тѣмъ выше, во исправленіе настоящаго, подниметъ Его имя историкъ".

Императоръ Николай II, конечно, не былъ поклонникомъ представительнаго образа правленія. Онъ не питалъ иллюзій относительно настроеній общества. С. Е. Крыжановскій присутствовалъ (въ концѣ 1905 г.) при разговорѣ Государя съ гр. Витте, и отмѣчаетъ, какъ Онъ „съ явнымъ раздраженіемъ отмахнулся отъ сладкихъ словъ графа, когда тотъ сталъ доказывать, что въ лицѣ народнаго представительства Государь и правительство найдутъ опору и помощь. „Не говорите мнѣ этого, Сергѣй Юльевичъ, я отлично понимаю, что создаю себѣ не помощника, а врага, но утѣшаю себя мыслью, что мнѣ удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы въ будущемъ обезпечить Россіи путь спокойнаго развитія, безъ рѣзкаго нарушенія тѣхъ устоевъ, на которыхъ она жила столько времени"

Государь считалъ, что неограниченное самодержавіе, въ идеалѣ, выше и совершеннѣе. Но годы правленія создали въ Немъ убѣжденіе, что въ Россіи начала XX-го вѣка, и, прежде всего, — въ русскомъ образованномъ обществѣ, этотъ строй не находитъ достаточнаго числа убѣжденныхъ, не за страхъ, а за совѣсть, исполнителей монаршей воли. Оппозиція земствъ, неудача „зубатовскаго" движенія, перебои и медлительность государственнаго аппарата во время японской войны, — все это объяснялось, въ конечномъ счетѣ, тою же причиной — недостаткомъ идейно преданныхъ строю образованныхъ людей. Этого недостатка не могла восполнить преданность народной массы, въ которую Государь глубоко продолжалъ вѣрить.

Чтобы облегчить русскому обществу работу на пользу отечества,

Государь вступилъ на путь реформы, опасность и отрицательныя стороны которой Онъ все время живо ощущалъ. Ни на минуту Его не оставляло сознанiе **отвѣтственности за Россiю,** — не только за собственныя ошибки или упущенiя, но и за какое-либо **попустительство.** Безотвѣтственность конституцiоннаго монарха либеральной доктрины показалось бы Ему преступнымъ умыванiемъ рукъ; и Государь поэтому тщательно заботился о томъ, чтобы всегда оставлять за Собою возможность послѣдняго рѣшенiя.

Манифестъ 17 октября этому не противорѣчилъ. Онъ только устанавливалъ, что безъ Гос. Думы не должно издаваться новыхъ законовъ. **Предѣлы** полномочiй, отведенныхъ Гос. Думѣ, манифестомъ установлены не были и толкованiе **самого законодателя** было, разумѣется, авторитетнѣе мнѣнiй противниковъ власти. Основные законы 26 апрѣля, въ общемъ, устанавливали строй близкiй къ тому, который былъ введенъ въ Пруссiи по конституцiи 1848 г.

Государь хотѣлъ включить народное представительство, какъ составную часть, въ государственный строй царской Россiи. Онъ отводилъ ему почетное мѣсто. Для засѣданiй Думы былъ избранъ Таврическiй Дворецъ (построенный въ концѣ XVIII-го вѣка кн. Потемкинымъ-Таврическимъ). Государь вмѣстѣ съ Государыней выработалъ церемонiалъ открытiя Думы; самъ Государь, отвергнувъ различные предложенные Ему проекты, составилъ и текстъ привѣтственнаго слова къ народнымъ представителямъ. День открытiя Думы былъ государственнымъ торжествомъ; колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ Россiи возвѣщалъ о знаменательномъ событiи. Государь зналъ, что среди выборныхъ есть непримиримые противники строя. Но Онъ считалъ существеннымъ, чтобы первое слово монарха было призывомъ къ совмѣстному служенiю отечеству. Онъ не отождествлялъ народныхъ избранниковъ съ той кровавой партизанской войной, которую продолжали вести съ государственной властью побѣжденныя въ открытомъ бою революцiонныя партiи. Дальнѣйшее должно было зависѣть отъ Думы: Государь хотѣлъ судить о народныхъ представителяхъ **по дѣламъ ихъ,** а не по докладамъ губернаторовъ или министровъ.

Къ моменту открытiя Думы было избрано около 450 депутатовъ *).

*) За время работъ Думы прибыли еще новые депутаты съ Кавказа и изъ Азiатской Россiи. Партiйный составъ до конца оставался нѣсколько расплывчатымъ. Въ Думѣ было около 170 к.-д., 100 трудовиковъ, 15 с.-д., 70 „автономистовъ" (поляки, литовцы и т. д.), 30 умѣренныхъ и правыхъ (26 изъ нихъ въ iюнѣ вошли

Изъ нихъ было почти двѣсти полуграмотныхъ крестьянъ и почти столько же людей съ высшимъ образованіемъ: Дума состояла изъ интеллигенціи и крестьянства. Крайнія партіи бойкотировали выборы, и поэтому с.-р. и с.-д. въ ней представлены не были *). Но свыше ста депутатовъ считали себя „лѣвѣй к.-д.", и образовали „трудовую группу". Особнякомъ стояли депутаты западнаго края, съ „польскимъ коло" во главѣ. Правыхъ и умѣренныхъ оказалось всего три-четыре десятка, причемъ только нѣсколько умѣренныхъ (М. А. Стаховичъ, гр. П. А. Гейденъ, кн. Н. С. Волконскій), были извѣстными политическими фигурами: ни одинъ изъ вождей правыхъ въ первую Думу не прошелъ.

Избранные противъ правительства, депутаты считали себя выразителями воли народа, которымъ по праву должна была бы принадлежать власть. Они исходили не изъ существующихъ законовъ, а изъ собственныхъ программъ, изъ своего „расширительнаго толкованія" манифеста 17 октября. Они шли — на борьбу. Террористическіе акты представлялись большинству изъ нихъ выраженіемъ законнаго народнаго возмущенія, а отвѣтныя правительственныя репрессіи — недопустимымъ насиліемъ.

27-ое апрѣля было солнечнымъ весеннимъ днемъ. Государь, всю зиму не покидавшій Царскаго Села, гдѣ Онъ, подъ бдительной охраной Д. Ф. Трепова, находился въ относительной безопасности, прибылъ съ утра въ Петербургъ на Императорской яхтѣ; Онъ посѣтилъ Петропавловскую крѣпость и долго молился у гробницы Своего отца.

Въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго Дворца былъ воздвигнутъ тронъ съ краснымъ и золотымъ балдахиномъ; на немъ покоилась императорская горностаевая порфира. Вдоль бѣлыхъ съ позолотою стѣнъ были отведены мѣста для членовъ законодательныхъ палатъ — справа для Гос. Совѣта, — раздѣленныя широкимъ проходомъ. На эстрадѣ Гос. Совѣта размѣстились также высшіе сановники въ шитыхъ золотомъ и усѣянныхъ орденами придворныхъ и военныхъ мундирахъ. Члены Думы стали собираться нѣсколько позже; большинство было въ сюртукахъ или крестьянскихъ одеждахъ.

Высочайшій выходъ начался съ отдаленныхъ звуковъ національнаго гимна. Въ залъ вошли скороходы въ старинныхъ одѣяніяхъ; за

въ группу „мирнаго обновленія") и 100 безпартійныхъ, почти исключительно крестьянъ.

*) Въ концѣ апрѣля съѣздъ с.-д. отмѣнилъ бойкотъ, и нѣсколько рабочихъ образовали въ Думѣ группу с.-д., которая затѣмъ пополнилась грузинскими депутатами съ Кавказа.

ними высшіе сановники несли государственныя регаліи, привезенныя изъ Москвы: государственное знамя, государственный мечъ, скипетръ, державу и бриллiантами сверкающую царскую корону. Затѣмъ шли: Государь, въ мундирѣ Преображенскаго полка; обѣ Государыни въ бѣлыхъ сарафанахъ и жемчужныхъ кокошникахъ; Великіе Князья и Княгини; придворные чины; шествіе замыкали фрейлины въ русскихъ костюмахъ и военная свита Государя.

Послѣ молебствія, Государь одинъ прошелъ къ трону, „неторопливо поднялся на ступени; повернулся лицомъ къ присутствующимъ, и торжественно, подчеркивая медлительностью движенія значеніе совершающагося, **возсѣлъ на тронъ.** Съ полминуты Онъ сидѣлъ неподвижно въ молчаніи, слегка облокотившись на лѣвую ручку кресла. Зала замерла въ ожиданіи"... *).

Министръ двора подалъ Государю листъ бумаги. Государь, облаченный въ порфиру, поднялся съ трона и произнесъ свое привѣтственное слово:

„Всевышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

„Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

„Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ Родинѣ и горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

„Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода, — необходимъ порядокъ на основѣ права.

„Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

„Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, и да зна-

*) Впечатлѣнія члена Гос. Совѣта по выборамъ, гр. Д. А. Олсуфьева, въ саратовской газетѣ „Голосъ Правды".

менуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

„Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа. Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ“.

Слово Государя произвело сильное впечатлѣніе. „Чѣмъ дольше Онъ читалъ — пишетъ въ своемъ дневникѣ В. К. Константинъ Константиновичъ — тѣмъ сильнѣе овладѣвало мною волненіе; слезы лились изъ глазъ. Слова рѣчи были такъ хороши, такъ правдивы, и звучали такъ искренне, что ничего нельзя было добавить или убавить“.

„Хорошо написанная, — вспоминалъ потомъ о рѣчи к.-д. лидеръ Ф. И. Родичевъ, — она была еще лучше произнесена, съ правильными удареніями, съ полнымъ пониманіемъ каждой фразы, ясно и искренне... ...Рѣчь безусловно понравилась...“ („Государь — настоящій ораторъ“ — говорилъ предсѣдатель І-й Думы С. А. Муромцевъ, добавляя: „у него отлично поставленъ голосъ...“).

Когда Государь кончилъ, зазвучало „ура“ — не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ зала, хотя и менѣе громкое среди членовъ Думы. Покидая дворецъ, они еще находились подъ обаяніемъ величія и красоты Императорской Россіи, которая многимъ изъ нихъ предстала впервые.

Но выйдя изъ дворца, члены Думы сразу же попали въ другой міръ, болѣе близкій имъ и знакомый. Толпы интеллигенціи и рабочихъ, покрывавшія берега Невы, кричали депутатамъ съ мостовъ и съ набережныхъ: „амнистія! амнистія!“. Когда пароходъ съ депутатами проходилъ мимо большой тюрьмы „Крестовъ“ на Выборгской сторонѣ, изъ оконъ всѣхъ камеръ имъ махали платками арестанты; на пути отъ пристани до Таврическаго дворца стояли живые шпалеры толпы, привѣтствовавшей ихъ тѣми же криками объ амнистіи.

На молебнѣ въ Таврическомъ дворцѣ поэтому присутствовали далеко не всѣ депутаты; многіе тутъ же начали обсуждать, какъ слѣдуетъ выразить „требованіе народа“. „Обычно спокойные люди бѣгали, размахивали руками“ — отмѣчаетъ членъ Думы М. М. Винаверъ.

Товарищъ предсѣдателя Гос. Совѣта Э. В. Фришъ взошелъ на трибуну и, открывъ засѣданіе, сказалъ краткое привѣтственное слово. Затѣмъ произведены были выборы предсѣдателя: почти единогласно избранъ былъ московскій депутатъ С. А. Муромцевъ, профессоръ римскаго права, к.-д. Занявъ предсѣдательское мѣсто, онъ внѣ всякой очереди предоставилъ слово И. И. Петрункевичу, который произнесъ короткую рѣчь — объ амнистіи: „Долгъ чести, долгъ совѣсти тре-

буетъ, чтобы первое свободное слово, сказанное съ этой трибуны, было посвящено тѣмъ, кто свою жизнь и свободу пожертвовалъ дѣлу завоеванія русскихъ политическихъ свободъ... Свободная Россія требуетъ освобожденія всѣхъ, кто пострадалъ за свободу".

Только послѣ этого свое вступительное слово сказалъ и самъ С А. Муромцевъ, говорившій объ „уваженіи къ прерогативамъ конституціоннаго монарха" и о „правахъ Гос. Думы, вытекающихъ изъ самого существа народнаго пред тавительства". На этомъ закончилось первое засѣданіе Думы. Оно показало, что власть и депутаты говорятъ „другъ мимо друга", на разныхъ языкахъ. Первой мыслью Думы была амнистія для тѣхъ, кто продолжалъ вести кровавую партизанскую войну съ властью. Не этого ожидалъ Государь отъ „лучшихъ людей".

Революціонныя партіи сразу поняли, какія выгоды можно извлечь изъ такого настроенія депутатовъ, и вся лѣвая печать стала твердить о необходимости въ первую же очередь полной амнистіи; объ ней произносились рѣчи на рабочихъ митингахъ и на собраніяхъ интеллигенціи. Противники Думы слѣва требовали, чтобы она „по крайней мѣрѣ" добилась освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ. Не думая прекращать революціонной борьбы, они уже надѣялись пополнить свои ряды за счетъ „освобожденныхъ плѣнныхъ"...

Гос. Дума избрала на главные посты президіума только членовъ партіи к.-д. *). Но съ первыхъ же дней болѣе лѣвыя теченія стали себя проявлять. Рѣшено было составить „отвѣтный адресъ на тронную рѣчь" — такимъ конституціоннымъ терминомъ назвали привѣтствіе Государя — и включить въ этотъ адресъ цѣлую программу, во главѣ съ „полной политической амнистіей".

Во время преній были рѣзкіе выпады противъ власти. „Мы знаемъ, — говорилъ Ф. И. Родичевъ, — сколько преступленій прикрыто священнымъ именемъ Монарха, сколько крови скрыто подъ горностаевой мантіей, покрывающей плечи Государя Императора". Доказывая, что никакія кары не остановятъ террора, Родичевъ воскликнулъ: „Этихъ людей можно наказать только прощеніемъ"; крайніе лѣвые обидѣлись на это выраженіе и стали доказывать, что амнистія — „актъ элементарной справедливости".

Другихъ рѣчей почти не было слышно. Единственнымъ выступленіемъ „справа" во время преній объ адресѣ была ироническая по-

*) Предсѣдатель — С. А. Муромцевъ; тов предсѣдателя — кн. Петръ Д. Долгоруковъ и Н. А. Гредескулъ; секретарь — кн. Д. И. Шаховской.

правка волынскаго священника Концевича: когда изъ адреса исключили выраженіе „**русскій** народъ" (чтобы не задѣть другія національности), Концевичъ предложилъ включить въ адресъ слова: „Гос. Дума озаботится, чтобы Россія... потеряла свое своеобразіе и **даже свое имя**".

Государь слѣдилъ за думскими преніями съ возрастающимъ возмущеніемъ. Терроръ не прекращался: 1 мая былъ убитъ начальникъ петербургскаго порта адм. Кузьмичъ. Изъ провинціи продолжали приходить вѣсти объ убійствахъ городовыхъ...

Въ вечернемъ засѣданіи 4 мая, М. А. Стаховичъ, — одинъ изъ немногихъ понимавшихъ, какъ кн. С. Н. Трубецкой, языкъ **обѣихъ** сторонъ, сдѣлалъ попытку найти примирительный исходъ изъ возникшаго конфликта — придать идеѣ амнистіи пріемлемую для Государя форму: „Крестьяне, избравшіе меня въ Думу, — говорилъ М. А. Стаховичъ, — наказывали мнѣ: „не задѣвайте Царя, помогите Ему замирить землю, поддержите Его"... Амнистія — огромный размахъ довѣрія и любви. Но починъ — это еще не все. Кромѣ почина существуетъ еще **отвѣтственность за послѣдствія,** и эта вся отвѣтственность останется на Государѣ... Я обращаюсь къ тѣмъ, кто помнитъ, какъ десять лѣтъ назадъ въ часъ помазанія на царство Николая II, Онъ въ Успенскомъ соборѣ при открытыхъ царскихъ вратахъ приносилъ Богу клятву... Онъ не можетъ забыть этой торжественной клятвы „все устрояти для пользы врученныхъ Ему людей и ко славѣ Божіей"... Онъ знаетъ, что здѣсь Онъ безотвѣтственъ... но это не снимаетъ съ души Его отвѣта **тамъ,** гдѣ не мы уже, а Онъ отвѣтитъ Богу за всякаго замученнаго въ застѣнкѣ, **но и за всякаго застрѣленнаго въ переулкѣ.** Поэтому я понимаю, что Онъ задумывается и не такъ стремительно, какъ мы, принимаетъ свои рѣшенія. **Надо помочь Ему принять этотъ отвѣтъ.** Надо сказать Ему, что прошлая борьба была ужасна такимъ безправіемъ и долгой ожесточенностью, что доводила людей до забвенія закона, доводила совѣсть до забвенія жалости. Цѣль амнистіи — **будущій миръ въ Россіи.** Надо непремѣнно досказать, что въ этомъ Гос. Дума **будетъ своему Государю порукой и опорой.** Съ прошлымъ безправіемъ должно сгинуть преступленіе, какъ средство борьбы и спора. **Больше никто не смѣетъ тягаться кровью.** Пусть отнынѣ всѣ живутъ, управляютъ и добиваются своего не силой, а по закону. По обновленному русскому закону — въ которомъ мы участники и ревнители, і по старому закону Божію, который прогремѣлъ 4000 лѣтъ назадъ всѣмъ людямъ и навсегда — не убій"

И М. А. Стаховичъ предложилъ включить въ адресъ слова: „Гос.

Дума выражаетъ твердую надежду, что нынѣ, съ установленіемъ конституціоннаго строя, прекратятся политическія убійства и другія насильственныя дѣянія, которымъ Дума **выражаетъ самое рѣшительное осужденіе, считая ихъ оскорбленіемъ нравственнаго чувства народа и самой идеи народнаго представительства".**

Предлагалось осудить только **будущія убійства:** прошлое покрывалось полной амнистіей. Ту же мысль въ печати въ тотъ же день защищалъ кн. Е. Н. Трубецкой, а въ Гос. Думѣ къ ней присоединился виленскій депутатъ епископъ баронъ Роопъ.

Но психологическая связь большинства Думы съ революціей оказалась слишкомъ глубокой. Стаховичу вышелъ возражать Родичевъ: „Это — не церковная кафедра! Наше ли дѣло выносить нравственное осужденіе поступковъ?.. Мы, господа, не посредники между Государемъ и народомъ... Въ нашемъ лицѣ передъ Государемъ самъ народъ стоитъ"... И дальше: „Въ Россіи нѣтъ правосудія! Въ Россіи законъ обращенъ въ насмѣшку! Въ Россіи нѣтъ правды. Россія въ этотъ годъ пережила то, чего не переживала со временъ Батыя"... Еще опредѣленнѣе говорилъ депутатъ Шрагъ: „Нѣтъ, не можемъ мы осуждать тѣхъ, кто жизнь свою положилъ за други своя!.. кто сдѣлались народными героями, кто является во мнѣніи народномъ жертвами за его свободу и великими страдальцами".

Тщетно Стаховичъ доказывалъ, что если казней, какъ говорятъ, было за послѣдніе мѣсяцы около 90, — за то же время **убито** 288 и ранено 338 русскихъ гражданъ — представителей власти, большей частью простыхъ городовыхъ. („Мало!" — кричали на скамьяхъ крайней лѣвой). „Русскій народъ — заключилъ Стаховичъ, — скажетъ, что это не служеніе ему и его благу, это душегубство, и онъ его не хочетъ". Поправка была отклонена — и только 34 депутата приложили затѣмъ къ протоколу свое особое мнѣніе.

Послѣ этого адресъ былъ принятъ единогласно — нѣсколько умѣренныхъ и правыхъ удалилось, а небольшая группа с.-д. заявила, что она воздерживается. Но этими преніями была по существу предрѣшена дальнѣйшая судьба І-й Гос. Думы.

„Revue des deux Mondes" съ недоумѣніемъ спрашивала по поводу требованія новой политической амнистіи: „а преступленія? а грабежи? а убійства? Думѣ предложили высказаться противъ нихъ — она этого не сдѣлала". Если такъ писалъ французскій умѣренный журналъ — легко себѣ представить, какъ долженъ былъ отнестись къ этимъ требованіямъ Государь, для котораго убиваемые, „**застрѣленные въ переулкѣ**", были Его вѣрными слугами, жертвами долга,

Адресъ Гос. Думы содержалъ и требованія, противорѣчившія основнымъ законамъ — отвѣтственное передъ Думой министерство, упраздненіе Гос. Совѣта; въ немъ говорилось и про принудительное отчужденіе земель; но рѣшающее значеніе при его оцѣнкѣ имѣло это требованіе амнистіи („безнаказанности убійцъ") при одновременномъ отказѣ осудить убійства даже на будущее.

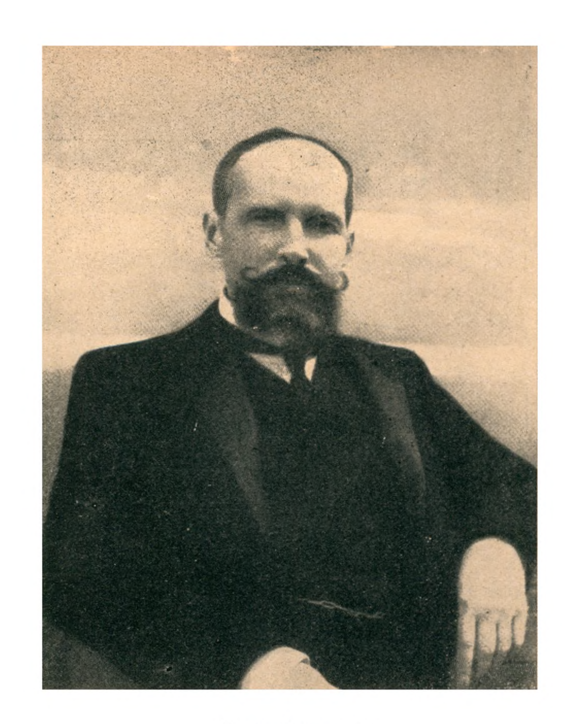
Государь не замедлилъ выразить Свое отношеніе. Онъ отказался принять президіумъ Думы, который долженъ былъ поднести Ему адресъ, и поручилъ И. Л. Горемыкину сообщить С. А. Муромцеву, чтобы тотъ препроводилъ адресъ черезъ министра Двора.

На слѣдующій же день, 5 мая, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" начали печататься телеграммы на имя Государя отъ правыхъ организацій, съ рѣзкими выпадами противъ Думы.

Наконецъ, Государь поручилъ Совѣту министровъ выработать декларацію съ отвѣтомъ на думскій адресъ. Государь считалъ желательнымъ рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ; И. Л. Горемыкинъ, по своему обыкновенію, нѣсколько „сгладилъ углы". Въ то же время было сочтено безполезнымъ вносить въ Думу правительственные законопроекты, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого опредѣленно требовалъ законъ (напр. бюджетныя ассигнованія). Этимъ и объясняется, что первымъ законопроектомъ, внесеннымъ въ Гос. Думу, было представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на оранжерею и прачешную Юрьевскаго университета.

Дума была нѣсколько смущена отказомъ въ пріемѣ президіума, хотя и признала, что „форма (передачи адреса) имѣетъ безконечно малое значеніе". На митингахъ, соціалисты отмѣчали съ злорадствомъ: „На пощечину кадеты отвѣчаютъ молчаніемъ".

Правительство, дѣйствовавшее во время Первой Думы, было, по мысли Государя, кабинетомъ переходнаго времени. И. Л. Горемыкинъ былъ умный и глубоко лойяльный чиновникъ, точно выполняющій инструкціи Государя. Среди другихъ министровъ имѣлись старые сотрудники Государя (В. Н. Коковцовъ, А. С. Стишинскій, И. Г. Щегловитовъ, кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ, занявшій теперь постъ оберъ-прокурора); было также и два „новыхъ человѣка": министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ и министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій (бывшій посланникъ въ Даніи). Выборъ Горемыкина Государь объяснялъ В. Н. Коковцову такъ: „Для меня — главное то, что Горемыкинъ не пойдетъ за моей спиной ни на какія уступки во вредъ моей власти". Совершенно безосновательно Горемыкина (который

П. А. Столыпинъ.

Дача Министра Внутреннихъ дѣлъ послѣ взрыва.

былъ однихъ лѣтъ хотя бы съ И. И. Петрункевичемъ) изображали дряхлымъ старикомъ; этому, можетъ быть, способствовало то, что на засѣданіяхъ Гос. Думы онъ, едва ли не демонстративно, **дремалъ** подъ гулъ **рѣчей.**

Министерство выступило 13 мая съ декларацiей въ Думѣ. Обѣщая „полное содѣйствіе при разработкѣ всѣхъ вопросовъ, не выходящихъ за предѣлы правъ Думы", Совѣтъ Министровъ указалъ, что разрѣшеніе земельнаго вопроса на предположенныхъ Думой основаніяхъ **„безусловно недопустимо".** На счетъ отвѣтственнаго министерства и упраздненія Гос. Совѣта, указывалось, что эти вопросы не могутъ ставиться по почину Гос. Думы; что касается амнистіи, то она относится къ прерогативамъ монарха; но „Совѣтъ Министровъ со своей стороны считаетъ, что благу страны **не отвѣчало бы, въ настоящее** смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ".

Дума рѣзко реагировала на эту декларацію; В. Д. Набоковъ закончилъ свою рѣчь словами: „Мы должны заявить, что **не допустимъ** такого правительства, которое намѣревается быть не исполнителемъ воли народнаго представительства, а критикомъ и отрицателемъ этой воли. Выходъ можетъ быть только одинъ: **власть исполнительная да покорится власти законодательной!".**

Дума приняла „формулу недовѣрія" (всѣми голосами противъ 11). Министрамъ съ этого дня стали кричать „въ отставку!" при каждомъ ихъ выступленіи. Министерство, оставаясь на почвѣ основныхъ законовъ, никакъ не реагировало на этотъ „жестъ".

Борьба между Думой и правительствомъ сосредоточилась вокругъ земельной реформы и проблемы смертной казни (ставшей на очередь, когда выяснилось, что амнистіи не будетъ).

Дума вносила запросы по поводу всѣхъ смертныхъ приговоровъ, выносившихся тѣмъ или инымъ судомъ, и требовала пріостановки ихъ исполненія. Правительство, опираясь на статьи закона указывало, что никакого **правонарушенія** нѣтъ, — а Дума имѣетъ право надзора только за **закономѣрностью** дѣйствій власти. Дума внесла законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни; правительство воспользовалось своимъ правомъ потребовать мѣсячный срокъ для опредѣленія своего отношенія.

Вопросъ о казняхъ и убійствахъ сталъ рѣзко партійнымъ: 14 мая въ Севастополѣ на Соборной площади была брошена бомба, разорвавшая на куски восемь человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ дѣтей, и пе-

ранившая нѣсколько десятковъ (это было неудавшееся покушеніе на севастопольскаго коменданта ген. Неплюева). Въ Думѣ объ этомъ заговорили — только для того, чтобы заступиться за бомбистовъ („уже созванъ военный судъ... намъ необходимо **предотвратить пролитіе крови**"(!) говорилъ одинъ депутатъ). А лѣвая печать спокойно заявляла: „Когда остынутъ первыя впечатлѣнія, и сами раненые, и близкіе погибшихъ поймутъ, что они явились жертвой случая, что не противъ нихъ былъ направленъ ударъ" *).

При **такомъ** отношеніи къ убійствамъ, вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни утрачивалъ принципіальный гуманитарный характеръ и превращался — во всякомъ случаѣ, въ глазахъ Государя — въ попытку избавить преступниковъ отъ послѣдствій совершенныхъ ими преступленій.

Въ **земельномъ** вопросѣ, особо волновавшемъ крестьянъ, к.-д. выдвинули проектъ принудительнаго отчужденія земель, сдаваемыхъ въ аренду, а, въ мѣру земельной нужды, также и остальныхъ частновладѣльческихъ земель, превышающихъ „трудовую норму". Въ то же время, трудовики предлагали отчужденіе — и притомъ безвозмездное — **всѣхъ** частновладѣльческихъ земель. Отъ правительства съ обстоятельными рѣчами выступили 19 мая главноуправляющій земледѣліемъ А. С. Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ В. I. Гурко. Рѣчь послѣдняго, блестящая и по формѣ и по содержанію, произвела на крестьянъ извѣстное впечатлѣніе: Гурко указывалъ, что даже при отчужденіи всѣхъ помѣщичьихъ земель получилась бы незначительная прирѣзка (около десятины на душу), тогда какъ исчезли бы сторонніе заработки, и критиковалъ думскіе проекты, обращая вниманіе на то, что земельное „поравненіе" можетъ коснуться не только помѣщиковъ, но и болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Думскій спеціалистъ по аграрному вопросу М. Я. Герценштейнъ могъ на это только отвѣтить ссылками на аграрныя волненія („или вамъ мало майской иллюминаціи, которая унесла въ Саратовской губ. 150 усадебъ?") и подъ конецъ заявилъ: „Народъ разберетъ, гдѣ землею пахнетъ, и гдѣ ее не даютъ". Съ большой и яркой рѣчью противъ принудительнаго отчужденія и общиннаго владѣнія выступилъ Н. Н. Львовъ, вышедшій на этомъ вопросѣ изъ к.-д. партіи.

Новымъ поводомъ для нападокъ на власть послужили событія 1—2 іюня въ Бѣлостокѣ. Въ этомъ городѣ, гдѣ большинство населе-

*) „Народный Вѣстникъ", 20 мая. — Въ концѣ іюня въ томъ же Севастополѣ былъ убитъ командующій черноморскимъ флотомъ, адм. Г. П. Чухнинъ.

нія еврейское, съ особою силой свирѣпствовалъ терроръ: убійствъ, покушеній, взрывовъ бомбъ было нѣсколько десятковъ за первые пять мѣсяцевъ 1906 г. 1-го іюня было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ католическую процессію. Тогда начался погромъ еврейскихъ домовъ, причемъ за два дня евреевъ было убито 75 и ранено 84, христіанъ — убито 7 и ранено 18. Войска, вызванныя для возстановленія порядка, нѣсколько разъ вступали въ перестрѣлку съ еврейской самообороной, и это навлекло на нихъ обвиненіе въ соучастіи.

Гос. Дума отправила въ Бѣлостокъ трехъ своихъ членовъ для разслѣдованія погрома на мѣстѣ. Эти депутаты допрашивали почти только потерпѣвшихъ евреевъ и вернулись съ докладомъ, чрезвычайно одностороннимъ и пристрастнымъ. Они доказывали, по старому трафарету, что погромъ былъ организованъ правительствомъ! Во время преній по этому вопросу произошелъ инцидентъ: деп. Якубзонъ сказалъ, что солдаты боялись идти на тѣ улицы, гдѣ стрѣляла еврейская самооборона, такъ какъ „русскія войска научились бѣгать отъ выстрѣловъ — русско-японская война оказала на нихъ плохое вліяніе". Протесты всей правой и умѣренной печати, вызовъ на дуэль со стороны молодого офицера (пор. Смирнскаго), рѣзкая отповѣдь депутатовъ Стаховича и Способнаго побудили Якубзона истолковать затѣмъ свои слова по новому: солдаты не шли — потому что не хотѣли стрѣлять въ народъ...

Невозбранныя нападки на министровъ и крики „въ отставку!" отражались на престижѣ власти. „Русскій Вѣстникъ" иронически писалъ о „кротости, непротивленіи и смиреніи кабинета г. Горемыкина". Стали учащаться случаи волненій въ войскахъ — даже въ Красносельскомъ лагерѣ, въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка. Въ деревняхъ возобновлялось аграрное движеніе. Открытый конфликтъ между Думой и правительствомъ создавалъ опасное „шатаніе умовъ"; многіе начинали сомнѣваться въ томъ, гдѣ же истинная власть. Не слабѣлъ и революціонный терроръ *).

Государственный Совѣтъ, который долженъ былъ служить опорой власти, держалъ себя пассивно, выжидательно. Когда Дума, желая показать недовѣріе къ правительству, сократила кредитъ на оказаніе помощи голодающимъ съ 50 милл. до 15 милл. руб., — Гос. Совѣтъ, вопреки настояніямъ министра финансовъ В. Н. Коковцова, принялъ думскую цифру ассигнованія. (Это, м. п., былъ первый — и

*) Число революціонныхъ убійствъ за первые мѣсяцы 1906 г.: январь — 80; февраль — 64; мартъ — 50; апрѣль — 56; май — 122; іюнь — 127. („Новое Время", 12. IX).

единственный проектъ, прошедшій при І-й Думѣ всѣ законодательныя инстанціи).

Засѣдавшій въ концѣ мая дворянскій съѣздъ также избѣгалъ нападокъ на Думу; на немъ преобладали умѣренные. Онъ принялъ адресъ Государю, съ указаніемъ на необходимость насажденія частной собственности въ деревнѣ и избралъ Совѣтъ Объединеннаго Дворянства, получившій впослѣдствіи большую извѣстность.

Во второй половинѣ іюня возникли упорные слухи о возможности Думскаго министерства. Государь едва ли самъ когда-либо соглашался на такой шагъ — Его отношеніе къ этой Думѣ было достаточно опредѣленнымъ — но Онъ не препятствовалъ близкимъ къ Нему лицамъ, въ томъ числѣ Д. Ф. Трепову, производить „глубокую развѣдку въ непріятельскомъ лагерѣ".

Д. Ф. Треповъ не только велъ переговоры съ „кадетскими" лидерами; онъ открыто высказалъ свое мнѣніе въ иностранной печати. 24 іюня (7 іюля) въ англійскихъ газетахъ появилась бесѣда дворцоваго коменданта съ корреспондентомъ агентства Рейтеръ. Д. Ф. Треповъ прямо говорилъ, что министерство Горемыкина не справляется съ положеніемъ: „Союзъ думскаго центра и трудовиковъ будетъ разорванъ только тогда, когда центръ будетъ призванъ къ власти. Поэтому я считаю весьма желательнымъ, чтобы новое министерство было образовано изъ членовъ думскаго центра". — „То есть кадетовъ?" спросилъ корреспондентъ. — „Да, кадетовъ, ибо они сильнѣйшая партія въ Думѣ. Ни коалиціонное министерство, ни министерство взятое внѣ Думы не дадутъ странѣ успокоенія"... Въ Англіи, какъ отмѣчало агентство СПА, эти заявленія встрѣтили всеобщее одобреніе.

Повидимому, Д. Ф.Треповъ считалъ, что слѣдуетъ поручить к.-д. составленіе кабинета — со своего рода „провокаціонной" цѣлью: они вынуждены были бы рѣзко порвать съ лѣвыми и дискредитировали бы себя либо слабостью, либо репрессіями, а тогда можно было бы ихъ легко опять устранить. К.-д. приняли эти переговоры совершенно „всерьезъ", и уже шли толки о составленіи кабинета П. Н. Милюкова *) или С. А. Муромцева.

На самомъ дѣлѣ, между Думой и властью назрѣвалъ открытый разрывъ. 19 іюня произошло бурное столкновеніе по вопросу о смертной казни: Дума криками и шумомъ не дала говорить главному воен-

*) П. Н. Милюковъ не попалъ въ Думу, такъ какъ у него не оказалось квартирнаго ценза (требовался годовой срокъ), но остался наиболѣе вліятельнымъ лидеромъ партіи и изъ-за кулисъ руководилъ дѣятельностью к.-д. въ І-й Думѣ

ному прокурору Павлову, который долженъ былъ давать объясненія по законопроекту объ отмѣнѣ смертной казни. Суровый человѣкъ долга, прокуроръ Павловъ былъ обвинителемъ въ цѣломъ рядѣ процессовъ о революціонныхъ убійствахъ: за это его въ Думѣ называли „убійцей" и „палачемъ". Министръ юстиціи Щегловитовъ передъ этимъ инцидентомъ напомнилъ съ думской трибуны, что послѣ амнистіи 21 октября террористическіе акты только усилились: „Ежедневно на громадномъ пространствѣ Россіи совершаются возмутительныя политическія посягательства, уносящія въ могилу добросовѣстныхъ исполнителей долга... Отмѣна смертной казни при такихъ условіяхъ была бы равносильна отказу государства всемѣрно защищать своихъ вѣрныхъ слугъ".

Дума единогласно приняла проектъ объ отмѣнѣ смертной казни, который былъ переданъ въ Гос. Совѣтъ.

20 іюня въ газетахъ появилось правительственное сообщеніе по земельному вопросу, разъяснявшее, какія мѣры могутъ быть приняты для улучшенія положенія крестьянъ и отвергавшее принципъ принудительнаго отчужденія. Оно было издано для прекращенія толковъ о предстоящемъ отобраніи помѣщичьихъ земель, — толковъ, порожденныхъ думскими преніями, и вызвавшихъ во многихъ мѣстностяхъ новую вспышку аграрныхъ волненій.

Дума сочла это вызовомъ: „Прочитавъ это сообщеніе, я впалъ въ состояніе бѣшенства!" — воскликнулъ деп. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, считавшійся умѣреннымъ. Земельной комиссіи было поручено выработать отвѣтъ.

Между тѣмъ, кампанія противъ Думы усиливалась. Съ одной стороны, на рабочихъ митингахъ выступали большевики, — тутъ впервые широкіе круги познакомились со своеобразной фигурой Ленина, — громившіе „предательство к.-д." и трусость думскаго большинства. Въ то же время, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" продолжали печататься десятки телеграммъ правыхъ организацій, просившихъ Государя поскорѣе разогнать Думу. „Главная позиція, захваченная революціей, — писалъ А. А. Столыпинъ, — это Гос. Дума. Съ ея неприкосновенныхъ стѣнъ, какъ съ высокой крѣпости, раздаются воистину безстыжіе призывы къ разгрому собственности, къ разгрому государства и день ото дня наглѣе, день ото дня разнузданнѣе, чаще и чаще поднимаются голоса, угрожающіе самой Верховной власти"... (Новое Время, 1 іюля).

Такой осторожный и умѣренный человѣкъ, какъ извѣстный историкъ С. Ф. Платоновъ заявлялъ, что нуженъ „не разгонъ, а роспускъ

Думы на законномъ основанiи; эта мѣра была бы спасительной" *). Того же мнѣнiя держалось большинство министровъ. Были впрочемъ и другiя мнѣнiя; такъ Д. Ф. Треповъ считалъ, что Дума и партiя к.-д. должны бы раньше „еще больше себя дискредитировать".

Поводъ для роспуска дала сама Гос. Дума. Въ засѣданiи 4 iюля она постановила обратиться къ населенiю съ „разъясненiемъ" по аграрному вопросу, заявляя, что она „отъ принудительнаго отчужденiя частновладѣльческихъ земель **не отступитъ**, отклоняя всѣ предположенiя, съ этимъ несогласованныя". — „Вѣдь и мы, одни, какъ министры, не можемъ издать закона", — тщетно возражалъ на это кн. Н. С. Волконскiй.

Когда о такомъ постановленiи узналъ П. Н. Милюковъ, онъ сильно встревожился, понимая что это можетъ стать поводомъ для роспуска. Въ засѣданiи 6 iюля к.-д. уже забили отбой. И. И. Петрункевичъ выступилъ съ новымъ проектомъ, только излагавшимъ предположенiя Гос. Думы безъ какихъ либо угрозъ. „Моментъ борьбы еще не наступилъ", — говорилъ онъ. „Когда онъ наступитъ, мы заговоримъ другимъ языкомъ. Но посылать народъ подъ пулеметы, когда мы пользуемся личной неприкосновенностью — безусловно немыслимо".

Не только трудовики и с.-д., но даже многiе к.-д. не дооцѣнили угрожавшей опасности, и смягченное обращенiе было принято только послѣ долгихъ сумбурныхъ пренiй, и всего 124-мя противъ 53-хъ голосовъ, при 101 воздержавшемся.

Воскресшая во времена Думы революцiонная печать (хотя и менѣе откровенная, чѣмъ въ „дни свободъ") — „Эхо", „Мысль", „Волна" и т. д. — осыпала к.-д. язвительными насмѣшками. Но и въ смягченномъ видѣ думское обращенiе противополагало Думу, желающую „дать народу землю" — правительству, которое въ этомъ отказываетъ.

Въ долгой бесѣдѣ Государя съ И. Л. Горемыкинымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинымъ роспускъ Думы былъ окончательно рѣшенъ. Петербургскiй градоначальникъ В. Ф. фонъ-деръ-Лауницъ завѣрилъ, что никакихъ серьезныхъ волненiй въ столицѣ это не вызоветъ.

Манифестъ о роспускѣ былъ подписанъ въ воскресенье, 9 iюля. Зданiе Думы было закрыто и оцѣплено войсками, чтобы депутаты не попытались оказать сопротивленiе, которое могло бы вызвать безпорядки. Эта мѣра застигла депутатовъ врасплохъ. Узнавъ о роспу-

*) „Новое Время", 24 iюня

скѣ, многіе члены Думы выѣхали въ Выборгъ, за предѣлы досягаемости русской полиціи, чтобы тамъ обсудить, какъ слѣдуетъ дальше дѣйствовать.

Какъ разъ наканунѣ роспуска Думы — 7 іюля — Государь утвердилъ новую финляндскую конституцію и новый избирательный законъ, основанный на всеобщемъ избирательномъ правѣ и пропорціональномъ представительствѣ: въ Финляндіи поэтому не было никакой склонности оказывать поддержку выступленіямъ противъ правительства.

Поздно вечеромъ 9 іюля бывшіе члены Думы собрались въ Выборгѣ, въ гостинницѣ „Бельведеръ". Пріѣхало 178 человѣкъ. По плану П. Н. Милюкова, (который въ самомъ засѣданіи не присутствовалъ), была выдвинута идея обращенія къ народу съ призывомъ къ пассивному сопротивленію — неплатежу налоговъ, отказу идти на военную службу, и непризнанію займовъ, заключенныхъ правительствомъ за періодъ конфликта.

Этотъ проектъ встрѣтилъ весьма энергичные протесты. Л. І. Петражицкій указывалъ, что такой шагъ является неконституціоннымъ. М. Л. Герценштейнъ говорилъ, что такія средства борьбы противорѣчатъ убѣжденіямъ многихъ и не могутъ поэтому быть общими для всѣхъ. Другіе отмѣчали, что русскій бюджетъ построенъ гл. обр. на косвенныхъ налогахъ (на что проф. Гредескулъ серьезно возразилъ: „надо указывать народу, чтобы онъ воздерживался отъ употребленія казеннаго вина"). Польскіе депутаты прямо заявили: мы такого воззванія не можемъ подписать, такъ какъ нашего призыва бы послушались и это вызвало бы кровопролитіе...

Пренія еще продолжались, когда въ „Бельведеръ" прибылъ выборгскій губернаторъ и просилъ сократить засѣданіе, чтобы не ставить автономію Финляндіи въ неловкое положеніе передъ русской властью. Тогда большинствомъ голосовъ воззваніе было одобрено, и меньшинство, изъ товарищеской солидарности, также подписало его. Только кн. Г. Е Львовъ на это не согласился. Поляки же издали свое особое воззваніе; въ немъ говорилось, что они будутъ сообразоваться „съ особыми условіями Царства Польскаго".

Возвращаясь въ Петербургъ, б. члены Думы ждали ареста; но правительство рѣшило просто ихъ игнорировать; нѣсколько позже, участвовавшіе въ составленіи воззванія были привлечены къ суду, (который состоялся почти черезъ полтора года). Это лишило „выборжцевъ" — какъ ихъ стали называть — возможности баллотироваться въ слѣдующія Думы. Другихъ послѣдствій это воззваніе не имѣло: оно никакъ не отразилось на поступленіи налоговъ, не говоря уже о рекрутскомъ наборѣ.

Выборгское воззваніе, внѣ всякаго сомнѣнія, было актомъ революціоннымъ, — незаконнымъ отвѣтомъ на вполнѣ закономѣрный актъ роспуска Гос. Думы. Оно показало, какъ мало считаются съ законностью не только крайнія лѣвыя партіи, но и к.-д.

Крайніе лѣвые выпустили свой отдѣльный „манифестъ", подписанный фракціями трудовиковъ и с.-д. Гос. Думы, крестьянскимъ и желѣзнодорожнымъ союзомъ, партіями с.-д. и с.-р.: „Трудовое крестьянство должно взять дѣло въ свои руки. Ему не дали земли и воли. Оно должно само взять волю, смѣстивъ всѣ правительственныя власти. Оно должно немедленно взять всю землю".

Этотъ манифестъ былъ показательнымъ: какъ послѣдняя ставка революціи, выдвигалось аграрное движеніе. „Прежде чѣмъ поднести спичку, надо убѣдиться, что будетъ вѣтеръ", — замѣчало по поводу этого воззванія „Русское Богатство". Манифестъ крайнихъ лѣвыхъ произвелъ такъ же мало дѣйствія, какъ и выборгское воззваніе.

Когда говорятъ, что первая Дума была **неработоспособна,** — это слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что депутаты лѣнились или были сугубо невѣжественны. Но она **въ цѣломъ** ставила себя внѣ существующаго строя; она считалась не съ требованіями основныхъ законовъ, а только со своими воззрѣніями на „природу народнаго представительства". „Она стала на почву новаго права, прекрасно названнаго на простонародномъ языкѣ — захватнымъ правомъ , — писалъ извѣстный историкъ, проф. В. И. Герье. „Государю отводилось почетное положеніе мраморной статуи въ завѣшанномъ храмѣ, отъ имени которой жрецы произрекали бы народу **свою** волю"

Дума хотѣла, въ другой формѣ, **продолжать революцію.** Государь, не желавшій отмѣнять того, что Онъ далъ въ то же время не видѣлъ никакихъ основаній идти на уступки этому новому натиску революціоннаго движенія.

Роспускъ Думы ставилъ вопросъ: что же дальше? Продолжать ли начатый опытъ или признать его неудавшимся, какъ предлагали правые? Государь опредѣленно высказался за **первый** путь; и въ составѣ правительства Онъ нашелъ именно того человѣка, который наиболѣе подходилъ для выполненія поставленной задачи — Петра Аркадьевича Столыпина.

Эта задача была двойная: безпощадная борьба съ кровавыми и насильственными проявленіями революціи — и проведеніе реформъ, признанныхъ необходимыми; въ ихъ числѣ было созданіе такихъ формъ народнаго представительства, которыя, открывая обществу

возможность политической дѣятельности, въ то же время не превращались бы въ орудія враговъ монархической государственности.

П. А. Столыпинъ какъ нельзя болѣе подходилъ именно для такой роли. Человѣкъ съ большимъ личнымъ мужествомъ, способный быстро рѣшать и энергично дѣйствовать, выдающійся ораторъ, производившій впечатлѣніе даже во враждебной атмосферѣ первой Думы, искренне преданный Государю монархистъ, не пытавшійся „ультимативно" навязывать Ему свои взгляды, бывшій саратовскій губернаторъ былъ въ то же время хорошо знакомъ и съ земствомъ и съ аграрнымъ вопросомъ, и съ механизмомъ аппарата власти.

Назначенный премьеромъ (съ сохраненіемъ поста министра внутреннихъ дѣлъ) въ день роспуска Думы, Столыпинъ первымъ же своимъ циркуляромъ (отъ 11 іюля) обратилъ на себя вниманіе, и вызвалъ заграницей сочувственные комментаріи: „Открытые безпорядки должны встрѣчать неослабный отпоръ. Революціонные замыслы должны пресѣкаться всѣми законными средствами", говорилось въ немъ — и тутъ же добавлялось: „Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества. Поэтому огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены... Намѣренія Государя неизмѣнны... Старый строй получитъ обновленіе. Порядокъ же долженъ быть охраненъ въ полной мѣрѣ".

П. А. Столыпинъ хотѣлъ подчеркнуть направленіе своего кабинета, привлекши въ его составъ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей: такъ въ министры земледѣлія намѣчался Н. Н. Львовъ, въ министры торговли А. И. Гучковъ, оберъ-прокуроромъ Сунода предполагалось назначить Ф. Д. Самарина. Но изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Умѣренные общественные дѣятели ставили слишкомъ большія требованія (пять министровъ изъ „общества" и опубликованіе ихъ программы отъ имени всего кабинета); Ф. Д. Самаринъ, болѣе правый, заявилъ о своемъ несогласіи съ общимъ курсомъ. „Говорилъ съ каждымъ по часу. Не годятся въ министры сейчасъ. Не люди дѣла", сообщилъ Государь въ запискѣ Столыпину послѣ бесѣдъ съ Гучковымъ, Львовымъ и Самаринымъ; Своей матери Онъ писалъ: „У нихъ собственное мнѣніе выше патріотизма, вмѣстѣ съ ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться".

Первые дни послѣ роспуска Думы прошли спокойно, но въ ночь на 17 іюля вспыхнуло возстаніе въ островной крѣпости Свеаборгъ подъ Гельсингфорсомъ: взбунтовался артиллерійскій полкъ. Между фортами и берегомъ началась орудійная перестрѣлка. Финскіе

революціонные круги, въ лицѣ „красной гвардіи", попробовали оказать содѣйствіе возставшимъ, но встрѣтили сопротивленіе со стороны тутъ же возникшей финской „бѣлой гвардіи". Возставшіе держались три дня, но послѣ взрыва порохового погреба, послѣ появленія флота, который началъ обстрѣливать форты, пали духомъ и 20 іюля сдались. Число жертвъ оказалось крайне незначительнымъ *).

Болѣе короткимъ, но и болѣе кровавымъ былъ бунтъ въ Кронштадтѣ 19 іюля, начавшійся со звѣрскаго убійства двухъ офицеровъ и ихъ семей (среди убитыхъ была 90-лѣтняя старуха г-жа Врочинская). Возстаніе было подавлено въ тотъ же день Енисейскимъ пѣхотнымъ полкомъ: „двинулись къ арсеналу — описывалъ участникъ возстанія: — впереди енисейцы, сбоку пулеметы, съ тылу тоже енисейцы... и мы бѣжали".

19 іюля взбунтовалась также команда крейсера „Память Азова"; офицеры спаслись на берегъ подъ обстрѣломъ; но среди возставшихъ тутъ же произошелъ расколъ, и, какъ на „Георгіи Побѣдоносцѣ" въ іюнѣ 1905 г., вѣрная долгу часть команды одержала верхъ и привела крейсеръ въ Ревельскій портъ „съ повинной"

Этой короткой вспышкой закончились военные бунты; попытка всеобщей забастовки въ Москвѣ (24—28 іюля) оказалась „совсѣмъ жалкой" (по признанію „Русскаго Богатства"). Только революціонная партизанская война, выражавшаяся въ убійствахъ и „экспропріяціяхъ" (грабежахъ съ политической цѣлью), достигла въ первый мѣсяцъ послѣ роспуска Думы своего максимальнаго развитія.

Грабежи входили также въ революціонный планъ: деньги, награбленныя въ кассахъ банковъ, въ почтовыхъ конторахъ, и т. д. должны были идти на нужды революціоннаго движенія, на покупку оружія, на пропаганду, на содержаніе „штабовъ" и т. д. Такіе способы пополненія кассы должны были замѣнить изсякавшіе иностранные источники. Участіемъ въ одномъ изъ такихъ крупныхъ грабежей создалъ себѣ революціонное имя Джугашвили-Сталинъ; а при ихъ использованіи испыталъ крупныя непріятности заграницей Литвиновъ (Финкельштейнъ). Но убійства, конечно, стояли на первомъ планѣ.

Былъ и одинъ случай убійства справа: 17 іюля въ Теріокахъ былъ застрѣленъ б. членъ Думы М. Я. Герценштейнъ, очевидно за еврейское происхожденіе, такъ какъ его дѣятельность въ Думѣ (если не считать неудачной фразы объ „иллюминаціяхъ") не могла вызвать какой-

---

*) Съ обѣихъ сторонъ — 9 убитыхъ, считая 8 погибшихъ при взрывѣ порохового погреба.

либо вражды лично къ нему. Правая печать, въ данномъ случаѣ, высказала рѣзкое осужденіе убійству, хотя и было ясно, что убійца изъ правой среды. „Голосъ Правды", „Русское Знамя" писали, что убійца, кто бы онъ ни былъ, заслуживаетъ смертной казни.

Но убійство справа было рѣдкимъ исключеніемъ на фонѣ революціоннаго террора.

День 2 августа 1906 г. прозвали въ Польшѣ „кровавымъ воскресеніемъ": на улицахъ Варшавы было убито 28 полицейскихъ и солдатъ, ранено 18; въ Лодзи — убито 6 и ранено 18; въ Плоцкѣ — убито 5 и ранено 3, и т. д. Убійцы почти во всѣхъ случаяхъ скрылись; въ Варшавѣ солдаты нѣсколько разъ стрѣляли въ толпу, съ которой смѣшивались террористы: было убито 16, ранено 150, въ томъ числѣ — всего **одинъ** изъ завѣдомо стрѣлявшихъ...

12 августа было совершено покушеніе на предсѣдателя Совѣта Министровъ: на его дачу на Аптекарскомъ островѣ явилось двое неизвѣстныхъ въ жандармской формѣ, бросившихъ бомбы огромной силы. 27 человѣкъ, находившихся въ пріемной, было убито на мѣстѣ (въ томъ числѣ и сами террористы); 32 было ранено, (6 умерло отъ ранъ на слѣдующій день). Обрушилась стѣна дома съ балкономъ, на которомъ находилась 14-лѣтняя дочь Столыпина и его трехлѣтній сынъ съ няней; они были тяжело ранены обломками камней. Самъ Столыпинъ остался невредимъ.

Это покушеніе — неожиданно для революціонеровъ — необычайно **возвысило** предсѣдателя Совѣта Министровъ. Волна сочувствія къ его горю и невольнаго уваженія къ его мужеству охватила равнодушные до тѣхъ поръ круги. „Кто не боится смерти на своемъ посту — писалъ А. С. Суворинъ — тотъ и убитый, въ открытомъ ли бою или подлой измѣной, оставляетъ послѣ себя примѣръ для подражанія живымъ. Да здравствуетъ мужественная жизнь, господа, и да посрамятся трусы!"

„Такими средствами свобода не достигается, — писали „Русскія Вѣдомости", органъ московскихъ к.-д. — Они смущаютъ людей, поселяютъ въ обществѣ настроеніе, которое на руку не друзьямъ свободы, а реакціи".

13 августа революція отомстила одному изъ своихъ побѣдителей: пятью выстрѣлами изъ револьвера на вокзалѣ Новый Петергофъ былъ убитъ генералъ Г. А. Минъ, который въ октябрѣ 1905 г. предотвратилъ кровопролитіе въ Петербургѣ, а въ декабрѣ нанесъ послѣдній ударъ московскому возстанію. На Государя эта смерть произвела очень тяжелое впечатлѣніе. Онъ самъ пріѣхалъ навѣстить семью

покойнаго и на другой день присутствовалъ при выносѣ его тѣла *).

П. А. Столыпинъ, по предложенію Государя, переѣхалъ съ семьею въ Зимній Дворецъ. Оттуда онъ съ новой энергіей принялся за проведеніе своей программы: революціи — безпощадный отпоръ; странѣ — реформы.

25 августа въ газетахъ появились одновременно два знаменательныхъ документа: обширная программа намѣченныхъ правительствомъ законодательныхъ мѣръ и законъ о военно-полевыхъ судахъ.

„Революція борется не изъ-за реформъ, проведеніе которыхъ почитаетъ своей обязанностью и правительство, а изъ-за разрушенія самой государственности, крушенія монархіи и введенія соціалистическаго строя" — говорилось въ правительственномъ сообщеніи. Эти слова, безспорно, соотвѣтствовали истинѣ.

Въ перечень намѣченныхъ реформъ входили: свобода вѣроисповѣданій; неприкосновенность личности и гражданское равноправіе; улучшеніе крестьянскаго землевладѣнія; улучшеніе быта рабочихъ (государственное страхованіе); реформа мѣстнаго самоуправленія (мелкая земская единица); введеніе земства въ Прибалтійскомъ и въ Западномъ краѣ; земское и городское самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ; реформа мѣстнаго суда; реформа средней и высшей школы; введеніе подоходнаго налога; объединеніе полиціи и жандармеріи и изданіе новаго закона объ исключительномъ положеніи. Упоминалось также объ ускореніи подготовки церковнаго собора и о томъ, что будетъ разсмотрѣнъ вопросъ, какія ограниченія для евреевъ, „какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія", могутъ быть немедленно отмѣнены.

Законъ о военно-полевыхъ судахъ — которому предшествовалъ длинный перечень террористическихъ актовъ послѣдняго времени — вводилъ, въ качествѣ временной мѣры, особые суды изъ офицеровъ, вѣдавшіе только дѣла, гдѣ преступленіе было очевиднымъ. Преданіе

*) Въ день похоронъ ген. Мина, командиръ гвардейскаго корпуса, ген.-адъютантъ Даниловъ, издалъ приказъ, гласившій: „Клянусь и призываю всю старую Императорскую гвардію поклясться со мною, также какъ и Ты, храбро и безбоязненно соблюсти вѣрность нашему природному Государю и Родинѣ. А если бы кому и пришлось пережить минуты случайнаго колебанія, пусть придетъ въ храмъ л.-гв. Семеновскаго полка помолиться у Твоего праха и почерпнетъ новыя несокрушимыя силы для исполненія своего долга. Семеновская церковь пріобрѣла для насъ особое значеніе исцѣленія отъ самаго ужаснаго недуга — колебанія".

суду происходило въ предѣлахъ сутокъ послѣ акта убійства или вооруженнаго грабежа; разборъ дѣла могъ длиться не болѣе двухъ сутокъ; и приговоръ приводился въ исполненіе въ 24 часа; между преступленіемъ и карой проходило такимъ образомъ не болѣе 3—4 дней. Это была суровая мѣра, но едва ли по существу она можетъ считаться болѣе жестокой, чѣмъ западно-европейскіе или американскіе суды, гдѣ преступникъ ждетъ казни долгіе мѣсяцы, если не годы.

Слѣва главное вниманіе обратили на военно-полевые суды, и не находили достаточно рѣзкихъ словъ для ихъ осужденія. Справа высказывали недовольство программой реформъ. „Русскій Вѣстникъ“ называлъ ее „Портсмутскимъ договоромъ“, „капитуляціей передъ врагомъ внутреннимъ: и тамъ, и здѣсь — уступка полъ-Сахалина“ (таковою „Р. В.“ считалъ обѣщаніе отмѣны нѣкоторыхъ ограниченій для евреевъ).

Иначе реагировалъ предсѣдатель Центральнаго Комитета Союза 17 октября, А. И. Гучковъ. „Съ особымъ удовольствіемъ“ отмѣтивъ, что Столыпинъ не отказывается отъ своего плана реформъ, Гучковъ заявилъ въ печати, что законъ о военно-полевыхъ судахъ „является жестокой необходимостью. У насъ идетъ междоусобная война, а законы войны всегда жестоки. Для побѣды надъ революціоннымъ движеніемъ такія мѣры необходимы. М. б. въ Баку рѣзня была бы предотвращена, если бы военно-полевому суду предавали лицъ, захваченныхъ съ оружіемъ ... Я глубоко вѣрю въ П. А. Столыпина“.

Это заявленіе вызвало протесты со стороны нѣкоторыхъ членовъ Союза; Д. Н. Шиповъ, старый умѣренный либералъ славянофильскаго оттѣнка, „не выдержалъ“ и ушелъ изъ партіи. Но центральный комитетъ единогласно переизбралъ Гучкова своимъ предсѣдателемъ, и извѣстный историкъ проф. В. И. Герье горячо привѣтствовалъ выступленіе А. И. Гучкова.

„Я не только считаю политику репрессій по отношенію къ революціонному движенію совмѣстимой съ вполнѣ либеральной, даже радикальной общей политикой, — писалъ А. И. Гучковъ въ открытомъ письмѣ кн. Е. Н. Трубецкому, — но я держусь мнѣнія, что онѣ тѣсно связаны между собой, ибо только подавленіе террора создаетъ нормальныя условія... Если общество отречется отъ союза съ революціей, изолируетъ революцію, отниметъ у нея общественныя симпатіи, разсѣетъ миражъ успѣха — революція побѣждена“

П. А. Столыпину удалось разорвать заколдованный кругъ. До этого времени, проведеніе реформъ неизмѣнно сопровождалось общимъ ослабленіемъ власти, а принятіе суровыхъ мѣръ знаменовало

собою отказъ отъ преобразованій. Теперь нашлось правительство, которое совмѣщало обѣ задачи власти; и нашлись широкіе общественные круги, которые эту необходимость поняли. Въ этомъ была несомнѣнная историческая заслуга А. И. Гучкова и Союза 17 октября. Тѣ основатели Союза, которые не сумѣли отрѣшиться отъ старыхъ интеллигентскихъ предубѣжденій, ушли въ „партію мирнаго обновленія", которая такъ и осталась политическимъ клубомъ, не имѣвшимъ реальнаго значенія, тогда какъ октябристы стали серьезной политической силой, какъ первая въ русской жизни **правительственная** партія: въ этомъ и было ихъ значеніе, хотя формальной связи съ властью у нихъ не было.

Болѣе правыя партіи смотрѣли съ нѣкоторой опаской на первые шаги П. А. Столыпина и зачастую рѣзко ихъ критиковали, но онѣ не отказывались содѣйствовать власти въ борьбѣ съ революціонной смутой и не переходили въ этотъ рѣшающій моментъ на роль „оппозиціи справа". Въ обществѣ обозначался опредѣленный поворотъ. Онъ сказался прежде всего на выборахъ въ земства: почти вездѣ проходили „октябристы" и болѣе правые, к.-д. теряли одинъ уѣздъ за другимъ. Многія дворянскія собранія (въ первую очередь — курское и московское) исключили изъ своей среды подписавшихъ выборгское воззваніе. На выборахъ въ Петербургскую городскую думу (въ ноябрѣ) побѣдили консервативные „стародумцы". Конечно, избирательное право было очень ограниченнымъ. Но тотъ же составъ избирателей въ 1903 г. голосовалъ за „обновленцевъ". „Нуженъ немалый запасъ знаній и вѣры въ правоту конституціонной идеи, чтобы не передаться на сторону реакціи", съ грустью отмѣчалъ „Вѣстникъ Европы" *).

Измѣнившееся настроеніе ярко проявилось на инцидентѣ съ англійской делегаціей. Группа членовъ англійскаго парламента собиралась пріѣхать „отдать визитъ" Гос. Думѣ, приславшей въ іюлѣ делегатовъ на междупарламентскую конференцію въ Лондонѣ. (Участіе въ этой делегаціи, м. п., спасло Ф. И. Родичева отъ судьбы „выборжцевъ"). Такъ какъ Дума была уже распущена, пріѣздъ делегаціи долженъ былъ превратиться въ чествованіе **Первой** Думы, — въ чествованіе людей, привлеченныхъ къ суду за революціонное воззваніе къ народу. („Какъ они (англичане) были бы недовольны, если бы отъ насъ поѣхала депутація къ ирландцамъ и пожелала тѣмъ успѣха въ борьбѣ" — писалъ Государь Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ).

Противъ пріѣзда делегаціи начались протесты. Московская мо-

*) „Вѣстникъ Европы", сентябрь 1906 г.

нархическая партія выступила первой, устроивъ 24 сентября большое собраніе, принявшее рѣзкую резолюцію противъ „вмѣшательства въ русскія дѣла". Вслѣдъ за нею выразили протестъ выборные ремесленнаго сословія. 29 сентября въ томъ же смыслѣ высказалась и московская городская дума: большинствомъ голосовъ октябристовъ и правыхъ была принята резолюція, признававшая пріѣздъ делегаціи „политической демонстраціей, оскорбительной для нашего національнаго чувства". Даже петербургскій совѣтъ профессоровъ согласился чествовать делегатовъ только большинствомъ 20 противъ 17 голосовъ.

Англійская печать, — „Times". „Standard", „Daily Telegraph" и даже либеральная „Westminster Gazette" — стала называть проектъ поѣздки „прискорбной ошибкой" и „безумной затѣей", а организаторовъ — „суетливыми ничтожествами". Одинъ за другимъ делегаты стали отказываться и поѣздка въ концѣ концовъ была отмѣнена.

Партія к.-д., собравшись въ концѣ сентября на съѣздъ въ Гельсингфорсѣ, постановила фактически отказаться отъ „выборгскаго воззванія" не имѣвшаго въ странѣ ни малѣйшаго успѣха. Щадя самолюбіе „выборжцевъ", съѣздъ призналъ, что воззваніе соотвѣтствовало моменту, что его „идею" слѣдуетъ распространять, но что въ то же время съѣздъ „не находитъ возможнымъ рекомендовать немедленное, по необходимости частичное его примѣненіе". („Ящикъ съ двойнымъ дномъ", — писалъ объ этой резолюціи кн. Е. Н. Трубецкой — „есть выборгское воззваніе — нѣтъ выборгскаго воззванія"...).

Революціонныя партіи вели теперь борьбу во все болѣе враждебной для нихъ атмосферѣ. Террористическіе акты умножались. За вторую половину 1906 г. погибли самарскій губернаторъ Блокъ, симбирскій губернаторъ Старынкевичъ, варшавскій генералъ-губернаторъ Вонлярлярскій, главный военный прокуроръ Павловъ, гр. А. П. Игнатьевъ (котораго одно время прочили въ преемники гр. Витте), энергичный петербургскій градоначальникъ фонъ-деръ-Лауницъ. Въ декабрѣ было вторичное покушеніе на адм. Дубасова *). За годъ было убито 768 и

*) Адм. Дубасовъ просилъ Государя о помилованіи того, кто на него покушался. П. А. Столыпинъ высказался противъ такого исключенія и Государь отвѣтилъ Ф. В. Дубасову (4. XII. 1906): „Полевой судъ дѣйствуетъ помимо васъ и помимо Меня; пусть онъ дѣйствуетъ по всей строгости закона. Съ озвѣрѣвшими людьми другого способа борьбы нѣтъ и быть не можетъ. Вы Меня знаете, я незлобивъ: пишу Вамъ совершенно убѣжденный въ правотѣ моего мнѣнія. Это больно и тяжко, но вѣрно, что къ горю и сраму нашему, лишь казнь немногихъ предотвратитъ моря крови и уже предотвратила". (Послѣднія слова — отъ „къ горю и сраму нашему" процитированы Государемъ изъ письма П. А. Столыпина).

ранено 820 представителей и агентовъ власти. Но убійства уже не устрашали; и въ обществѣ они вызывали не сочувствіе, а растущее возмущеніе. При этомъ грань между политическими и уголовными убійствами стиралась до полной неуловимости: шайки грабителей, убивая полицейскихъ и похищая крупныя суммы денегъ, заявляли, что все это дѣлается „для нуждъ революціи". Дѣло дошло до того, что московскій комитетъ с.-д. счелъ себя обязаннымъ вынести резолюцію противъ этихъ „экспропріяцій", а брестъ-литовскій отдѣлъ еврейскаго „бунда" постановилъ: „такая конфискація деморализуетъ массы, развивая въ нихъ анархическія наклонности, а также индифферентизмъ къ партіи"... Грабежи оказывались слишкомъ большимъ соблазномъ, многіе „товарищи" послѣ удачной экспропріаціи не сдавали денегъ въ партійную кассу, а предпочитали скрыться съ добычей. Большевики, въ отличіе отъ меньшевиковъ и „бунда", не стали отвергать „экспропріаціи": хоть часть денегъ, вѣдь, всетаки попадала въ партійную кассу.

Убійства также приняли совершенно анархическій характеръ Людей убивали „за должность"; убивали тѣхъ, до кого легче было добраться; убивали и администраторовъ, популярныхъ среди населенія, — а цѣль революціи отдвигалась все дальше.

„Революціонное движеніе породило полную разнузданность подонковъ общества" — признавалъ „Вѣстникъ Европы". Революціонное движеніе **вырождалось и разлагалось.** Сомнѣнія проникали даже на его верхи. Психологическая сторона этого явленія ярко описана въ извѣстномъ романѣ „сверхъ-террориста" с.-р. Савинкова „Конь блѣдный": его герой, однажды признавшій, что можно убивать „для дѣла", приходитъ къ допущенію убійства „для себя" (устраненія мужа любимой женщины) и въ итогѣ кончаетъ съ собой.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ осени 1906 г. возобновились занятія послѣ перерыва въ полтора года. Революціонныя партіи не могли преодолѣть стихійной тяги къ возобновленію нормальной жизни, сказывавшейся и въ учащейся молодежи; онѣ придумали формулу о томъ, что интересы революціи требуютъ присутствія учащейся молодежи въ большихъ городахъ и подъ этимъ предлогомъ „разрѣшили" прекратить забастовку. Въ студенческой средѣ возникло раздѣленіе на партіи; роль умѣренныхъ играли въ университетахъ к.-д., ставшіе на позицію поддержки профессуры и защиты мирнаго хода занятій. Политическія собранія студентовъ становились понемногу рѣже; занятія шли, хотя и нарушались порою различными „забастовками протеста".

Государь писалъ Своей матери (11 октября): „Слава Богу, все идетъ къ лучшему... Сразу послѣ бури большое море не можетъ успокоиться". Онъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ 17 октября: „Годовщина крушенія *) и мучительныхъ часовъ прошлаго года! Слава Богу, что оно уже пережито!".

„Революція? Нѣтъ, это уже не революція", говорилъ П. А. Столыпинъ около того же времени корреспонденту газеты „Journal". — „Осенью въ прошломъ году можно было говорить съ нѣкоторой правдоподобностью о революціи... Теперь употребленіе громкихъ словъ, какъ анархія, жакерія, революція, — мнѣ кажется преувеличеніемъ". И премьеръ добавлялъ: „Если-бы кто-нибудь сказалъ въ 1900 г., что въ 1907 г. Россія будетъ пользоваться нынѣшнимъ политическимъ строемъ — никто бы этому не повѣрилъ. Теперешній режимъ превзошелъ своимъ либерализмомъ самыя широкія ожиданія".

Правительство рѣшило приступить къ законодательной дѣятельности, политическій конфликтъ не долженъ былъ долѣе задерживать проведенія насущныхъ реформъ. Въ нормальное время такое законодательство по 87-ой ст. Основныхъ законовъ, разрѣшающей только проведеніе неотложныхъ мѣръ въ промежутки между сессіями Гос. Думы, было бы спорнымъ съ правовой стороны; но въ переходный періодъ, когда законность еще не вылилась въ окончательныя формы, такой образъ дѣйствій былъ наиболѣе правильнымъ.

Война и революція задержали на 3—4 года проведеніе насущныхъ преобразованій, подготовленныхъ работой мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, комиссій по оскудѣнію центра и Особыхъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте и И. Л. Горемыкина. Положеніе крестьянства за послѣдніе годы не улучшилось и это создавало удобную почву для революціонной пропаганды въ деревнѣ — этой „послѣдней ставки" революціи. Но продѣланная за 1899—1904 г.г предварительная работа давала обширный матеріалъ для законодательной дѣятельности. Было выяснено, что главной причиной застоя или упадка крестьянскаго хозяйства было угнетеніе личности и отрицаніе собственности.

Для привлеченія крестьянъ на сторону революціи, лѣвыя партіи — въ томъ числѣ и с.-д., принципіальные сторонники крупнаго хозяйства — обѣщали крестьянамъ раздачу помѣщичьихъ земель и этимъ „купили" ихъ поддержку на выборахъ. Государь не пожелалъ идти

*) Жел.-дор. катастрофа въ Боркахъ, въ 1888 г.

по пути соревнованія въ демагогіи и пріобрѣтать поддержку крестьянъ такими же пріемами. Онъ думалъ о пользѣ цѣлаго и о завтрашнемъ днѣ: въ конечномъ счетѣ, такое увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія быстро привело бы къ новому, на этотъ разъ безъисходному кризису. Выборъ былъ между неуклоннымъ обнищаніемъ крестьянства въ цѣломъ — и его дифференціаціей. Сохраненіе имущественнаго равенства, сохраненіе власти общины надъ отдѣльнымъ крестьяниномъ приводило къ общему упадку хозяйства. Необходимо было развязать энергію отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяевъ.

Для того, чтобы создать земельный фондъ, были изданы: указъ 12 августа о передачѣ Крестьянскому банку состоящихъ въ сельскохозяйственномъ пользованіи удѣльныхъ земель (принадлежавшихъ Императорской фамиліи); указъ 27 августа о порядкѣ продажи казенныхъ земель, годныхъ для обработки; указъ 19 сентября объ использованіи, для удовлетворенія земельной нужды, кабинетскихъ земель на Алтаѣ (состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Императора); первые два указа создавали земельный фондъ въ нѣсколько милліоновъ десятинъ въ Европейской Россіи, третій — открывалъ обширную площадь для переселенія въ Сибирь.

Указомъ 5 октября были отмѣнены всѣ сохранившіяся еще въ законахъ правоограниченія для крестьянскаго сословія, — оно было сравнено съ другими въ отношеніи государственной и военной службы, въ отношеніи поступленія въ учебныя заведенія. Ограниченія, отмѣненныя 5 октября, касались гл. обр. власти „міра", сельскаго схода, надъ отдѣльными крестьянами.

Указомъ 19 октября Крестьянскому банку было разрѣшено выдавать крестьянамъ ссуды подъ надѣльныя земли; эта мѣра уже означала признаніе личной собственности крестьянина на свой участокъ земли.

Все это было подготовкой основной мѣры — указа 9 ноября 1906 г. о раскрѣпощеніи общины Этимъ актомъ русская власть окончательно порывала съ земельной политикой царствованія Императора Александра III, съ народническими тенденціями охраны общины, и становилась на путь развитія и укрѣпленія частной земельной собственности въ деревнѣ.

„Манифестомъ Нашимъ отъ 3 ноября 1905 г. взиманіе съ крестьянъ выкупныхъ платежей за надѣльныя земли отмѣняется съ 1 января 1907 г." — говорилось въ этомъ указѣ. — „Съ этого срока означенныя земли освобождаются отъ лежавшихъ на нихъ, въ силу выкупного долга, ограниченій, и крестьяне пріобрѣтаютъ право свобод-

наго выхода изъ общины, съ укрѣпленіемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнію, участковъ изъ мірского надѣла".

Въ отмѣну закона 1894 г., установившаго, что крестьяне и послѣ погашенія выкупныхъ платежей могутъ выходить изъ общины только съ ея согласія, указъ 9 ноября предоставлялъ каждому отдѣльному крестьянину право выхода изъ общины въ любое время. Если между общиной и желающимъ изъ нея выйти возникалъ споръ на счетъ участка, рѣшеніе принадлежало земскому начальнику. Крестьянинъ могъ въ любое время требовать закрѣпленія въ единоличную собственность тѣхъ участковъ, которыми онъ фактически пользовался. Но для устраненія черезполосицы, указъ устанавливалъ, что каждый крестьянинъ при общемъ передѣлѣ могъ требовать сведенія своей земли къ одному участку ("отрубу"); если же за такое размежеваніе высказывалось двѣ трети общины, оно могло происходить въ любое время. Наконецъ, въ предѣлахъ каждаго участка, указъ утверждалъ право единоличнаго распоряженія домохозяина, въ отличіе отъ принципа семейной коллективной собственности.

Такъ, послѣ перерыва въ четыре года, проводились въ жизнь пожеланія большинства мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Главная заслуга въ проведеніи этой реформы принадлежитъ безспорно П. А. Столыпину. Въ разработкѣ текста указа участвовали А. В. Кривошеинъ, В. І. Гурко, А. И. Лыкошинъ, А. А. Риттихъ и другіе знатоки сельскаго хозяйства; но отвѣтственность за рѣшеніе спорнаго вопроса взялъ на себя П. А. Столыпинъ, встрѣтившій въ этомъ полную поддержку Государя.

Энергичнымъ, хозяйственнымъ крестьянамъ открывались такимъ образомъ широкія возможности: освобожденные отъ выкупныхъ платежей — единственнаго крупнаго прямого налога, — отъ правовыхъ ограниченій, отъ стѣснительныхъ путъ общины, они получали возможность широкаго кредита въ Крестьянскомъ банкѣ подъ залогъ своихъ надѣльныхъ земель и могли пріобрѣтать, на льготныхъ условіяхъ, въ дополненіе къ своимъ прежнимъ владѣніямъ новые участки изъ земельнаго фонда. Этотъ фондъ, при томъ, состоялъ не только изъ удѣльныхъ, казенныхъ или кабинетскихъ земель: очень многіе частные владѣльцы, которые не могли поддерживать своего хозяйства или испугались аграрныхъ волненій, въ ускоренномъ порядкѣ продавали свои имѣнія Крестьянскому банку.

Земельная реформа, такимъ образомъ, осуществлялась — но не въ видѣ разрушенія жизнеспособной части крупнаго землевладѣнія,

и не въ видѣ „благотворительной" прирѣзки земель всѣмъ крестьянамъ безъ разбора, — а въ видѣ поощренія хозяйственныхъ элементовъ крестьянства. Интересамъ лучшихъ, крѣпкихъ элементовъ, этой опоры государственнаго хозяйства, отдавалось предпочтеніе передъ уравнительными и благотворительными соображеніями.

Послѣдствія этого закона могли сказаться не сразу; онъ былъ не агитаціоннымъ пріемомъ для успѣха на выборахъ, а крестьянской реформой, въ корнѣ измѣнявшей общее положеніе въ деревнѣ. Такой законъ — какъ показалъ опытъ Россіи и многихъ странъ — было бы нелегко провести черезъ какой-либо парламентъ.

Наряду съ крестьянской реформой, кабинетъ П. А. Столыпина провелъ по 87-ой статьѣ еще нѣсколько важныхъ мѣръ: указъ 14 октября о свободѣ старообрядческихъ общинъ; указъ 15 ноября объ ограниченіи рабочаго дня и о воскресномъ отдыхѣ приказчиковъ; отмѣну преслѣдованій за тайное преподаваніе въ Западномъ краѣ (т. е. разрѣшеніе обученія, въ частномъ порядкѣ, на польскомъ языкѣ). Распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія былъ допущенъ, въ 1906 году, пріемъ учащихся въ высшія учебныя заведенія безъ процентной нормы. „Общій вопросъ о правахъ евреевъ, — было при этомъ объявлено, — будетъ подлежать обсужденію Гос. Думы, и такъ какъ это вопросъ народной совѣсти, то Гос. Дума и должна высказаться, какъ его рѣшить". Проектъ нѣкотораго расширенія правъ евреевъ, одобренный Совѣтомъ Министровъ, вызвалъ рѣзкіе нападки въ правой печати. Государь отказался его утвердить.

Избирательная кампанія во вторую Думу началась рано, еще въ концѣ ноября. На этотъ разъ въ ней участвовали и крайніе лѣвые. Боролось, въ общемъ, четыре теченія: правые, стоящіе за возвращеніе къ неограниченному самодержавію; октябристы, принявшіе программу Столыпина; к.-д.; и „лѣвый блокъ", объединившій с.-д., с.-р. и другія соціалистическія группы.

Устраивалось много предвыборныхъ собраній; на нихъ шли „диспуты" между к.-д. и соціалистами или между к.-д. и октябристами. Правые держались въ сторонѣ, устраивая собранія только для своихъ.

Правительство Витте въ свое время совершенно пассивно отнеслось къ выборамъ въ I-ую Думу; со стороны кабинета Столыпина были сдѣланы нѣкоторыя попытки воздѣйствовать на выборы во II-ю. При помощи Сенатскихъ разъясненій былъ нѣсколько сокращенъ составъ избирателей въ городахъ и на съѣздахъ землевладѣльцевъ. Партіямъ лѣвѣе октябристовъ было отказано въ легализаціи, и только

легализованнымъ партіямъ было разрѣшено раздавать печатные избирательные бюллетени. Эта мѣра никакого значенія не получила: и у к. д., и у лѣвыхъ оказалось достаточно добровольныхъ помощниковъ, чтобы заполнить отъ руки требуемое количество бюллетеней.

Но избирательная кампанія носила новый характеръ: при выборахъ въ Первую Думу никто не защищалъ правительство; теперь же борьба шла **внутри** общества. Самый этотъ фактъ былъ уже существеннѣе, чѣмъ то, кто получитъ большинство на выборахъ. Нѣкоторые слои населенія — болѣе состоятельные слои — почти цѣликомъ повернулись противъ революціи.

Избраніе выборщиковъ происходило въ январѣ. Въ обѣихъ столицахъ к.-д. сохранили свои позиціи, хотя и сильно растаявшимъ большинствомъ. Они побѣдили и въ большинствѣ крупныхъ городовъ. Только въ Кіевѣ и Кишиневѣ на этотъ разъ одержали верхъ правые (избраны были епископъ Платонъ и П. Крушеванъ), а въ Казани и Самарѣ — октябристы *).

Гораздо болѣе пестрыми были результаты по губерніямъ. Тамъ сыграла свою роль аграрная демагогія, и крестьяне выбирали въ Думу тѣхъ, кто болѣе рѣзко и рѣшительно обѣщалъ имъ землю. Съ другой стороны, среди землевладѣльцевъ проявилось то же рѣзкое поправѣніе, какъ на земскихъ выборахъ, и въ Западномъ краѣ Союзъ Русскаго Народа имѣлъ успѣхъ среди крестьянъ. Поэтому однѣ губерніи посылали въ Думу с.-д., с.-р. и трудовиковъ, а другія — умѣренныхъ и правыхъ. Бессарабская, Волынская, Тульская, Полтавская губерніи дали наиболѣе правый результатъ; поволжскія губерніи — наиболѣе лѣвый. К.-д. потеряли почти половину своихъ мѣстъ, а октябристы усилились очень мало. Вторая Дума была Думой крайностей; въ ней громче всего звучали голоса соціалистовъ и крайнихъ правыхъ **). Но за лѣвыми депутатами уже не чувствовалось революціонной волны: выбранные крестьянами „на всякій случай" — авось, правда, „исхлопочутъ" землю — они не имѣли реальной поддержки въ странѣ и сами удивлялись своей многочисленности: 216 соціалистовъ на 500 человѣкъ!

---

*) Въ Петербургѣ получили (въ скобкахъ — выборы въ I Думу): лѣвый блокъ 16.000 (—); к.-д. 28.000 (40.000); октябристы 16.000 (18.000); правые 5.000 (3.000); въ Москвѣ — лѣвый блокъ — 5.000 (—); к.-д. 21.000 (26.000); октябристы 10.000 (12.000); правые 3.000 (2.000).

**) Составъ II-й Думы по фракціямъ: с.-д. — 65; с.-р. — 34; трудовая группа — 101; народные соціалисты — 14; к.-д. — 92; мусульманъ — 31; польское коло — 47; казаковъ — 17; октябристовъ и умѣренныхъ — 32; правыхъ — 22; безпартійныхъ — 50. (Большинство правыхъ, особенно духовенство и крестьяне, числились безпартійными).

Выборы во II-ую Думу совпали съ выборами въ Германіи: Рейхстагъ былъ распущенъ по вопросу о новыхъ кредитахъ на войну въ юго-западной Африкѣ; на выборахъ (въ январѣ 1907 г.) соціалъ-демократы потерпѣли пораженіе (изъ 81 мѣста они сохранили только 42); избирательная кампанія обнаружила въ германскомъ народѣ растущій интересъ къ вопросу о колоніяхъ. Изъ другихъ странъ за 1906 г. и начало 1907 г., наибольшія перемѣны произошли въ Австріи, гдѣ по инціативѣ правительства было введено всеобщее избирательное право. „Движеніе воды", вызванное этимъ шагомъ, толкнуло австрійское правительство на путь болѣе активной внѣшней политики. Во Франціи, въ 1906 г., былъ избранъ президентомъ радикалъ Фальеръ, и выборы въ Палату, давшіе побѣду лѣвымъ, привели къ власти первый кабинетъ Клемансо. Въ Англіи небывалый разгромъ консерваторовъ на выборахъ того же года открылъ эру Асквита и Ллойдъ-Джорджа, соціальныхъ реформъ и борьбы съ Палатой Лордовъ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ русскихъ событій было введеніе конституціи въ Черногоріи.

Насколько торжественнымъ было открытіе I-й Думы, настолько буднично прошло — 20 февраля 1907 г. — открытіе II-ой. Правительство заранѣе знало, что въ случаѣ неработоспособности этой Думы она будетъ распущена, и избирательный законъ будетъ на этотъ разъ измѣненъ. А населеніе мало интересовалось новой Думой.

По своему личному составу II-ая Дума была бѣднѣе первой: больше полуграмотныхъ крестьянъ, больше полуинтеллигенціи; гр. В. А. Бобринскій назвалъ ее „Думой народнаго невѣжества". Было меньше людей съ высшимъ образованіемъ: они преобладали только у правыхъ и въ польскомъ коло, которое возглавлялось лидеромъ національ-демократовъ Р. Дмовскимъ. Правые на этотъ разъ провели въ Думу нѣсколька энергичныхъ ораторовъ (В. М. Пуришкевича, В. В. Шульгина, еп. Евлогія, гр. В. А. Бобринскаго, П. Н. Крупенскаго, П. В. Новицкаго и др.). Они „не давали спуску" лѣвымъ: начинали протестовать, какъ только съ трибуны раздавались революціонные выпады, срывали ораторскіе эффекты возгласами съ мѣстъ, шумно привѣтствовали представителей власти. Правые (и обычно примыкавшіе къ нимъ умѣренные) составляли одну пятую Думы. Немного болѣе пятой имѣли к.-д. съ примыкавшими къ нимъ мусульманами; болѣе двухъ пятыхъ — соціалисты. Роль рѣшающаго центра принадлежала не к.-д., а польскому коло; когда оно присоединяло свои голоса къ соціалистамъ, к.-д. и правые оказывались въ меньшинствѣ

Если среди к.-д. было нѣсколько видныхъ ораторовъ (Ф. И. Родичевъ, В. А. Маклаковъ, А. А. Кизеветтеръ), то многочисленные соціалисты, кромѣ молодого грузинскаго с.-д. И. Г. Церетели и большевика Г. А. Алексинскаго, не выдѣлили ни одного хорошаго оратора, а говорили они не мало.

Лучшимъ ораторомъ въ II-й Думѣ, по признанію и друзей и враговъ, оказался — Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ. Его выступленія были наиболѣе яркими, запомнившимися моментами въ исторіи II-й Думы.

Когда въ засѣданіи 6 марта, П. А. Столыпинъ выступилъ съ декларацiей и развернулъ обширный планъ реформъ, сразу почувствовалась перемѣна противъ временъ I-й Думы: никто не кричалъ „въ отставку!", заключительныя слова премьера были покрыты аплодисментами справа, а фракціи думскаго большинства, въ качествѣ демонстраціи, рѣшили воздержаться отъ преній и принять простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Но съ этимъ не согласились с.-д.; ихъ ораторы начали выступать съ рѣзкими рѣчами; справа ихъ перебивали возгласами „долой! ложь! у васъ руки въ крови!". На каждую рѣчь с.-д. отвѣчали двумя рѣчами правые. Говорило свыше двадцати ораторовъ. Демонстрація „презрительнаго молчанія" совершенно не удалась.

Пренія закончились краткимъ и энергичнымъ выступленіемъ Столыпина: „Правительству желательно было бы найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ... Такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы; я имъ пользоваться не буду" Столыпинъ указалъ, что власть „должна была или отойти и дать дорогу революціи... или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено... Правительство задалось одною цѣлью —сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, тѣ начала, которые были положены въ основу реформъ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было услышано далеко за стѣнами этого собранія, что **тутъ волею Монарха нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, и что эти скамьи не скамьи подсудимыхъ — это мѣсто правительства.** (Аплодисменты). Правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого либо неустройства — но иначе оно должно отнестись къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе. Эти нападки расчитаны на то, чтобы вызвать у власти параличъ и мысли и воли, всѣ они сводятся къ

двумъ словамъ — „руки вверхъ". На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты можетъ отвѣтить только двумя словами: **„не запугаете"**.

Слова Столыпина были услышаны „далеко за стѣнами этого собранія" и произвели огромное впечатлѣніе и въ Россіи и за границей.

Правительство не внесло въ Гос. Думу закона о военно-полевыхъ судахъ, и дѣйствіе его должно было само собою прекратиться 20 апрѣля *). Дума тѣмъ не менѣе подняла вопросъ объ его отмѣнѣ. Справа тотчасъ же предложили вынести осужденіе террору.

Столыпинъ во время этихъ преній процитировалъ резолюцію съѣзда с.-р. о террорѣ, высказалъ надежду, что Дума произнесетъ „слово умиротворенія", и закончилъ словами о томъ, что Россія „сумѣетъ отличить кровь, о которой здѣсь такъ много говорилось, кровь на рукахъ палачей, **отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей,** которые примѣняли, быть можетъ, самыя чрезвычайныя мѣры, но съ однимъ упованіемъ, съ одной надеждой — исцѣлить трудно-больного!".

Много засѣданій было посвящено порядку обсужденія бюджета, а также программнымъ рѣчамъ по аграрному вопросу. 10 мая П. А. Столыпинъ выступилъ съ критикой внесенныхъ проектовъ. „Въ настоящее время государство у насъ хвораетъ, — говорилъ онъ. — Самою больною, самою слабою частью, которая хирѣетъ, которая завядаетъ, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой совершенно автоматическій способъ: взять и раздѣлить всѣ 130.000 существующихъ въ данное время помѣстій. Государственно ли это? Не напоминаетъ-ли это исторію тришкина кафтана? — обрѣзать полы, чтобы сшить изъ нихъ рукава? Господа, нельзя укрѣпить больное тѣло, питая его вырѣзанными изъ него самого кусками мяса; надо дать толчекъ организму, создать приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь". (Фраза Столыпина: 130.000 помѣстій — дала поводъ для утвержденія, будто „130.000 помѣщиковъ" управляютъ Россіей).

Послѣднія слова рѣчи Столыпина получили широкую извѣстность.

„Въ дѣлѣ этомъ нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная, черная работа, — говорилъ онъ. **Разрѣшить** этого вопроса нельзя, его надо **разрѣшать!** Въ западныхъ государствахъ на это потребовались десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скромный, но вѣрный путь. Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожде-

*) За время дѣйствія этихъ судовъ, по ихъ приговорамъ было казнено 683 человѣка.

нія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія".

Неожиданный кризисъ возникъ 16 апрѣля, во время преній о контингентѣ новобранцевъ на слѣдующій годъ. Соціалисты стояли за отклоненіе проекта и одинъ ихъ ораторъ, с. д. Зурабовъ, критиковалъ офицеровъ, генераловъ и наконецъ оскорбительно отозвался обо всей арміи. Молва изукрасила слова Зурабова, сказанныя въ закрытомъ засѣданіи. По стенограммѣ (какъ говорятъ, смягченной) они гласили: „армія будетъ великолѣпно воевать съ нами, и васъ, господа, разгонять, и будетъ всегда терпѣть пораженія на востокѣ".

Въ первой Думѣ такая же выходка деп. Якубзона не вызвала немедленнаго отпора; но при словахъ Зурабова на правыхъ скамьяхъ поднялась буря. Министры демонстративно покинули свои мѣста. Предсѣдатель Думы Головинъ сначала пытался „замять" инцидентъ и сталъ дѣлать замѣчанія правымъ. Протесты усилились. „Вопросъ не исчерпанъ! Мы уйдемъ! Россія оскорблена! Вонъ его!" — кричали справа. Пришлось объявить перерывъ; во время него стали говорить, что правительство относится къ происшедшему весьма серьезно, и что безнаказанность оскорбленія арміи можетъ привести къ роспуску Думы. К.-д. и предсѣдатель Думы были готовы дать правительству полное удовлетвореніе, исключивъ Зурабова изъ засѣданія; выяснилось, однако, что не только соціалисты, но и польское коло отказывается голосовать за исключеніе Зурабова. Тогда Ф. А. Головинъ, по возобновленіи засѣданія, заявилъ, что ознакомился со стенограммой, убѣдился въ недопустимости словъ Зурабова, лишаетъ его слова и дѣлаетъ ему замѣчаніе. Затѣмъ онъ предложилъ Думѣ одобрить дѣйствія предсѣдателя. Большинствомъ изъ правыхъ, к.-д. и польскаго коло это предложеніе было принято, при бурныхъ протестахъ всей лѣвой, которая покинула залъ засѣданій.

Зурабовскій инцидентъ знаменовалъ разрывъ к.-д. съ соціалистами. Крайніе лѣвые бурно выражали свое негодованіе. „Облетѣли цвѣты, догорѣли огни" — писало „Русское Богатство", и насмѣшливо замѣчало по адресу партіи к.-д.: „Какъ бы она не отмежевывалась отъ революціоннаго пути, она цѣликомъ и рабски отъ него зависитъ... Пройдетъ время, завоетъ буря съ горъ... И будутъ люди опять „пламенно" краснорѣчивы".

Но поворотъ въ политикѣ к.-д. — поворотъ, продиктованный желаніемъ „беречь Думу" — наступилъ слишкомъ поздно; даже въ невѣроятномъ случаѣ прочнаго союза к.-д. съ правыми, въ Думѣ не могло образоваться большинство для сотрудничества съ властью: для

этого нужны были бы еще голоса польскаго коло. Континигентъ новобранцевъ и былъ одобренъ такимъ большинствомъ — отъ Дмовскаго до Пуришкевича — но по многимъ ли вопросамъ могла составиться такая пестрая коалиція? Къ тому же, правые не желали — и не имѣли основанія желать — сохраненія Второй Думы.

Роспускъ былъ предрѣшенъ и съ нимъ нельзя было долго медлить. „Революція объективно закончилась", — писалъ П. Б. Струве въ „Русской Мысли". Еще продолжались террористическіе акты, все менѣе отличаясь отъ простыхъ уголовныхъ убійствъ; аграрныя волненія снова усилились съ открытіемъ Второй Думы; но даже Ленинъ, на конференціи с.-д., признавалъ, что „революціонной ситуаціи" больше нѣтъ. Это сознавала и власть. Пора было подвести итоги переломныхъ годовъ; пора было переходить къ дѣловой повседневной государственной работѣ. Проведеніе въ жизнь крестьянской реформы, переустройство арміи на основаніи опыта японской войны, все это требовало болѣе спокойной обстановки. Но ни со Второй Думой, ни при новыхъ выборахъ по прежнему закону этого замиренія нельзя было достигнуть.

Вторая Дума старалась не дать правительству предлога для роспуска. Когда правые внесли запросъ объ умыслѣ на жизнь Государя *), к.-д. вмѣстѣ съ ними голосовали за резолюцію, выражающую живѣйшую радость по поводу того, что заговоръ былъ своевременно раскрытъ. Вопросъ объ осужденіи террора былъ снятъ съ повѣстки, но к.-д. и польское коло, въ резолюціяхъ по поводу одного запроса, выразила свое отрицательное отношеніе къ политическимъ убійствамъ.

Въ то же время, лѣвыя партіи широко пользовались депутатской неприкосновенностью для своей революціонной дѣятельности. Думская фракція с.-д. вошла въ связь съ группой распропагандированныхъ солдатъ различныхъ полковъ, называвшей себя „военной организаціей с.-д. партіи". Такъ какъ въ этой группѣ имѣлись и слѣдившіе за ея развитіемъ агенты тайной полиціи, правительству тотчасъ стало объ этомъ извѣстно; 4 мая, при обыскѣ на квартирѣ рижскаго депутата, с.-д. Озоль, было арестовано нѣсколько членовъ этой организаціи. С.-д. имѣли смѣлость внести запросъ по поводу этого обыска; П. А. Столыпинъ (8 мая) только отвѣтилъ, что разслѣдованіе еще не закончено.

*) Въ концѣ марта была арестована группа человѣкъ въ тридцать, готовившая покушеніе на Государя, В. К. Николая Николаевича, П. А. Столыпина, и И. Г. Щегловитова.

1 іюня П. А. Столыпинъ явился въ Гос. Думу, просилъ устроить закрытое засѣданіе, и предъявилъ на немъ требованіе о снятіи депутатской неприкосновенности со всѣхъ членовъ думской фракціи с.-д. за устройство военнаго заговора. К.-д. оказались въ трудномъ положеніи. Они не могли защищать военный заговоръ и очень хотѣли „сберечь" Думу. Въ то же время, доказательства заговора, предъявленныя слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, казались имъ спорными и во всякомъ случаѣ относившимися не ко всѣмъ с.-д. Они передали дѣло въ комиссію, которая работала два дня и ни до какихъ выводовъ не дошла. Правительство, считая, что съ арестами дольше медлить нельзя (уже часть обвиняемыхъ скрылась) рѣшило начать дѣйствовать.

2 іюня было послѣднее засѣданіе II-ой Думы. Обсуждался вопросъ о мѣстномъ судѣ. Лѣвыя партіи нѣсколько разъ предлагали измѣнить повѣстку, перейти къ обсужденію „предстоящаго государственнаго переворота", отвергнуть бюджетъ и всѣ проекты, проведенные по 87-й статьѣ, обратиться съ воззваніемъ къ народу. Большинство каждый разъ отвергало эти предложенія. Въ концѣ засѣданія, А. А. Кизеветтеръ отъ комиссіи по вопросу о снятіи депутатской неприкосновенности, сообщилъ, что докладъ еще не готовъ.

На слѣдующій день, 3 іюня, былъ изданъ манифестъ о роспускѣ Гос. Думѣ и о введеніи новаго избирательнаго закона. Въ то же утро были арестованы всѣ депутаты с.-д., которые еще не скрылись. Населеніе встрѣтило роспускъ Думы совершенно спокойно: не было ни демонстрацій, ни попытокъ устроить забастовки. Народныя гулянія были переполнены и не пришлось даже усилить полицейскіе наряды.

Иностранное общественное мнѣніе, отчасти подготовленное письмомъ проф. Ф. Ф. Мартенса въ „Times" о необходимости измѣненія избирательнаго закона, отнеслось къ происшедшему равнодушно и скорѣе благожелательно.

Избирательный законъ 3 іюня 1907 года, главную роль при выработкѣ котораго игралъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ С. Е. Крыжановскій, былъ основанъ на опытѣ выборовъ въ двѣ Думы, а также земскихъ и городскихъ выборовъ, и преслѣдовалъ одну цѣль: создать при минимальной ломкѣ дѣйствующихъ законовъ, такое народное представительство, которое бы стало добросовѣстно работать въ рамкахъ существующихъ законовъ. Новый законъ — это было его оригинальной чертой — никого не лишалъ избирательнаго права (только въ отношеніи Средней Азіи было признано, что эта область

еще „не созрѣла“ для выборовъ). Но существенно мѣнялся удѣльный вѣсъ отдѣльныхъ группъ населенія. Въ Европейской Россіи по старому закону крестьяне избирали 42 проц. выборщиковъ, землевладѣльцы 31 проц.; горожане и рабочіе 27 проц. По новому закону, крестьяне избирали 22,5 проц., землевладѣльцы 50,5 проц., горожане и рабочіе — тѣ же 27 проц.; но горожане при этомъ раздѣлялись на двѣ „куріи“, голосовавшія отдѣльно, причемъ первая курія („цензовая“) имѣла больше выборщиковъ. Въ общемъ, 65 проц. выборщиковъ избирались тѣми слоями населенія, которые участвовали въ земскихъ и городскихъ выборахъ и такимъ образомъ имѣли болѣе долгій опытъ общественной дѣятельности. Кромѣ того было сокращено представительство окраинъ: Польши съ 36 до 12 (и 2 депутатовъ отъ русскаго населенія), Кавказа съ 29 до 10; это было отступленіемъ отъ того начала имперскаго равенства, которое было положено въ основу прежнихъ законовъ. „Государственная Дума должна быть русской и по духу“, — говорилось въ манифестѣ, — „иныя народности... не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ“. Это было намекомъ на рѣшающую роль польскаго коло въ II-й Думѣ.

Россія не первая продѣлала этотъ путь: въ Пруссіи, въ 1848 г., былъ тоже распущенъ первый составъ парламента, его члены тоже издали воззваніе къ народу, призывавшее не платить налоги и не поставлять рекрутовъ; населеніе тоже никакъ на это не отозвалось. Былъ собранъ второй составъ парламента; онъ былъ тоже распущенъ (въ маѣ 1849 г.), избирательный законъ былъ измѣненъ. Ландтагъ, избиравшійся по этому закону, просуществовалъ затѣмъ почти семьдесятъ лѣтъ (до 1918 г.).

Но самый манифестъ 3 іюня имѣлъ еще большее принципіальное значеніе, чѣмъ избирательный законъ. Онъ окончательно опредѣлилъ новый русскій государственный строй; онъ завершилъ ту перестройку, которая была начата рескриптомъ 18 февраля 1905 г. и создалъ ясность, которой такъ мучительно не хватало за переломные годы. Если текстъ манифеста былъ написанъ П. А. Столыпинымъ, то мысли онъ выражалъ самого Государя. „Что это за новый строй? Какое то абсолютное „безпринципіе“: ни монархія, ни демократія“, — сѣтовалъ въ своемъ дневникѣ Л. Тихоміровъ, который въ то же время писалъ открыто *): „Не выйдемъ мы изъ безпорядковъ и революцій до тѣхъ

*) „Новое Время“, 22 сентября 1906 г.

поръ, пока не станетъ всенародно ясно и практически неоспоримо, — гдѣ **Верховная власть,** гдѣ та сила, которая при разногласіяхъ **нашихъ** можетъ сказать: „Roma locuta — causa finita“ — потрудитесь **всѣ** подчиниться, а если не подчинитесь — сотру съ лица земли“.

Манифестъ 3 іюня отвѣчалъ на этотъ вопросъ: Послѣ перечисленія необходимыхъ поправокъ къ избирательному закону, въ немъ говорилось: „Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены **обычнымъ законодательнымъ путемъ** черезъ ту Государственную Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства способа избранія ея членовъ. **Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ.**

„Отъ Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ, передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

„Въ сознаніи этого черпаемъ Мы твердую рѣшимость **довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ“.**

Манифестъ провозглашалъ, что историческая власть русскаго Царя остается основой государства. Всѣ законы исходятъ отъ нея. Манифестомъ 17 октября и Основными Законами 23 апрѣля установленъ новый **обычный законодательный путь,** ограничивающій царскую власть въ области изданія новыхъ законовъ. Но въ случаѣ, если спасеніе государства не можетъ быть достигнуто на обычномъ законодательномъ пути, — **за Царской властью остаются обязанность и право изыскать иной путь.** Эту верховную суверенность Государь и подразумѣвалъ подъ словами „самодержавіе, такое какъ и встарь“.

Отступленіе отъ обычнаго пути, закрѣпленнаго въ Основныхъ Законахъ, было допустимо, конечно, только въ случаяхъ **крайней необходимости;** оно всегда колеблетъ правосознаніе и порождаетъ смуту въ умахъ; но отрицать возможность такихъ случаевъ значило бы закрывать глаза на дѣйствительность. Никакое государство не можетъ идти на гибель ради соблюденія буквы закона, и это менѣе всего могутъ отрицать тѣ, кто признаетъ, въ томъ же случаѣ крайней необходимости, право на внѣзаконное дѣйствіе за такимъ обманчивымъ и расплывчатымъ понятіемъ, какъ „народъ“.

Государь, какъ былъ, такъ и остался верховнымъ вождемъ страны. Онъ вывелъ ее изъ войны и смуты, и манифестомъ 3 іюня Онъ довелъ до конца „великое дѣло преобразованія“: въ Россіи утвердился новый строй — Думская Монархія.

Часть Вторая

ПЕРЕЛОМНЫЕ ГОДЫ (1904—1907)

Цѣна I тома 3 ам. доллара.
(на складѣ)